

ISSN 2949-5121 (PRINT)
ISSN 2949-5148 (ONLINE)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПРО
СВЕТ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ПРОСВЕЩЕНИЯ

2024 № 3

- Модусы бытия многомерного человека
- Синергетический подход в исследовании аксиосферы
- Идентичность субъекта в социокультурной реальности цифрового общества

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Философские науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Современные философские исследования» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.7.1 – Онтология и теория познания (философские науки); 5.7.2 – История философии (философские науки); 5.7.6 – Философия науки и техники (философские науки); 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Contemporary Philosophical Research” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.7.1. – Ontology and theory of cognition (philosophical sciences); 5.7.2. – The history of philosophy (philosophical sciences); 5.7.6. – The philosophy of science and technology (philosophical sciences); 5.7.7. – Social and political philosophy (philosophical sciences).

ISSN 2949-5121 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5148 (online)

CONTEMPORARY PHILOSOPHICAL RESEARCH

Учредитель журнала «Современные философские исследования»
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Бондарева Я. В. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Губман Б. Л. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный университет

Ответственный секретарь:

Майкова В. П. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана (Мытищинский филиал)

Члены редакционной коллегии:

Беркут В. П. — д-р филос. наук, проф., Военная академия РВСН им. Петра Великого Министерства обороны Российской Федерации;

Виноградов А. И. — д-р филос. наук, проф., Мурманский арктический государственный университет;

Евстифеева Е. А. — д-р филос. наук, проф., Тверской государственный технический университет;

Ильин В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана;

Кондаков А. М. — д-р пед. наук, проф., член-корреспондент Российской академии образования, Институт мобильных образовательных систем (ИМОС);

Костадинович Д. — д-р наук, доц., Университет Ниша (Сербия);

Кравченко В. В. — д-р филос. наук, проф., Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет);

Курабцев В. Л. — д-р филос. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Лебедев С. А. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Микосиба М. — д-р наук, почётный профессор, Университет Тиба (Япония);

Михалкин Н. В. — д-р филос. наук, проф., Московский государственный психолого-педагогический университет;

Синенко В. Я. — д-р пед. наук, проф., академик Российской академии образования, Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования;

Янич М. — д-р наук, проф., Университет Ниша (Сербия)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

Рецензируемый научный журнал «Современные философские исследования» — печатное издание, в котором публикуются статьи российских и зарубежных учёных по вопросам онтологии и теории познания, истории философии, философии науки и техники, социальной и политической философии.

Журнал адресован преподавателям высшей школы, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется вопросами философии.

Журнал «Современные философские исследования» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77-73345.

Индекс журнала «Современные философские исследования» по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40724.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.philosmgou.ru).

При цитировании ссылка на журнал обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Современные философские исследования. — 2024. — № 3. — 160 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайт: www.philosmgou.ru

Founder of the journal "Contemporary Philosophical Research":
Federal State University of Education

_____ Issued 4 times a year _____

Editorial board

Editor-in-chief:

Ya. V. Bondareva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education

Deputy editor-in-chief:

B. L. Gubman – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State University

Executive secretary of the series:

V. P. Maikova – Dr. Sci. (Philosophy), Mytischki Branch of Bauman Moscow State Technical University

Editorial board:

V. P. Berkut – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peter the Great Military Academy of the Strategic Missile Forces of the Ministry of Defence of the Russian Federation;

A. I. Vinogradov – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Murmansk Arctic State University;

E. A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tver State Technical University;

V. V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Bauman Moscow State Technical University;

A. M. Kondakov – Dr. Sci. (Education), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Mobile Educational Systems;

D. Kostadinović – PhD, Assoc. Prof., University of Niš (Serbia);

V. V. Kravchenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow Aviation Institute (National Research University);

V. L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., State University of Education;

S. A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University;

M. Mikoshiba – PhD, Honored Professor, Chiba University (Japan);

N. V. Mikhalkin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Moscow State University of Psychology and Education;

V. Ya. Sinenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Novosibirsk Teachers' Upgrading and Retraining Institute;

M. Janjić – Doctor of Philology, Prof., University of Niš (Serbia)

ISSN 2949-5121 (print)

ISSN 2949-5148 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Contemporary Philosophical Research" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists, including but not limited to ontology, theory of cognition, history of philosophy, philosophy of science and technology, and social and political philosophy.

The journal is addressed to university teachers, doctoral students, postgraduate students, and anyone interested in philosophy.

The journal "Contemporary Philosophical Research" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77-73345).

The subscription index of "Contemporary Philosophical Research" is 40724 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.philosmgou.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Contemporary Philosophical Research. – 2024. – No. 3. – 160 p.

© SUE, 2024.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

Phone: +7 (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

sites: www.philosmgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- Алёхина Е. В., Заложных Ю. С.* Современные славянофилы: оценка специальной военной операции как противостояния идеологий суверенной государственности и ультраглобализма. Часть II. 6
- Колесниченко Ю. В.* Лосев: логика и/или диалектика. Прерывистость числовых множеств как форма выражения личностного бытия: Лосев, Лузин, Флоренский 17
- Попов Д. Н.* Историография философии бенгальского вишнуизма в колониальной Индии 30

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

- Ивлев В. Ю., Калитин П. В.* О не-классическом рационально-логическом кенозисе русского менталитета. 43
- Лебедев С. А., Савин С. С.* Конструктивная природа теоретического познания в науке и его методы 52
- Ненашева М. В.* О роли неэпистемологических ценностей в научном познании 63

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

- Вермишова П. И.* Человек и общество в эпоху хтулуцена: взгляд Д. Харауэй. 70
- Евстифеева Е. А., Морозова О. Ю.* Проблема концептуализации социальных практик. ... 80
- Елхова О. И.* Модусы бытия многомерного человека 87
- Жидкова Н. С., Жидков М. А.* Актуальные проблемы соотношения телесности и социальности человека в современном обществе 96
- Ильин В. В.* Там, где кончаются звёзды. За рубежом человечности 106
- Курабцев В. Л.* Специфика «большой страны» (на основе исследований Ф. М. Достоевского и А. С. Панарина) 115
- Ломакина Н. Б.* Рациональная коммуникация в управленческих процессах в условиях нестабильности и неопределённости. 123
- Рябова М. Э.* Идентичность субъекта в социокультурной реальности цифрового общества. 131
- Тимофеев А. В.* Синергетический подход в исследовании аксиосферы 138

РЕЦЕНЗИИ

- Губанов Н. Н.* Понимать науку, чтобы в неё верить. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. 352 с. 150

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

- E. Alekhina, Yu. Zalozhnykh.* Modern Slavophiles: Assessment of the Special Military Operation as a Confrontation Between the Ideologies of Sovereign Statehood and Ultra-Globalism. Part II 6
- Yu. Kolesnichenko.* V. Losev: Logic and/or Dialectics. Discontinuity of Numerical Sets as a Form of Expression of Personal Being: Losev, Luzin, Florensky..... 17
- D. Popov.* Historiography of the Philosophy of Bengali Vishnuism in Colonial India 30

PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

- V. Ivlev, P. Kalitin.* On Non-Classical Rational-Logical Kenosis Russian Mentality 43
- S. Lebedev, S. Savin.* Constructive Nature of Theoretical Knowledge in Science and Its Methods 52
- M. Nenasheva.* On the Role of Non-Epistemic Values in the Scientific Knowledge 63

SOCIAL AND POLITICAL PHILOSOPHY

- P. Vermishova.* Man and Society in the Age of Chthulucene: The View of D. Haraway 70
- E. Evstifeeva, O. Morozova.* The Concept and General Classification of Social Practices. 80
- O. Elkhova.* Modes of Being of a Multidimensional Human 87
- N. Zhidkova, M. Zhidkov.* Actual Problems of the Correlation of Physicality and Sociality of a Person in Modern Society 96
- V. Ilyin.* Where the Stars End. Beyond Humanity 106
- V. Kurabtsev.* The Specifics of the “Big Country” (Based on F. Dostoevsky’s and A. Panarin’s Research) 115
- N. Lomakina.* Rational Communication in Management Processes in Conditions of Instability and Uncertainty. 123
- M. Ryabova.* Identity of a Subject in the Socio-Cultural Reality of Digital Society 131
- A. Timofeev.* Synergetic Approach in the Study of the Axiosphere 138

REVIEWS

- N. Gubanov.* Understand Science to Believe in it. Book Review: Lebedev S. A. Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures. Moscow, Prospect Publ., 2024. 352 p. 150

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-6-16

СОВРЕМЕННЫЕ СЛАВЯНОФИЛЫ: ОЦЕНКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ КАК ПРОТИВОСТОЯНИЯ ИДЕОЛОГИЙ СУВЕРЕННОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И УЛЬТРАГЛОБАЛИЗМА. ЧАСТЬ II

Алёхина Е. В.¹, Заложных Ю. С.²

¹Государственный университет просвещения

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация

²Калужский музей изобразительных искусств

248000, Калужская обл., г. Калуга, ул. Ленина, д. 104, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить влияние социально-философских идей славянофилов в современной России в понимании сущности западничества, глобализма и их значения в проходящем военном конфликте на Украине. Обосновать тезис, что наиболее востребованной идеей является убежденность в необходимости последовательного преодоления западничества, прежде всего в управленческих структурах, для полного восстановления государственного суверенитета.

Процедура и методы. Сопоставлены принципы социально-философской мысли неославянофилов и либерального глобализма.

Результаты. Авторы обосновывают тезис, что фактический разрыв с западной цивилизацией вызвал в неославянофильской мысли России особое направление – *западоведение*, в логике которого СВО представляет собой прямое столкновение двух типов цивилизаций: традиционного общества и постмодернистского либерально-глобалистского Запада. Обвинения внутренних западников в антипатриотизме сопрягаются с разоблачением антидемократического и бесчеловечного курса современных западных государств, пропаганды идеологии трансгуманизма как новой формы тоталитаризма и геноцида. Неразрешимые противоречия между национальными и западническими неоглобалистскими интересами возникают тогда, когда стратегический курс на суверенитет и опору на традицию не получает должной проработки в законодательстве, которое остаётся либеральным и соответствующим глобальным целям «устойчивого развития» ООН. Для славянофильской части общества политика «новых западников» по всеобщей цифровизации рассматривается как угроза национальной безопасности и «второй фронт» борьбы за суверенитет. Обосновывается необходимость выхода из-под влияния западнических глобалистских центров, которые ставят под вопрос историческое существование России. Только сохраняя православную веру, Россия может противостоять неоязыческому давлению западной цивилизации.

Теоретическая и/или практическая значимость обусловлена необходимостью суверенизации и мобилизации сфер социальных наук и образования для осмысления проходящего в мире глубинного перелома и выбора правильных решений с опорой на принципы русской философской традиции.

Ключевые слова: глобализм, западоведение, национальное самосознание, славянофильство, трансгуманизм, цифровизация

MODERN SLAVOPHILES: ASSESSMENT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION AS A CONFRONTATION BETWEEN THE IDEOLOGIES OF SOVEREIGN STATEHOOD AND ULTRA-GLOBALISM. PART II

E. Alekhina¹, Yu. Zalozhnykh²

¹*Federal State University of Education*

ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation

²*Kaluga Museum of Fine Arts*

ul. Lenina 104, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the influence of the socio-philosophical ideas of the Slavophiles in modern Russia in understanding the essence of Westernism, globalism and their significance in the ongoing military conflict in Ukraine. To substantiate the thesis that the most popular idea is the conviction that in order to fully restore state sovereignty it is necessary to consistently overcome Westernism, primarily in management structures.

Methodology. The principles of social and philosophical thought of neo-Slavophiles and liberal globalism are compared.

Results. The author substantiates the thesis that the actual break with Western civilization gave rise to a special direction in the neo-Slavophile thought of Russia – Western studies, in the logic of which the NWO represents a direct clash of two types of civilizations: traditional society and the postmodern liberal-globalist West. Accusations of domestic Westerners of anti-patriotism are coupled with the exposure of the anti-democratic and inhumane course of modern Western states, the propaganda of the ideology of transhumanism as a new form of totalitarianism and genocide. Insoluble contradictions between national and Westernizing neo-globalist interests arise when the strategic course towards sovereignty and reliance on tradition does not receive proper elaboration in legislation, which remains liberal and consistent with the global goals of “sustainable development” of the UN. For the Slavophile part of society, the policy of the “new Westerners” for universal digitalization is seen as a threat to national security and the “second front” of the struggle for sovereignty. The need to escape from the influence of Westernizing globalist centers, which call into question the historical existence of Russia, is substantiated. Only by preserving the Orthodox faith can Russia resist the neo-pagan pressure of Western civilization.

Research implications. They are determined by the need to sovereignize and mobilize the spheres of social sciences and education to understand the profound change taking place in the world and choose the right decisions based on the principles of the Russian philosophical tradition.

Keywords: globalism, Western studies, national identity, Slavophilism, transhumanism, digitalization

Введение

Оппозиционным направлением по отношению к славянофильству стало *западничество*, а идейный раскол между секуляризмом и традиционализмом концентрировался на полюсах идеологием «свобода, равенство, братство» и «православие, самодержавие, народность».

В духовном плане западничество в той или иной степени включало *русофобию*. В современном мире русофобия стала объединяющей идеологией Запада, оправдывающей военную агрессию и питающей идею

«украинства». Поэтому «денацификация и демилитаризация» как цели СВО означают ликвидацию Украины как «политического проекта по вытравливанию русской идентичности и войны с Россией братскими славянскими руками ... полная русификация этих территорий, а также освобождение новороссов, малороссов и русинов от украинской идентичности».¹

¹ Антоновский Р. Русская Звезда Смерти: России уготовили особый «проект по вытравливанию». [Электронный ресурс]. URL: https://dzen.ru/a/Y8MGVgYN2C_JkX7M15 (дата обращения: ...)

С началом Русской весны в 2014 г. и особенно с началом СВО можно говорить о бурном развитии в политологической, культурологической, философской мысли России особого направления – *западоведения*, в рамках которого раскрывается глобальный смысл СВО в аспектах геополитики, столкновения цивилизаций, однополярности и многополярности, глобализма и суверенности, различных политэкономических моделей, наконец, в перспективе христианского эсхатологизма.

Придерживаясь принципов цивилизационного анализа и формулируя отличия русской и западной цивилизаций, отечественные мыслители возвращаются к идеям Н. Данилевского. Для генерала Л. Г. Ивашова «Основание, матрица для русской цивилизации ... – это совесть, святость и справедливость. На Западе кодом является выгода» [6, с. 422]. А. Г. Дугин отказывается от формационного анализа и «прогрессистской» западоцентристской картины мира, ставшей формой «ментальной колонизации». Он рассматривает Россию как субъект истории, развитие которой опиралось на «веру, традицию, державность, народность, человечность, волю к справедливости, творческий бросок в будущее (русский футуризм), миссию спасения, сакральное миролюбие (не исключающее войну за установление мира), коллективизм (общинность) и любовь»¹. Сохраняя свою русско-евразийской идентичность, Россия как государство-цивилизация выстраивает отношения с другими пятью цивилизациями (получается, что шесть современных цивилизаций противостоят седьмой – Западу).

В этой логике СВО представляет собой прямое столкновение двух типов цивилизаций: постмодернистского либерально-глобалистского Запада и традиционного общества. «Так война, – пишет А. Г. Дугин, – переходит на уровень культурной идентичности и приобретает глубинный идеологический характер. Она становится войной культур, оже-

сточённым противостоянием Традиции и противкультурно-исторического вектора»². Добавим: с антропологической точки зрения – противостоянием всечеловечества и античеловечества, с исторической – «прогрессивного» движения к планетарной катастрофе под управлением Искусственного Интеллекта и торможением на этом пути.

Обвинения внутренних западников в антипатриотизме, русофобии и даже предательстве – целенаправленным уничтожении национальных ценностей и моральных традиций своего народа через навязывание и распространение крайне либеральных воззрений – сопряжены с разоблачением антидемократического курса современных западных государств [9, с. 51]. Политика Запада характеризуется как глобальная система тотальной власти международной финансовой олигархии, прикрывающейся формой демократической республики, разрушающей религиозные ценности, семейные и национальные традиции народов (в том числе русского) и угрожающей самому существованию этих народов и их стран³.

СВО и борьба с глобализмом

Проследивая *путь развития западно-европейской христианской цивилизации*, современные исследователи⁴, как и славянофилы в XIX в., сходятся во мнении, что пятьсот лет назад Западная Европа встала на путь секуляризма, материализма, атеизма и капитализма, агрессивно навязывая эти нормы и цели развития как универсальные остальным народам [5]. На этих основаниях построено здание западной цивилизации, а все её достижения использовались для колонизации не-Запада. Таким образом, с начала эпохи Модерна Запад поставил традиционную часть человечества пе-

² Там же.

³ Лодочник Г. О «суверенной демократии» и колониальной экономике. Следует ли России вводить войска в Украину? [Электронный ресурс]. URL: <https://lodochnik.com> (дата обращения: 06.09.2014).

⁴ Дугин А. Образ Врага: Запад – цивилизация дьявола. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/id/626c50016fef4843017cb83a>. (дата обращения: 08.11.2022).

15.01.2023).

¹ Дугин А. Украина как территория Армагеддона. [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZHgm4pno9TnuA7AS> (дата обращения: 01.06.2023).

ред неизбежностью секуляризации, утраты культурной идентичности и государственного суверенитета, угрожая в случае сопротивления войной на уничтожение.

На рубеже 1980–1990-х гг. в развитии мировой системы капитализма произошли коренные сдвиги, что позволило исследователям утверждать о создании пост-капиталистического нового мирового порядка, в котором пересматриваются все устои (свободный рынок, демократизм, права и свободы личности), разрушается послевоенное международное право. Примечательно, что 1983 г. ознаменован появлением в социально-политической реальности двух понятий – *глобализация* и *трансгуманизм*. Их парность не случайна: глобализм – колониальная гегемония пост-христианского Запада и трансгуманизм – его бесчеловечная идеология. По определению А. И. Фурсова, «глобализация – это мир без границ для капитала, совокупность капитала в виде *собственности, власти и информации*»¹. Происходит слияние государственных силовых структур с банками и корпорациями в некий единый надгосударственный комплекс, управляемый искусственным интеллектом и упраздняющим традиционные национальные государства. Социальные последствия глобализации – «резкое качественное усиление позиций глобальной верхушки по отношению к массе остального населения»².

Наконец, идеология трансгуманизма, провозглашённая на Восточном экономическом форуме К. Швабом как «Четвёртая промышленная революция», нацелена на разрушение традиционных культурных норм для «трансформации» биологической природы человека. В отличие от трёх предыдущих, эта революция развивает те отрасли, которые непосредственно влияют на человека (генетика, информатика, медицина, аграрный сектор), чтобы уже на антропологическом уровне лишить его

свободы и закрепить социальное неравенство. М. Г. Делягин настаивает на том, что в глобализме высокие технологии (high-tech) дополняются технологиями направленного изменения человека и общества (high-hume) с установлением тотального контроля. В таких условиях истина, свобода, личность и люди вообще перестают быть ценностями [1; 3]. Прозрев античеловеческую сущность трансгуманизма как новой формы тоталитаризма и геноцида, исследователи называют его по-разному: биоцифровой концлагерь, био-эко-техно-фашизм, биоцифровой глобофашизм. «Его хозяева – наш враг: классовый, геополитический, цивилизационный и социобиологически видовой», – категоричен в своей оценке А. И. Фурсов³. Соглашаясь с ним, добавим: и духовный враг, ибо эта «новая реальность» базируется на неоязыческом поклонении «чистой» природе, евгенике и цифровым технологиям. Главное – извращается образ Божий в человеке, поскольку смысл жизни сводится к потребительскому функционированию. С законодательным закреплением половых извращений и однополых браков сделан следующий шаг – открытое провозглашение Западом сатанизма в качестве своей религии. Теперь можно с полным правом говорить о конце антропоцентризма в идеологии глобализма.

Очевидная для «остальной» части человечества фашизация Запада в проекте «великой перезагрузки» вызвала сопротивление «не-западного мира» в виде национально-освободительного движения за независимость, начавшееся с «Русской весны» на Донбассе. «Сегодня очень многое будет зависеть от позиции России, поскольку Запад и Китай, каждый по-своему – уже воплощают собственные версии “обнуления” и алгоритмизации социума», – считают авторы и эксперты Изборского клуба [4].

Значительной частью православного сообщества СВО рассматривается как защита Русского мира, а в перспективе и всего

¹ Фурсов А. Мировая верхушка наносит ответный удар. Что скрывает глобализация [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/Y-LVdLAXjSOTWi0Q>. (дата обращения: 11.02.2023).

² Там же.

³ Фурсов А. Ультиматум Шваба. Хозяева Мировой Игры озвучили свои планы [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZG0RXdXOWQODayRn> (дата обращения: 25.05.2023).

человечества от растрепки и расчеловечивания (зеркальным образом, Украина как анти-Россия видит свою заслугу в спасении Запада от угрозы со стороны России, заявляя даже о готовности воевать с Ираном, Северной Кореей и Китаем). Действительно, эскалация русофобии началась после того, как российское руководство взяло курс на сохранение института семьи и традиционных религий, тогда как на Западе власть захватывается извращенцами, стремящимися лишить граждан нравственных ориентиров и идентичности. Однако на все однозначно внутри России, поскольку традиционная общественность, представляющая просеимейными организациями, общественниками и экспертами, а также Патриаршей комиссией РПЦ по семье постоянно отбивает атаки со стороны либерального законодательного лобби, пытающегося «протасить» ювенальные законы, оцифровать подрастающее поколение и разрешить генетически «отредактировать» зародыши (Россия может стать второй страной на планете, где родятся генетически модифицированные дети).

Двойственность политики

Драматизм ситуации заключается в том, что самой России необходимо выйти из-под влияния западнических глобалистских центров, которые определяют стратегию развития, задают разрушительные стандарты для культуры, науки, образования, здравоохранения. Гибридный характер российской государственности поставил общество перед дилеммой: традиция или цифра? от колонии к империи или к биоцифровому концлагерю? фашизация России или война с глобофашистами? Основой для раздвоения общественного сознания является то, что, как утверждает религиовед и политолог О. П. Четверикова, «Трансгуманисты буквально каждый день проводят антиконституционные “цифровые” законы, разрушая всё правовое поле. Обществу уже стало понятно, что *совершён правовой переворот*»¹.

Получается, что, с одной стороны, мы выступаем за традиционные ценности, духовность, суверенитет и в то же время наше государство подписывает глобалистские документы. Существование этих идеологических и политических противоречий разделяет традиционалистское общество (оно на 90% консервативное и просоветское) и государственную власть (90% чиновников – либералы).

Зампред комитета Госдумы по экономической политике М. Г. Делягин констатирует лидерство нашего государства по внедрению платформенного управления, к которому перешли в ходе пандемии². Опасно не только господство шаблонного мышления и цифровой логики, о чём говорит депутат (машинный алгоритм становится реальным субъектом нового мира, который осуществляет управление людьми). Человеческое общество трансформируется, согласно планам глобалистов, в атомизированное, уменьшенное по численности для простоты управления искусственным интеллектом рабское стадо. Оно в корне противоречит традиционному обществу, основанному на принципе соборности и включающему такие социальные ценности, как солидарность, справедливость и свобода.

Реализация концепции «Государство как платформа» с одновременным запуском ЦБ цифрового рубля передаёт систему управления от государства корпорациям. Именно эту проблему в своей аналитике неоднократно отмечал главный редактор православно-патриотического СМИ РИА «Катюша» А. Б. Цыганов: «Что это, если не фактическая полная приватизация государства и принципиальное изменение социально-государственных отношений?... Конечная цель глобальной «цифровой трансформации» – уничтожение суверенных национальных государств, передача власти и госуправления в руки корпораций. И вот все эти процессы запу-

¹ Четверикова О. Расчеловечивание как основа «цифровой цивилизации» [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/saneman.ru?noredir=true> (дата обра-

щения: 20.01.2023).

² Радиостанция «Говорит Москва». Программа «Умные парни» [Электронный ресурс]. URL: <https://govoritmoskva.ru> (дата обращения: 24.03.2023).

щены и идут у нас полным ходом»¹. Таким образом, создаются неразрешимые противоречия между национальными и западнеческими неоглобалистскими интересами.

Одновременно образуется «цифровой класс» владельцев цифровых средств производства, создающих новую прибавочную стоимость на основе «человеческого капитала» («больших данных»), инициируется программа «Цифровая экономика», организуется тотальная электронная слежка. На обсуждениях в Мосгордуме по вопросу цифровизации неославянофилы (президент ИТ-компании Игорь Ашманов, эксперт Совета Федерации и Общественный уполномоченный по защите семьи Анна Швабауэр, упомянутый выше Андрей Цыганов) указали на огромный риск «погружения в цифровую колонизацию в условиях войны», поскольку такие технологические новшества, как биометрия, цифровые деньги, искусственный интеллект разрабатывались на Западе и им контролируются. Кроме того, насаждение нового «цифрового права» нарушает стратегические документы, защищающие национальную безопасность нашей страны и права личности². Именно об этом аспекте цифровизации говорил Святейший Патриарх Кирилл на епархиальном собрании г. Москвы: «Расчеловечивание в социальном смысле, в частности, выражается в агрессивном насаждении избыточных форм цифровизации, при котором человек деперсонализируется, а его решения оказываются во власти компьютерных алгоритмов и так называемого искусственного интеллекта»³.

¹ Государство в кармане у Грефа. Механизм приватизации государства и перехвата госуправления через платформу «ГОСТЕХ» легализован [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/riakatyusha>. (дата обращения: 03.04.2023).

² «Новый “цифровой класс” может перехватить управление страной и народом»: в Мосгордуме обсудили угрозы личным данным граждан при оголтелой цифротрансформации» [Электронный ресурс]. URL: <https://katyusha.org> (дата обращения: 20.03.2023).

³ Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Епархиальном собрании г. Москвы (22 декабря 2022 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5985883> (дата обращения: 31.01.2023).

В условиях провального курса на создание в нашей стране олигархического госкапитализма и роста социалистических настроений в обществе программа «Цифровая экономика» рассматривается О. Н. Четвериковой в аспекте создания новой модели экономики – *инклюзивный (когнитивный) капитализм*, главное в котором – *цифровая платформа* во всех сферах. Следуя в этом вопросе политике ВЭФ, невозможен суверенитет в экономике, культуре, идеологии, т. е. суверенное государство как таковое. Единая система управления, построенная из этих фрагментов – платформ, принадлежит международным ТНК, банкам, фарм- и ИТ компаниям⁴.

Проблема, остро поставленная патристической общественностью, связана с тем, что, согласно планам глобалистских структур и под эгидой ООН уже через шесть лет – к 2030 г. – во всём мире будет внедрена «цифровая общественная инфраструктура» (Digital Public Infrastructure, DPI), основанная на отказе от бумажных документов, наличных денег и массовом обмене цифровыми данными. Тем самым будет создана система электронного слежения за каждым человеком, контролирующая регламентирующая все основополагающие его права на обеспечение жизни, здоровья, а также на труд, образование, передвижение.

При этом органом глобального управления становится Всемирная организация здравоохранения, что демонстрирует готовящееся подписание в мае 2024 г. на Всемирной ассамблее здравоохранения новой редакции Международных медико-санитарных правил как составной части глобального «Соглашения о пандемии» (как говорят, в готовности к новому «событию», подобного COVID-19). Это создаст юридическую базу для формирования системы мировой диктатуры ультралиберальной глобалистской элиты, которой негласно подчиняется Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Суверенитет

⁴ Заседание круглого стола «Системная цифровизация по плану – какой ценой?» [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/video140589749_456308384 (дата обращения: 19.03.2023).

государств и права человека будут отданы ВОЗ и генеральному директору, которые наделяются диктаторскими полномочиями: произвольно объявлять пандемии и прочие ограничительные меры глобального характера, контролировать систему здравоохранения и здоровье людей во всём мире. Не случайно в нашей стране (как и в других странах) на высшем уровне и в общественности звучат требования о выходе из этой организации¹.

Поддерживая «ради сохранения дипломатического взаимодействия» членство в глобалистских организациях типа Международного валютного Фонда (МФВ), ВОЗ и прочих структурных подразделениях ООН, Россия следует политике так называемой мировой элиты и её планам цифрового порабощения. К сожалению, в России, как утверждает профессор, зав. кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, член совета по этике при Минздраве РФ А. А. Мохов, стратегический курс и заявления о суверенитете с опорой на традицию не получили ещё должной проработки в законодательстве, которое остаётся либеральным и соответствующим всем 17 целям «устойчивого развития» ООН и другим глобальным документам. Анализируя в целом наше законодательство относительно технологий (прежде всего цифровых и биогенетических), он приходит к выводу, что оно по-прежнему опирается на принципы западной традиции (бизнесцентричность, технократизм, индивидуализм, антропоморфизация технологий) в ущерб безопасности, легитимности и этичности. Совершенно верно отмечается глобалистская направленность так называемой «цифровой трансформации» России, извращающая отношение личности и государства: «человек превращается из субъекта в объект, в “цифровой профиль”. А цифровая платформа, в которую превращается государство и которая вза-

имодействует с его профилем – напротив, становится антропоморфной, наделяется правовым статусом живых людей-чиновников и получает реальную власть над обществом и государством»².

Поэтому и принимаются законы о внедрении цифровых денег, тратить которые можно будет в ограниченном количестве и при выполнении «ряда условий». В России уже принят закон о создании Единой биометрической системы (ЕБС), хотя его критики утверждали, что он противоречит Конституции России в части положений, касающихся соблюдения прав и свобод граждан. Закономерен вопрос: «Что нам предложит государство при массовой утечке персональных биометрических данных? Хранение этих данных на чипе, вживлённом под кожу?»³

Аналогичная ситуация складывается в сфере цифровизации образования: система «Московская электронная школа» (МЭШ) приучает детей к жизни в виртуальном мире, отучая от использования книг и тетрадей, что сильно снижает качество восприятия информации. Внедрение ИИ, заменяющего общение с живым учителем, лишает образовательный процесс воспитательной составляющей, формирующей мировоззрение молодёжи, патриотизм (возникает феномен «цифрового гражданства», определяемый отношением с трансграничным ЦБ). Создание общемировой системы образования, основанной на единых стандартах, идеях и принципах, было предназначено для реализации глобального проекта управления рынком труда. В этом суть «персональных образовательных траекторий» на заказ «держателей портфелей человеческого капитала». Устраняясь от задачи воспитания личности, образование сводится к набору информации, из-за чего российская система образования катастрофически деградировала.

¹ Секретные переговоры в Швейцарии. Минздравом России рулят из Женевы [Электронный ресурс]. URL: <https://tsargrad.tv/articles> (дата обращения: 10.01.2024).

² Важнейший доклад профессора права в ОП: Антропоморфизация технологий и возвышение ИИ над человеком – недопустимы [Электронный ресурс]. URL: <https://katyusha.org> (дата обращения: 13.12.2023).

³ Битва, в которой Россия проигрывает: до новой реальности осталось шесть лет [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZZPtnS61wRuW-HOK> (дата обращения: 03.01.2024).

Русская идея и национальная идеология

Наконец, мы подошли к главному вопросу – как выйти из череды социальных проектов XX столетия, которые приобретали катастрофические масштабы и поставили под вопрос историческое существование России и русского народа? В начале XX в. это была интернационалистская социалистическая идеология, в конце – глобалистская капиталистическая, встраивающая Россию в моноцентричный мир на правах колонии. На Украине победила западная либерально-националистическая идеология, превратившая её в «раковую опухоль» русского мира, которая угрожает его существованию и поэтому подлежит, образно говоря, кардинальному «лечению» в виде оперативного вмешательства (демилитаризации), химической и лучевой терапии (денацификации). Все эти идеологии и следовавшие из них социальные проекты основывались на русофобии – чувстве ненависти к России, иррациональном желании уничтожить русский мир, которая стала следствием (или причиной?) вхождения в западную цивилизацию.

Для объяснения и преодоления этого разрушительного явления обратимся к идеям И. Р. Шафаревича и Л. Н. Гумилёва. Первый в качестве социальной онтологии и движущих сил исторических процессов рассматривает «мощные силы духовного характера» – любовь и ненависть к жизни вообще и к родине в частности (объясняя явление русофобии) [11, с. 120]. Л. Н. Гумилёв разработал теорию утопических антисистем, основанных на «отрицательном мироощущении» [2, с. 473–469]. В наше время средствами распространения отрицательного мироощущения и построенных на нём разрушительно-утопических идеологий становятся огромное информационное пространство, социально-гуманитарная литература, система образования, пошлые антиценности массовой культуры, формирующие нигилистическое общественное настроение и ложную систему идей, направленных в конечном счёте на самоуничтожение.

В свою очередь идеи указанных мыслителей питались творчеством русских религиозных философов-«веховцев», которые продолжили линию Ф. М. Достоевского в критике социального утопизма как «беспочвенности», «отрицательного идеала», «отрыва». Так, С. Л. Франк считал утопичными все проекты, которые не учитывают реальность Бога, не соответствуют божественным заповедям, а также игнорируют культурные традиции, историю народа и вообще упрощают природу человека, в горделивом самомнении слишком надеясь на внешние «технические», нормативные методы управления [10, с. 73]. В противовес утопическим проектам искусственно-механического единства социального бытия религиозные философы отстаивают принцип: общественное бытие как единство «мы» есть соборная духовная жизнь. Церковь в таком случае становится новым человеческим обществом, созданным Христом, в котором христианская вера становится образом жизни отдельной личности, определяет уклад семьи и государства.

Национальная модель развития, утверждаемая в классической русской философии, основывалась на традиционных христианских ценностях, приоритете высшего блага – спасения в вечности, жизни с богом. Она противоположна как протестантской модели с её принципом индивидуализма и экономической пользы, так и социалистической доктрине принудительного равенства и обезличивающего коллективизма. Капитализм и социализм, будучи противоположными по своему духу христианской цивилизации, привели фактически к её перерождению, поскольку главное в них – вера в исключительную ценность земной жизни с соответствующей системой ценностей и критериев «счастливой» жизни.

Указание на гарантированный неуспех внешней модернизации без понимания истинного смысла жизни человека, его назначения сопряжён с утратой обществом национально мыслящей и действующей элиты. Известный культуролог и политолог А. С. Панарин отмечал, что главная причина исторического срыва России в

начале и в конце XX в. – атеизация сознания элиты, не способной на историческое творчество и возложившей все заботы на технику, заменившую свергнутого демиурга. Следствием становится антидемократизм политики: «деятельность авангарда, руководствующегося принципами *внутреннего расизма*, становится прямо-таки социально опасной...подвергая всяческому поношению уклад, историческую традицию, менталитет, образ жизни»¹. Выход из этой коллизии А. С. Панарин как представитель как раз национальной элиты, видит в обращении к понятию *смысла жизни и любви*, которые теснейшим образом взаимосвязаны: технологический порядок без любви ведёт к гигантским, губительным беспорядкам, ибо покупается ценой разрушения природы и культуры – основ человеческого существования.

Для суверенного исторического творчества власти и народу нужно вернуться к своим священным традициям, коренящимся в канонической православной церкви. Об этом хорошо писал И. А. Ильин, отмечая особенность системы православно-христианского мировоззрения, в котором слиты воедино *«любовь, созерцание и совесть»* [7, с. 403]. Поэтому «Такой любви и такой веры требуют от русского человека три великих “предмета” – *Бог, родина и национальный вождь*» [8, с. 472]. Причём именно в любви к богу, создавшему церковь для спасения и вечной жизни, укоренены патриотизм и преданность национальному вождю. Из священной традиции следует руководящая творческая идея для новой (не либеральной) интеллигенции (элиты): воспитание в народе *«национального духовного характера»*, очагами которого издревле были церковь, монастырь и армия. К ним должна присоединиться вся национальная культура – система образования, различные патриотические организации, спорт, искусство, получающие в этом союзе «высшую, божественно предметную необходимость» [8, с. 458]. Только так, уверен философ, можно преодолеть захлест-

нувшую многих стихию потребительства, породившую подражательство и граничащее с предательством беспринципностью.

Таким образом, именно идеология определяет в существенных чертах государство. Консервативный политический философ Е. С. Холмогоров делает практический вывод: «Государство, которое не уделяет внимание мировоззренческим вопросам и собственному смысловому суверенитету, будет простым заложником чуждых и враждебных смыслов»². Из этих рассуждений сделаем важный вывод: суверенное (самостоятельное, свободное) государство могут построить только люди с сильным духовным характером; духовно-нравственное воспитание на основе символов нашей веры, подкреплённое нравственным авторитетом национальных лидеров, имеет первостепенное значение по отношению к остальным аспектам суверенитета.

Эти идеи имеют непосредственное значение относительно содержания преподавания в вузах таких гуманитарных дисциплин, как философия и культурология, которые должны научить видеть в социальном бытии базисный характер духовных ценностей и нравственных принципов соборности, коллективизма, воспитывать чувство «мы». Сопричастность к родной истории как единому целому, поможет понять её смысл, преодолеть психологию отчуждённости, оторванности, атомарности индивидуалистического существования.

Наконец, для смены государственного курса с колониального западного на суверенное развитие кроме духовно-нравственного воспитания необходим соответствующий полноценный основной закон. Лидер КПрФ Геннадий Зюганов, выступая в Госдуме по поводу 30-летия Конституции, главную проблему видит даже не в том, что «она писалась за кордоном», но в том, что «выбросили все разделы, связанные с контролем за исполнительной властью ... любая исполнительная власть в России всегда

¹ Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 2001. С. 81.

² Холмогоров Е. России пора осушать либеральное «болото» в науке и образовании [Электронный ресурс]. URL: <https://dzen.ru/a/ZYpfuelD0yDRsG2H> (дата обращения: 26.12.2023).

была ограничена коллективными формами контроля и управления»¹.

Одним из самых ярких примеров этого тезиса стал принятый летом 2020 г. закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в РФ». Являясь ветвью исполнительной власти, Правительство тем самым ставит свой закон выше федеральных законов. При этом реформирование российского законодательства происходит в сотрудничестве негосударственным Сбербанком как главным двигателем «цифровой трансформации». С таким раздвоением в действиях исполнительной власти сложно защитить суверенитет, о важности которого постоянно говорит Президент. Имеется в виду прежде всего особый культурный, духовно-нравственный путь России, который не совместим с перспективой создания тоталитарной электронно-биометрической системы с личным соцрейтингом вместо законов.

Заключение

Очевидно, наступивший 2024 г. будет решающим не только в военно-политическом противостоянии России с Западом, но и в плане противоборства ценностей традиционализма и либерального запад-

нического глобализма. По сути, идет идеологическая, религиозная война с Западом, который рассматривает Россию как идейного врага по причине заявленной приверженности православию и традиционным ценностям. С учётом этой реальности российскому обществу необходимы идейная определённость и волевая решимость выйти за рамки, которые созданы прозападной глобалистской политикой, ограничивающей наш суверенитет, особенно в финансово-экономической и научно-образовательной сферах. Но главным становится суверенитет идейный, мировоззренческий. Сохраняя православную веру как стержень жизни, Россия может противостоять неоязыческому обожествлению природы (во имя экологии) и искусственного интеллекта (цифровая религия), на который технократы перекладывают свободу выбора и ответственность человека. Но выйти из антигуманного мальтузианского глобального проекта можно лишь в том случае, если смысл национальной жизни подчинён абсолютным христианским ценностям, социально-экономической проекцией которых является *православный социализм* [2].

Статья поступила в редакцию 04.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глазьев С. Ю. За горизонтом конца истории. М.: Проспект, 2022. 416 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2023. 704 с.
3. Делягин М. Г. Конец эпохи: осторожно, двери открываются! Т. 1. Общая теория глобализации. М.: Наше Завтра, 2022. 672 с.
4. Делягин М. Г., Аверьянов В. В., Багдасарян В. Э. Великое обнуление. М.: Наше завтра, 2022. 362 с.
5. Дугин А. Г. Бытие и империя. Онтология и эсхатология Вселенского царства. М.: АСТ, 2023. 784 с.
6. Ивашов Л. Г. [Беседы] // Вера. Держава. Народ: Русская мысль конца XX – начала XXI века / отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2016. С. 407–450.
7. Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) / Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 373–414.
8. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего / Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 453–487.
9. Нарочницкая Н. А. Россия и русские в современном мире. М.: Эксмо, Алгоритм, 2010. 416 с.
10. Франк С. Л. Ересь утопии // Франк С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 72–86.
11. Шафаревич И. Р. Сочинения: в 3 т. Т. 2. М.: Феникс, 1994. 511 с.

¹ Конституция оказалась «целлофановым мешком», который душит Россию: Зюганов уличил партию власти в глубоком заблуждении [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall632899550_3 (дата обращения: 13.12.2024).

REFERENCES

1. Glaz'ev C. Yu. *Za gorizontom konca istorii* [Beyond the Horizon of the End of History]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 416 p.
2. Gumilev L. N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Moscow, AST Publ., 2023. 704 p.
3. Delyagin M. G. *Konec epohi: ostorozhno, dveri otkryvayutsya! T. 1. Obshchaya teoriya globalizatsii* [The End of an Era: Be Careful, the Doors Are Opening! Vol. 1. General Theory of Globalization]. Moscow, Nashe Zavtra Publ., 2022. 672 p.
4. Delyagin M. G., Aver'yanov V. V., Bagdasaryan V. E. *Velikoe obnulenie* [Great Reset]. Moscow, Nashe zavtra Publ., 2022. 362 s.
5. Dugin A. G. *Bytie i imperiya. Ontologiya i eskhatologiya Vselenskogo carstva* [Being and Empire. Ontology and Eschatology of the Universal Kingdom]. Moscow, AST Publ., 2023. 784 p.
6. Ivashov L. G. [Conversations]. In: *Vera. Derzhava. Narod: Russkaya mysl' konca XX – nachala XXI veka* [Faith. State. People: Russian Thought of the Late 20th – Early 21st Century]. Moscow, Institut russkoj civilizatsii Publ., 2016, pp. 407–450.
7. Il'in I. A. [On the National Calling of Russia (a Response to Schubart's book)]. In: Il'in I. A. *Sobranie sochinenij. T. 7* [Collected Works. Vol. 7]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998, pp. 373–414.
8. Il'in I. A. [The Creative Idea of Our Future]. In: Il'in I. A. *Sobranie sochinenij. T. 7* [Collected Works. Vol. 7]. Moscow, Russkaya kniga Publ., 1998, pp. 453–487.
9. Narochnikaya N. A. *Rossiia i russkie v sovremennom mire* [Russia and Russians in the Modern World]. Moscow, Eksmo Publ., Algoritm Publ., 2010. 416 p.
10. Frank S. L. [Heresy of Utopianism]. In: Frank S. L. *Russkoe mirovozzrenie* [Russian Worldview]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 72–86.
11. Shafarevich I. R. *Sochineniya. T. 2* [Essays. Vol. 2]. Moscow, Feniks Publ., 1994. 511 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алёхина Евгения Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Заложных Юлия Сергеевна – заведующий экспозиционно-выставочной деятельностью Калужского музея изобразительных искусств;
e-mail: semga@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenia V. Alyokhina – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Philosophy, State University of Education;
e-mail: alekhinaevgenia@yandex.ru

Yulia S. Zalozhnykh – Head of Exhibition Wctivities, Kaluga Museum of Fine Arts;
e-mail: semga@bk.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алёхина Е. В., Заложных Ю. С. Современные славянофилы: оценка специальной военной операции как противостояния идеологий суверенной государственности и ультраглобализма. Часть II // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-6-16

FOR CITATION

Alekhina E. V., Zalozhnykh Yu. S. Modern Slavophiles: Assessment of the Special Military Operation as a Confrontation Between the Ideologies of Sovereign Statehood and Ultra-Globalism. Part II. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 6–16.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-6-16

УДК 001.891.32

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29

ЛОСЕВ: ЛОГИКА И/ИЛИ ДИАЛЕКТИКА. ПРЕРЫВИСТОСТЬ ЧИСЛОВЫХ МНОЖЕСТВ КАК ФОРМА ВЫРАЖЕНИЯ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ: ЛОСЕВ, ЛУЗИН, ФЛОРЕНСКИЙ

Колесниченко Ю. В.*Государственный университет просвещения**105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Поводом для написания настоящей статьи явились недавние публикации сочинений А. Ф. Лосева о классификации различных типов формально-логического знания и их творческий комментарий В. П. Троицкого. Ставится задача определить значимость и место вышеупомянутого текста Лосева в истории логических исследований.

Процедура и методы. Процедура исследования историко-философского феномена – логических исследований в СССР в период 1920–1940-х гг. – проводится нами при помощи следующих научных методов: исторического, герменевтического, номотетического, идеографического, синхронического, диахронического, а также метода сравнительного анализа.

Результаты. Результатом исследования явилось более чёткое, более детализированное определение феномена логических исследований периода 1920–1940-х гг. в общей картине истории философии СССР.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа представляет собой одно из первых исследований становления логической мысли в СССР в указанный исторический период. В рамках исследования проблематизируются неизученные до настоящего времени аспекты логического знания и предлагаются особые пути их актуализации в настоящее время.

Ключевые слова: диалектика, квантованность, личность, логика формальная, Лосев, московская математическая школа Лузина, процессуальность, Флоренский

LOSEV: LOGIC AND/OR DIALECTICS. DISCONTINUITY OF NUMERICAL SETS AS A FORM OF EXPRESSION OF PERSONAL BEING: LOSEV, LUZIN, FLORENSKY

Yu. Kolesnichenko*Federal State University of Education**ul. Radio 10a, Moscow 105005, Russian Federation*

Abstract

Aim. This article was brought into being by the attempt to analyze the recent publication of A. F. Losev's works on the classification of various types of formal logical knowledge and their creative commentary of V. P. Troitsky. The task is to determine the significance of the Losev's logical thought and the place of the above-mentioned Losev's text in the history of the overall logical research.

Methodology. The procedure for the study of the historical and philosophical phenomenon – logical research in the USSR in the 1920–1940s – is based on the following scientific methods: historical, hermeneutic, nomothetic, ideographic, synchronic, diachronic, as well as the method of comparative analysis.

Results. The result of the study was a clearer, more detailed definition of the phenomenon of logical research in the period the 1920–1940s in the overall picture of the history of philosophy of the USSR.

Research implications. This work is one of the first studies of the formation of logical thought in the USSR during the designated historical period. Within the framework of the study, different aspects of logical knowledge that have not been studied to date are problematized and special ways of their nowadays actualization are proposed.

Keywords: dialectics, quantization, personality, formal logic, Losev, Moscow mathematical school of Luzin, processuality, Florensky

Введение

Как было отмечено нами в аннотации, поводом для написания настоящей статьи явились недавние публикации сочинений А. Ф. Loseva [15] и их творческий комментарий В. П. Троицкого [22]. Статья Loseva 1940-х гг., предлагающая авторскую – проблематизированную – классификацию различных *подтипов* формально-логической рациональности (в *затекстно* [23] подразумеваемом их противопоставлении диалектике как методу иного типа), была недавно найдена в архивах учёного и до настоящего времени не подвергалась детальному исследованию современной академической историко-философской мыслью.

Предлагаемая работа ставит, таким образом, своей целью пролить свет на главный аспект, главную «интригу» losevской статьи, а именно на *внутреннее противоречие* диалектического и формально-логического направлений мысли, проявившееся в процессе реализации единого академического партийного задания – написания учебников и учебных курсов по формальной логике в 1940-х гг. – в период исключительного политического давления на философскую мысль в её содержательной формально-логической части.

В связи с не вполне ясным поводом для написания упомянутого в аннотации фрагмента статьи А. Ф. Loseva (в комментариях В. П. Троицкого этот момент отмечен) встаёт вопрос, с какими целями автор собственно создавал эту проблематизированную категоризацию-размышление, классификацию-исследование, предлагавшую *тоном* и главными интенциями своего содержания критическое осмысление вопроса о вариантах и *стилях* формально-логического знания (хотя сам термин «стиль» в данной статье автор напрямую не употре-

бляет)? Помимо этого аспекта, совершенно отчётливо в статье прослеживается и иной проблемный пласт – соотношение формально-логического *способа* познания (называемого в ту пору «логистикой», или «старой логикой»¹, и диалектики.

Незаконченная статья А. Ф. Loseva об основных методах логики

Хронологически статья А. Ф. Loseva относится к периоду *неожиданного* всплеска интереса советской философии (инициированного лично И. В. Сталиным) к формальной логике в период 1939–1953-х гг., когда вождь осознал необходимость возврата этой дисциплины в школы и университеты в связи с необходимостью, как виделось ему, обеспечения гигиены мысли населения [1; 13].

Практически *ликвидированная* высшей школой формальная логика, ассоциировавшаяся после революции 1917 г. с метафизикой и буржуазной наукой, была *заменена* диалектикой как новой (и «единственно правильной») формой познания действительности. Указания Сталина высшей школе (просьба подготовить учебники логики для школ и вузов) вызвали смещение в рядах учёных – академических философов, диалектиков по призванию и по уже сложившимся убеждениям. Вероятно, статья, о которой мы сейчас говорим, родилась в стенах МГУ в 1942–1944-х гг., когда А. Ф. Losev, сотрудник кафедры, должен был представить своё понимание формальной логики в её соотношении с уже ставшей *общим местом* советской философии *логикой диалектической*.

¹ Ищенко Т. Логика // Краткий философский словарь. М.; Л.: ОГИЗ Московский рабочий, 1931. С. 100–102.

Как всегда апофатически (излюбленный авторский приём «меонального отграничения») Лосев подаёт предмет логического путём демонстрации того, чем предмет, им исследуемый, *не является*. Надолго останавливается автор на теме формальной логики и её значения для философии и философствования. Алексей Федорович, в частности, пишет следующее: «Беря наиболее типичное и отбрасывая излишние исторические и теоретические детали, можно находить *пять основных методов* логики:

1. Формальная логика.
2. Феноменологическая логика.
3. Генетически-смысловая, или инфинитезимальная (или трансцендентальная) логика.
5. Математическая логика.
6. Диалектическая логика.

... причём к диалектическому методу мы только подойдём, и, как более известные и популярные у нас, не будем рассматривать специально. В этой связи, то есть как метод именно логики, он заслуживает отдельного рассмотрения» [15, с. 159].

Лосев приходит к однозначному выводу о том, что локальное применение формальной логики (на отдельном, а именно статичном сегменте бытия) вполне оправдано и эвристично. Во всех остальных направлениях философского познания тотальное применение формально-логических законов может принести лишь вред как самому процессу, так и результату исследовательского поиска.

Лосев ставит своей задачей подвести слушателя¹ к необходимости узреть сквозь призму классификации видов логического знания философско-методологическую *необходимость диалектического в логическом* для истинного познания бытия.

Логическое у Лосева – это различные схемы рационализации знания. Под логическим Лосев понимает и неокантианский подход к знанию, отмечая революционность этого подхода в отходе от гносеологической *статики*, в наметившемся сдвиге познания

в сторону введения категории движения в сам процесс познания. Он говорит в том же ключе (и даже в том же тоне) о феноменологии Гуссерля. Он отдаёт должное инфинитезимальному методологическому подходу к вопросам формального познания бытия (основываясь на математических моделях, приводимых им в качестве иллюстрации).

Переменяя философско-логические тезисы примерами из математики (например, из теории множеств), Алексей Федорович пытается утвердить свою мысль в главном – в необходимости *преодоления* формальной логики как *логической тотальности*. Всячески критикуя непомерные претензии формальной логики (понимаемой как логика силлогистическая), Лосев стремится показать ограничение её применимости, когда дело касается непротиворечивого отражения сути процесса (мышления, времени), то есть «живой процессуальности» [15, с. 65]. Формально-логическая – «неподвижная» (в терминах автора) – логика понятий является для Лосева «не-мыслительной» [15, с. 65], что красноречиво говорит о том, что Лосев понимает мышление однозначно как процесс и стремится подобрать для адекватного отражения его сути *особые логические конструкции*, а точнее – особую логику. Действует он по своей отработанной апофатической схеме, подчёркивая необходимость освободить «не-время» и «не-мышление» формальной логики от этой изничтожающей саму суть приставки «не».

Полагая «пока только бытие» статичным и подпадающим под объяснительную метасхему формальной логики, Лосев считает, в том числе, что и закон тождества, противоположности, противоречия относится к «сфере отвлечённого смысла», а потому не в состоянии отражать смысл «непосредственный, живой, текучий, живой поток мысли» [15, с. 65]. Важно, что Лосев подчёркивает именно *взаимную изолированность категорий* [15, с. 65] в этом типе логики, тогда как для непротиворечивой и истинной подачи правды о живом мышлении как о процессе необходимо, *затекстно* следуя лосевской апофатической мысли, применить логический (объяснительный) приём иного типа

¹ Стилистика лосевского текста – особый формат подачи материала – наводит на мысль о том, что это мог быть план особого авторского спецкурса по диалектической логике.

логического, а именно тот, который не допускает в себе этой взаимной изолированности категорий и допускает иное понимание законов тождества, противоречия и противоположности.

Несмотря на заявленное отсутствие специального разбора специфики диалектической логики, Лосев, тем не менее, использует здесь диалектический подход к анализу различного рода феноменов и явлений, дабы подчеркнуть принципиальность различения явлений в статике и в динамике, в движении, в процессе. Л. А. Гоготишвили верно, как нам представляется, отмечает в своей книге «Непрямое говорение», что о «принципиальном водоразделе» между логикой и диалектикой «говорится во всех без исключения лосевских текстах» [6, с. 403]. Гоготишвили вносит в вопрос трактовки соотношения вышеуказанной проблемы одно существенное уточнение. Она, по сути, противопоставляя, в «лосевском случае», логику вообще диалектике вообще, подчёркивает, что для Лосева главным философским *способом* познания бытия являлась именно диалектика как способ, а не логика (как *способ* же). Об этом важнейшем моменте различения способов познания в книге 1927 г. «Диалектические основы математики», в параграфе 79 «Перевод математики на язык логики» А. Ф. Лосев пишет, что «в настоящее время вполне возможно считать диалектику настолько зрелой и конкретизированной *дисциплиной*, что она вполне может (и даже обязана) войти в детали числовых конструкций, не ограничиваясь общими рассуждениями только о самом *понятии* числа (курсив наш. – Ю. К.)» [14, с. 310]. Логика закономерно работает с понятиями, диалектика – с эйдосами, с концептами и т. п., или, лосевски, с *не-понятиями*.

Применительно к строению эйдоса, логика, таким образом, лежит в основе созерцательно-статического, диалектика же – в основании *диалектического* его моментов. Логика есть «моментальный снимок» субъекта во вне внутренней структуры своей коммуникативности, логос фиксирует момент как *отдельность* в её цельно-

сти, отвлекаясь от динамики. Диалектика же отвечает за коммуникативный акт, в основе которого лежит иная смысловая активность сознания. Лосев в «Философии имени» полагает, что «*коммуникативный акт отличен от простого акта полагания предмета*» [6, с. 404]. Таким образом, сфера диалектики – не аналитические, но синтетические и антиномические, закономерно «предикативные», в терминологии Гоготишвили, «смысловые коды» [6, с. 404]. Получается, что диалектика есть основа эйдетики как таковой, поскольку допускает вне-силлогистическое сосуществование противоречий не как антиномий, но как амбивалентности и антитетичности.

В предвещающей лосевскую фрагментарную статью заметке В. П. Троицкого в том числе говорится о том, что Алексеем Федоровичем в его работе «довольно неожиданно характеризуется математическая логика», «в которой, при всей гипертрофии в ней “формально-логического метода”, А. Ф. Лосев ищет и находит “обще-диалектические” моменты, столь необходимые, например, для преодоления парадоксов теории множеств» [22, с. 57]. Постараемся, по возможности, наметить пути к осознанию степени неожиданности лосевской характеристики математической логики именно как обще-диалектической.

Представляется, что Лосев в статье не случайно излагает своё понимание математической логики *сразу после* рассмотрения им метода ифинитизимального, или метода исчисления бесконечно-малых, понимаемых квантованно через понятия «частица» и «процесс». Вообще, изложение методов логики у Лосева в данной работе находится в прямой зависимости от *нарастания степени процессуальности и диалектичности* того или иного логического инварианта. Математический метод стоит у Лосева в строгой иерархии методов сразу после описания ифинитизимализма как «*сплошного потока становления*» [15, с. 78], как текущей сущности (по определению Ленина).

Чрезвычайно важно, на наш взгляд, попытаться уяснить особенность понимания Лосевым сущности логического понятия,

демонстрируемого автором статьи. Он недвусмысленно *отождествляет понятие с его смыслом*, утверждая, что «логика оперирует не с самими вещами, но с понятиями, то есть с их смыслами, а с другой стороны, все вещи текут, и их смысл, если он действительно должен быть смыслом вещей, тоже должен пребывать в текущем становлении» [15, с. 78]. Поначалу ставя в синонимическую пару понятие и смысл, а после убирая из утверждения термин «понятие» как термин *предельно* формальнологический, Лосев переходит в своём утверждении от логики значения к логике смысла как *едиственно истинной* логике живого бытия.

Обратим внимание на то, что Лосев здесь акцентирует внимание именно на логике смысла в её *противопоставлении* логике значения и выражения, т. е. сфере *логики герменевтической*, которой в России в 1920-х гг. занимался, прежде всего, Г. Г. Шпет. Герменевтическая логика видится как особая логика, учитывающая «онтологическое содержание при проведении исследования аналитических процедур мышления» [26, с. 287]. Она стремится стать логикой гуманитарных наук. Герменевтическая логика, что является её главной отличительной чертой, строится на особой трактовке «единичного как элементарного компонента гипотетико-герменевтической предметной формы...» [26, с. 292]. В целом, герменевтическая логика базируется на принципах логики единичного объёма, на чём строилась теория личности Вл. Соловьёва и всех его последователей [10].

Итак, ещё больше живой *бытийственности*, «стихии становления мышления» [15, с. 81] мы находим в описании генетически-смыслового метода. Интерес Лосева с очевидностью располагается в области бесконечно-малых и возможности их исчисления и «бесконечного ассимптотического (орфография автора (комментарий наш. – Ю. К.) прогресса» [15, с. 80]. Лосев убеждён в необходимости исследования именно *динамических*, становящихся, изменчивых, подвижных сторон мышления. Только таким образом, полагал философ, мы сможем исследовать понятие в его

максимальной полноте, и только так можем уяснить для себя смыслово-генетическую природу мышления, основываясь на «принципе ряда» (состоящего из понятий) [15, с. 81]. Слияние понятий в пределе в «*единый поток*» [15, с. 81] и есть, судя по всему, диалектический момент в системе логики, позволяющий ей преодолеть себя уже в диалектике как в *теории потока*.

Четвёртой отдельной главой идёт в статье Лосева разбор логики математической. В «Итогах критического обзора методов» при перечислении автором пяти основных логических методов математическая логика стоит, тем не менее, на первом месте. Вообще, Лосев посвящает значительное количество своих исследований именно логическому преобразованию математического знания в связи с последними достижениями в этой области, с прорывом в области исчислений бесконечно малых и в связи с созданием теории множеств – открытием, имевшим не только научное, но философское – онтогносеологическое – значение. В разбираемом нами проспекте статьи, который сам автор называет «предварительными и конспективными замечаниями» [15, с. 83], Лосев задаётся вопросом об *особом изоморфизме* логики и математики и о возможности привести эти две области мышления к общему знаменателю. В довольно сжатом, недетализированном виде подаёт автор здесь свои идеи относительно возможности вышесказанного в связи с тем, что эти обе области есть области «порождения чистым мышлением». И мы в состоянии, таким образом, установить, как считает Лосев, «мост» между ними с целью их взаимного освещения и последующего уяснения. Стратегии самого уяснения здесь, к сожалению, не предлагается. Параграф о математической логике написан автором бегло, абрисно. Лосев не фокусируется непосредственно на вопросах перевода логики в математику и обратно, проводимого на традиционно понимаемых логических основаниях.

А. Ф. Лосев и история создания первого «советского» учебника по формальной логике

По всей видимости, причиной столь беглого (меньше, чем на одну страницу) рассмотрения вопросов математической логики как особой формы логического явилось довольно повсеместное и довольно основательное освещение этих вопросов Э. Я. Кольманом, авторитетным философ-диалектиком, автором «Учебника логики» 1942 г.¹, написанного, тем не менее, в некоторых своих главах тенденциозно и даже поверхностно (по мнению Лосева, составившего отзыв на этот труд² в рамках широкого обсуждения учебника силами учёного сообщества тех лет).

Аналогичное мнение относительно учебника высказал также известный историк советской логики, доктор философских наук Б. В. Бирюков. Так, Бирюков отмечает, что Кольман – «философ-математик, которому была известна интуиционистская критика закона исключённого третьего, должен был бы записывать этот закон в виде $A \vee \neg A$, или A или не- A . Но автор почему-то остался при традиционной форме: A есть или B , или не- B , утверждая, при этом, что данный закон можно “выразить короче так: две противоречащие друг другу мысли не могут быть обе ложными”» [11, с. 14], т. е. в виде $\neg (A \& \neg A)$. Бирюков также отмечает, что «очень сбивчивыми были рассуждения Кольмана, когда он говорил о “символическом методе” в логике и обвинял сторонников символической или математической логики (называемой им также логистикой) в “полном отрыве от действительности”» [11, с. 134], [4, с. 125]. Кольман считал формальную логику лишь элементарной ступенью логической науки, которая имела

вспомогательное, подчинённое положение относительно логики в широком смысле, т. е. диалектики [4, с. 126; 12].

Надо сказать, что вышеуказанный учебник³ (и его последующее детальное обсуждение академическим сообществом страны) примечателен как документ, свидетельствующий о противоборстве различных мнений и точек зрения относительно, как это видится с наших сегодняшних исследовательских позиций, базовых понятий и концептов формальной логики. Имела место борьба вчерашних приверженцев диалектики с формальной логикой как со своим классовым врагом (в ту пору формальная логика была объявлена, как известно, пережитком буржуазности) [7]. Имело также место отчаянное сражение «с собой» в процессе написания (по личному указанию Сталина) учебников по формальной логике. В процессе этой внутренней борьбы (как, например, у Э. Кольмана, пытавшегося «протащить» диалектику в объяснительные схемы формально-логических законов и терпящего на этом поприще неудачу) обнажилось и идейное противоборство различных учёных относительно возможностей формальной логики для обеспечения объективности в процессе отражения действительности (ленинская теория отражения), а также касательно более фундаментальных вопросов философско-математической природы, например, понятия числа. В этом вопросе Лосев занимал отчётливо идеалистическую позицию, о чём высказывался прямо [3, с. 136], в том числе, в отзыве об учебнике Кольмана⁴.

¹ Абсолютный раритет – экземпляр № 75 этого учебника, опубликованного на правах рукописи тиражом в 100 экземпляров (с пометами Лосева на полях), – был любезно предоставлен автору данной статьи для работы Исследовательским домом-библиотекой А. Ф. Лосева, лично В. П. Троицким.

² Лосев А. Ф. Отзыв на «Учебник логики» Э. Кольмана от 4.12.1942 [Электронный ресурс]. URL: https://iphlib.ru/library/collection/arch/document/158-158_item (дата обращения: 26.05.2024).

³ Точнее сказать, учебники, поскольку учебник логики было поручено написать также В. Ф. Асмусу [2]. Книгу Валентина Фердинандовича ждала на родине более завидная судьба. Она получила высокую оценку коллег и после многочисленных переработок и улучшений была издана в 1947 г. в Москве (при активном содействии А. А. Чудова). Учебник Э. Я. Кольмана большим тиражом в СССР издан не был, но автору удалось напечатать его у себя на родине в Праге на чешском языке в 1947 году (см. библиографию статьи) [22; 27].

⁴ Открытая приверженность Лосева идеалистическим позициям относительно, казалось бы, далёких от идеологии вопросов философии числа оказалась

Тем не менее, судя по тексту анализируемой нами статьи, Лосев разделяет точку зрения Кольмана относительно *статуса* диалектического метода в рамках методологии науки в целом, подчёркивая в параграфе «Математическая логика», что «для нас имеет значение только *диалектическая логика*» [15, с. 84]. Алексей Федорович настойчиво предлагает не ограничивать себя на пути к истинному логическому знанию рамками «традиционной логики»¹. «Мы не скажем, – призывает философ, – вместе со всеми математиками, что, например, учение о множествах упирается в безвыходные противоречия, так называемые парадоксы. Это не парадоксы, а самое обыкновенное диалектическое противоречие... Математическая логика должна быть тоже моментом обще-диалектической логики...» [15, с. 84]. Истинная математическая логика, строящаяся на принципах диалектики, способна к истинному познанию сложных математических объектов иной – небинарной – не-формальнологической – *природы*, к которым А. Ф. Лосев относил, в частности, теорию множеств.

**Н. Н. Лузин (теория множеств),
П. А. Флоренский (мнимости в
геометрии), А. Ф. Лосев (о методе
бесконечно малых в логике), и
личностное бытие**

Вышеприведённые аргументы, а также факты исторического плана являются, на наш взгляд, лишь официальной «верхушкой айсберга» истинного положения дел. В ситуации «идеологического оксюморона» в науке, связанного в тот период с вопросами формальной vs диалектической типами логик, проводил («между Сциллой и Харибдой») А. Ф. Лосев свои специальные исследования, о которых говорится специально В. П. Троицким (именно, о работе Лосева «О методе бесконечно малых в логике») [22, с. 55]. Объектом нашего даль-

нейшего исследования, в связи со всем вышесказанным, станет предыстория вопроса, а именно история создания теории множеств, авторство которого в рамках работы знаменитой Московской математической школы («Лузитании») принадлежит замечательному математику, философу, члену-корреспонденту Академии наук СССР (по философии) Н. Н. Лузину. Предметом нашего исследования является здесь, соответственно, именно *философское* наполнение его трудов, в их корреляции с идеями *имманентности* в русской философии, в частности, в трудах П. А. Флоренского, (друга Лузина по студенческим временам, проведённым в МГУ), а также А. Ф. Лосева².

В период сотворения вышеуказанных теорий, в исторический период обнуления / оборачивания времён в своё другое, стремление заглянуть в *невозможное* трансцендентное из *своего* трансцендентального заставляло мыслителей искать и находить ту единственно возможную в тот момент точку разрыва преемственности, конца (прежних) времён и лишь *кажущейся непрерывности* в личности / бытии как таковом.

Математические прообразы онтогносеологии личностного бытия мы находим в теории множеств, комбинаторике, диалектическом понимании детерминанта и философской природы математической матрицы. Возможность и особенности корреляции обеих областей научного знания (философии и математики) лежат в плоскости рецепции *понятия множества как философской математической категории*. Теория множеств математика Г. Кантора³ впервые положила в основание математического знания философский принцип организации её знания, открыв возможность использования философской оптики для разрешения предельных оснований прикладных величин математики, но также и

фатальной. Лосев был отстранён от работы в МГУ по идейным соображениям.

¹ Термин «логистика» в этом же значении употреблялся и Кольманом.

² Необходимо подчеркнуть, что в данном случае математические объекты и понятия, их обозначающие, мы берём в их максимально абстрактном инварианте, не имеющем целью выход в конкретные области их применения.

³ Георг Кантор, как известно, родился в Санкт-Петербурге и лишь подростком переехал с родителями в Германию по причине болезни отца.

возможность взаимобратного процесса приложения математических философских понятий для решения некоторых задач сугубо философской направленности [18].

Подобного рода вопросы, стоявшие, в широком смысле, перед философией 1920–1930-х гг., были продолжением тематического ряда проблем *аритмологии* (к этому ряду относились вопросы теории прерывистых функций и множеств – основные научные интересы Московской философско-математической школы под руководством Н. В. Бугаева), мнимостей в геометрии (проблемы, связанные с вопросами перевода геометрических реалий на язык организации живописного пространства и связанного с ней матричного объёма (П. А. Флоренский в работах «Столп и утверждение истины» и «Мнимости в геометрии» (1922)), а также вопросов математического и философского континуума в трудах А. П. Лосева (например, в «Диалектике числа у Платона» (1926), а также в работе «Диалектические основы математики»)).

Развивая философское направление математического знания о разрывных функциях и монадологии Бугаева, «русские (как считал польский профессор Е. Медушевский. – комментарий наш. – Ю. К.) через математику пытаются объяснить мировоззрение, а через мировоззрение решать математические проблемы (см., например, введение в диссертационную работу П. А. Флоренского по математике под названием «Идея прерывности как элемент мирозерцания» [24, с. 159–177]). Философский подход и послужил фактором успешного развития теории множеств и теории функций в Московском университете в три первых десятилетия XX в. [19, с. 446–447].

Вопрос возможного перевода математической категории множества на философский язык не носит, впрочем, как и многие фундаментальные идеи философского творчества тех лет, характера *явленной теоретической определённости*. В силу данного обстоятельства мы позволим себе обратиться к наиболее продуктивным для данного случая формам историко-философского познания,

а именно к дешифровке текстов неявленной семантической полноты.

В задачу, которую мы ставим в данной статье, входит демонстрация *функционала философского принципа личностности* в его архитектурном, алгоритмическом масштабе, в его применении к философским сферам *дискретного* математического знания, а именно в теории множеств, разработанной московской математической школой под руководством Н. Н. Лузина («Лузитанией»). С целью рассмотрения принципиальной парадигмальной, методологической чистоты данного принципа, *Личность берётся нами здесь не столько как онтогносеологический философский, но шире, как общепарадигмальный принцип организации нового научного знания*¹. Существенными признаками, определяющими качество данного методологического принципа, являются основания логики единичного объёма, элементы действенного направленного воления, творческой самоорганизации и принципиально именованной единичности (так, в конце 1920-х гг. П. Флоренский писал об изображённых (образных) числах как об «индивидуальностях») [25, с. 632–646].

Вопрос применимости данного принципа к математическим объектам остаётся до определённой степени открытым и, безусловно, носит лишь характер *интерпретации* объектов одной полноты в инаковой предметной среде. Тем не менее, представляется, что в тот момент, когда математика из прикладной превратилась в абстрактную науку со своими лишь до определённой степени конкретизируемыми понятиями принципиально неприкладного характера, мы можем говорить о рядоположенности данных объектов предельной понятийной полноты (таких, как функция,

¹ Яростным критиком идей школы и лично Лузина выступил уже упоминавшийся нами Кольман, подчёркивавший, что «Московская математическая школа» ... проповедовала, будто «арифмология» (Кольман здесь иронизирует над «аритмологией» – теорией разрывных функций, в широком значении, мета-идеи прерывности у Н. В. Бугаева – комментарий мой, – Ю. К.) обосновывает индивидуализм...» [11, с. 290].

множество) философским объектам изоморфных свойств.

Важным фактом является в связи с этим то, как П. А. Флоренский высказывался о сущности монадологии Лейбница. Флоренский подчёркивал формальный характер сущностного лейбнизианского определения личности, перевода философского дискурса на заданную тему в плоскость математической теории групп. В упомянутом нами выше в связи с вопросами диалектики и логики фундаментальном труде А. Ф. Лосева «Диалектические основы математики» автор также стремится, применяя логику единичного объёма, подчеркнуть особенность конципирования понятия группы, определяя его через понятие *композиции*, которая «играет роль перво-принципа в определении понятия группы» [14, с. 732]. *Квантованное* определение группы, по Лосеву, диалектически «освещает сразу бытие, и становление в самом понятии группы» [14, с. 733].

Используя математические объекты, такие, как детерминант и матрица, Лосев строит свою диалектическую математику «выразительной формы», базируясь на диалектико-феноменологическом понимании сущности, которое проявляется в матрице как в *становлении становления* и образно проявляет себя в объёмности. Здесь матрица, являясь закономерно целым, становится, вместе с тем и *феноменом*, в котором каждое отдельное число существует не просто принципиально, но во всей своей «фактической индивидуальности» [14, с. 715]. Все свойства матрицы, таким образом, связаны именно с индивидуальным значением каждого её элемента» [14, с. 715].

В поле философских рассуждений о математических и геометрических «реалиях» располагается принцип *преобразования образа*. В диалектической транскрипции, по Лосеву, если раньше (до применения философского диалектического подхода к вопросу) (геометрический) образ был фактически неизменен, то в диалектической системе координат эта неизменность становится диалектически утверждённой. Момент неизменности преобразуется,

таким образом, из «неподвижного в себе» в «неподвижного в себе и для себя» [14, с. 717], что стало возможным потому, что он предварительно оказался неподвижным (сущностным. – Ю. К.) для иного (другого. – Ю. К.)» [14, с. 717].

Данные математические рассуждения П. А. Флоренского и А. Ф. Лосева являются *экспликацией той главной составляющей методологического аппарата логики единичного объёма (и связанной с этим философии имени), применяемого для глубинного семитического обоснования теории личности как особого типа множественности, единораздельных элементов личностного бытия, самого бытия, понятого как личностность*. «Сущностно-теоретической опорой имяславия стало учение Г. Кантора и его современных последователей о “множествах”, в которых можно найти в высшей степени интересные конструкции таких понятий, как “актуальная бесконечность”, “мощность”, “тип” множества, а также ряд так называемых “парадоксов”. Будучи приложенным к имяславию, всё это даст ясный образ логической структуры имени в его бесконечном и конечном функционировании»¹.

В связи со всем вышесказанным представляется, что историко-философской науке необходимо более детально исследовать «связь имяславия (как особого инварианта русской религиозной философии личности. – Ю. К.) и развития дескриптивной теории множеств в Москве» [19, с. 446–447].

Здесь необходимо также обратиться ещё к одному предполагаемому источнику лосевских логических штудий, о котором Лосев в явленной форме (по понятным идеологическим причинам) не упоминает, но о котором, тем не менее, не знать не мог. Речь идёт о воображаемой логике Н. А. Васильева, чья прогностическая, эвристически революционная работа была опубликована в журнале «Логос» за 1912–1913 гг., и в ней особенно интересны такие новаторские элементы, как «истолкование квантора “некоторые” как “только неко-

¹ Lebesgue H. Preface // Lusin N. Leçons sur les ensembles analytiques et leur applications. Paris: Gauthiers – Villars, 1930. P. VII–XI.

торые» и введение, наряду с логическим квадратом, логического треугольника» [19, с. 446–447]. «В настоящей статье, – пишет без преамбул Васильев, – мы поставили себе целью разобраться в вопросе о неизменности и абсолютности логических принципов и основных законов мышления и показать, что одни из них действительно неизменны, неустранимы и абсолютны (формальные, рациональные принципы логики), другие же (напр., закон противоречия) относительны, устранимы из логики, материальны и эмпиричны» [5, с. 54]. Судя по логике исследования, у Н. А. Васильева закон исключённого третьего, напрямую связанный с отрицанием, и есть Закон с большой буквы (т. е. его эмпирическое правовое применение, в том числе). Незыблемость *работы* закона, основанного на невозможности его вариативной трактовки, имеет в своём основании необходимость следовать аристотелевской парадигме формализованного – по силлогистическому основанию – логического знания. Закон же, исходя из выводов Н. А. Васильева, сделанных им в его работе «Логика и металогика» [5], не обязательно работает по Аристотелевской логике исключённого третьего. В плоскости логических исследований задача, таким образом, состоит в том, чтобы работать со смыслами значений, с «истинностными провалами» и пресыщенными оценками [16], тогда как Аристотель работал со значениями смыслов и превратил их в универсализмы. В иных, условно, *незападных*, [20; 21] культурах, о чём, в частности, пишет академик РАН А. В. Смирнов, возможны варианты иного соподчинения понятий, основанного на законе *исключённого четвёртого*, в толкование которого имплицитно включается логическая возможность трактовки *амбивалентности* истины.

Кстати, в современном научном мире это направление или форма мышления получила своё окаймление и приложение в таких теориях искусственного интеллекта, как умные «контакты» (smart contacts) и *квантованное мышление*, которые демонстрирует в своих работах известный учёный, юрист, а также специалист в обла-

сти искусственного интеллекта, кибербезопасности, криптографии Ник Сабо (Nick Szabo), который под квантовым мышлением как раз понимание логику его построения по формату, близкому законам воображаемой логики Н. А. Васильева, предлагая уже в XXI в. видеть проблему со всех возможных и, прежде всего, противоречивых сторон, удерживая в голове одновременно возможную истину обеих, выходя за рамки силлогизма «истинно / ложно».

Квантованное мышление свободно от деспотического диктата закона исключённого третьего. Оно предполагает свободу от собственного права на истину в последней инстанции, полагая категорическое требование как раз гибкого подхода к понятию истины. Извлечение творческого потенциала из *неопределённости* позволяет по-иному подходить к решению гипермасштабных задач в процессе принятия дифференцированных решений.

Ещё один известный физик-теоретик и популяризатор науки профессор Митио Каку в своих книгах [8; 9], в частности, говорит о том, что бинарность есть логика функционирования компьютерной сферы, но не природы. Природа имеет другую логику собственного функционирования – «квантовый разум». На философском языке это, прежде всего, означает отказ от рационализма и дуальности в самой методике философского познания, в подложке философской и, шире, общенаучной, картины мира, разлагающей мир на бытие и мышления и противопоставляющей одно другому в акте познания [17]. Мир есть Одно, и здесь необходимы небинарные оптические инструменты познания, адекватные миру как единому, как целому.

Заключение

Идеи, предложенные в статье А. Ф. Лосева о логических методах, имеют, таким образом, глубокую предысторию в отечественной истории развития логических идей. Представляется, что Лосев намерено не поместил в данный материал результаты своих исследований из области диалектики,

поскольку она для него как раз и выражала собой способ эвристического *совладания* с потоком, с движением, с «временем как таковым», с «абсолютной действительностью», с «чистым становлением», с «прекрасной неопределённостью», со «стихией становления мышления», являя «динамические, становящиеся, изменчивые, подвижные стороны мышления, то есть *генетически смысловую* структуру (мышления – уточнение наше. – Ю. К.) [15, с. 65, 79–81]. Не умаляя значения формальной логики для решения целого

ряда важных научных задач, философ настаивает на том, что лишь диалектика способна совладать со всеми аспектами бытия, с которым, по его мнению, не смогла бы совладать ни одна из методических систем познания действительности, обозначенных в его статье. Время показало актуальность этого взгляда на современном этапе развития науки логики.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисов А. М., Малюкова О. В., Демина Л. А. Становление отечественной логики: дискурсы и судьбы. М.: РГ-Пресс, 2021. 672 с.
2. Асмус В. Ф. Логика. М.: Государственное издательство политической литературы, 1947. 388 с.
3. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Кн. 1: Отечественная историческая, философская и логическая мысль в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. М.: КомКнига, 2019. 244 с.
4. Бирюков Б. В. Трудные времена философии. Отечественные логика, история и философия в последние сталинские годы. Ч. 2.: Идеологические кампании 1948–1950 годов. Логическое и психологическое. Богоборческая советская философия. Проблемы русского национального сознания. М.: КД «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.
5. Васильев Н. А. Логика и металогика // Логос. 1912–1913 гг. Кн. 1 и 2. М.: Мусарет, 1913. С. 53–81.
6. Гоготшвили Л. А. Непрямое говорение. М.: Языки славянских культур, 2006. 720 с.
7. Дицген И. Письма о логике. Специально-демократически-пролетарская логика / под ред. П. Г. Дауге. 4-е изд. М.: КД «Либроком», 2010. 144 с.
8. Каку М. Гиперпространство. Научная одиссея через параллельные миры, дыры во времени и десятое измерение / пер. У. В. Сапциной. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 660 с.
9. Каку М. Физика невозможного / пер. Н. Лисовой. М.: Альпина нон-фикшн, 2024. 586 с.
10. Колесниченко Ю. В. Личность в русской философии 1920–1930-х годов: биография идеи. М.: Энциклопедист-МАКСИМУМ, 2018. 416 с.
11. Кольман Э. Учебник логики. М.: ОГИЗ: Госполитиздат. 1942. 175 с.
12. Кольман Э. Я. Предмет и метод современной математики. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 315 с.
13. Корсаков С. Н. Из истории возрождения логики в СССР в 1941–1946 гг. Часть I // Логические исследования. 2015. Т. 21. № 2. С. 145–169.
14. Лосев А. Ф. Диалектические основы математики. М.: Academia, 2013. 800 с.
15. Лосев А. Ф. Методы современной логики // Русская философия. 2023. № 2 (6). С. 59–85.
16. Мотрошилова Н. В. «Воображаемая логика» Н. А. Васильева и вклад В. А. Смирнова в её исследование // Философия науки. 1998. № 4. С. 192–201.
17. Рубинштейн С. Л. Исследование проблемы метода (диссертация на соискание степени доктора философских наук. 1914 год. Университет г. Марбурга. Германия) / пер. Л. С. Киржнера // Трансцендентальный журнал. 2021. Т. 2. Вып. 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://transcendental.su/S271326680018222-4-1> (дата обращения: 26.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018222-4
18. Седых О. М. Роль математики в теории культуры П. А. Флоренского // Человек – культура – общество. Актуальные проблемы философских, политологических и религиозных исследований. Т. 2. М.: Современные тетради, 2002. С. 273–276.
19. Синкевич Г. И. Московские математики и философы первой трети XX века: дескриптивная теория множеств и проблема именования // Генеалогия ценностей в русской философии Серебряного века: сборник научных трудов / под ред. М. И. Панфиловой, Е. А. Трофимовой. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2013. С. 444–456.
20. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs общечеловеческое. М.: Сандра; ЯСК, 2019. 216 с.

21. Смирнов А. В., Солондаев В. К. Процессуальная логика. М.: Сандра, 2019. 150 с.
22. Троицкий В. П. К оценке А. Ф. Лосевым методов логики // Русская философия. 2023. № 2 (6). С. 55–58.
23. Феномен затекста: коллективная монография / под общ. ред. Т. А. Снигиревой, А. В. Подчиненова. Екатеринбург: Уральский университет; СПб.: Алетейя, 2023. 532 с.
24. Флоренский П. А. Введение к диссертации «Идея прерывности как элемент мирозерцания» (1900–1903) / публ., прим. С. С. Демидова, А. Н. Паршина // Историко-математические исследования. Вып. XXX. М.: Наука, 1986. С. 159–177.
25. Флоренский П. А. Пифагоровы числа // Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 632–646.
26. Юркевич Е. Н. Характеристики объёма в герменевтической логике // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2011. Т. 24 (63). № 1. С. 287–294.
27. Kolman E. Logika. Praha: [б.и.], 1947. 184 с.

REFERENCES

1. Anisov A. M., Malyukova O. V., Demina L. A. *Stanovlenie otechestvennoj logiki: diskursy i sud'by* [Formation of Domestic Logic: Discourses and Fates]. Moscow, RG-Press Publ., 2021. 672 p.
2. Asmus V. F. *Logika* [Logics]. Moscow, State Publishing House of Political Literature, 1947. 388 p.
3. Biryukov B. V. *Trudnye vremena filosofii. Kn. 1: Otechestvennaya istoricheskaya, filosofskaya i logicheskaya mysl' v predvoennyye, voennyye i pervyye poslevoennyye gody* [Hard Times for Philosophy. V. 1: Domestic Historical, Philosophical, and Logical Thought in the Prewar, War, and First Postwar Years]. Moscow, KomKniga Publ., 2019. 244 p.
4. Biryukov B. V. *Trudnye vremena filosofii. Otechestvennyye logika, istoriya i filosofiya v poslednie stalinskie gody. Ch. 2.: Ideologicheskie kampanii 1948–1950 godov. Logicheskoe i psichologicheskoe. Bogoborcheskaya sovetskaya filosofiya. Problemy russkogo nacional'nogo soznaniya* [Hard Times for Philosophy. Domestic Logic, History, and Philosophy in the Last Stalin Years. Part 2: Ideological Campaigns of the 1948–1950s. Logical and Psychological. God-fighting Soviet Philosophy. Problems of Russian National Consciousness]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2009. 192 p.
5. Vasil'ev N. A. [Logic and Metalogic]. In: *Logos. 1912–1913 gg. Kn. 1 i 2* [Logos. 1912–1913. Book 1 and 2]. Moscow, Musaget Publ., 1913, pp. 53–81.
6. Gogotishvili L. A. *Nepryamae govorenie* [Indirect Speaking]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2006. 720 p.
7. Dietzgen J. Letters on Logic. Especially Democratic-Proletarian Logic (Rus. ed.: Dauge P. G., ed. *Pis'ma o logike. Special'no-demokraticheski-proletarskaya logika*. Moscow, Librokom Publ., 2010. 144 p.).
8. Kaku M. *Hyperspace: A Scientific Odyssey through Parallel Universes, Time Warps, and the Tenth Dimension* (Rus. ed.: Sapcina U. V., transl. *Giperprostranstvo. Nauchnaya odisseya cherez parallel'nye miry, dyry vo vremeni i desyatoe izmerenie*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2024. 660 p.).
9. Kaku M. *Physics of the Impossible: A Scientific Exploration into the World of Phasers, Force Fields, Teleportation, and Time Travel* (Rus. ed.: Lisova N., transl. *Fizika nevozmozhnogo*. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2024. 586 p.).
10. Kolesnichenko Yu. V. *Lichnost' v russkoj filosofii 1920–1930-h godov: biografiya idei* [Personality in Russian Philosophy of the 1920–1930s: Biography of an Idea]. Moscow, Enciklopedist-MAKSIMUM Publ., 2018. 416 p.
11. Kol'man E. *Uchebnyy logiki* [Textbook of Logic]. Moscow, OGIZ Publ., Gospolitizdat Publ., 1942. 175 p.
12. Kol'man E. Ya. *Predmet i metod sovremennoj matematiki* [Subject and Method of Modern Mathematics]. Moscow, State Socio-Economic Publ., 1936. 315 p.
13. Korsakov S. N. [From the History of the Revival of Logic in the USSR in 1941–1946. Part I]. In: *Logicheskie issledovaniya* [Logical Studies], 2015, vol. 21, no. 2, pp. 145–169.
14. Losev A. F. *Dialekticheskie osnovy matematiki* [Dialectical Foundations of Mathematics]. Moscow, Academia Publ., 2013. 800 p.
15. Losev A. F. [Methods of Modern Logic]. In: *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2023, no. 2 (6), pp. 59–85.
16. Motroshilova N. V. ["Imaginary Logic" by N. A. Vasiliev and the Contribution of V. A. Smirnov to Its Research]. In: *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1998, no. 4, pp. 192–201.

17. Rubinshtein S. L. [Study of the Problem of Method (dissertation for the degree of Doctor of Philosophy. 1914. University of Marburg. Germany)]. In: *Transcendental'nyj zhurnal* [Transcendental Journal], 2021, vol. 2, iss. 3. Available at: <https://transcendental.su/S271326680018222-4-1> (accessed: 26.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680018222-4
18. Sedyh O. M. [The Role of Mathematics in P. A. Florensky's Theory of Culture]. In: *Chelovek – kul'tura – obshchestvo. Aktual'nye problemy filosofskih, politologicheskikh i religiovedcheskikh issledovanij. T. 2* [Man – Culture – Society. Actual Problems of Philosophical, Political and Religious Studies. Vol. 2]. Moscow, Sovremennye tetrady Publ., 2002, pp. 273–276.
19. Sinkevich G. I. [Moscow Mathematicians and Philosophers of the First Third of the 20th Century: Descriptive Set Theory and the Problem of Naming]. In: *Genealogiya cennostej v russkoj filosofii Serebryanogo veka: sbornik nauchnykh trudov* [Genealogy of Values in Russian Philosophy of the Silver Age: Collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Economics Publ., 2013, pp. 444–456.
20. Smirnov A. V. *Vsechlovecheskoe vs obshchechlovecheskoe* [Panhuman vs Universal]. Moscow, Sandra Publ., YASK Publ., 2019. 216 p.
21. Smirnov A. V., Solondaev V. K. *Processual'naya logika* [Procedural Logic]. Moscow, Sandra Publ., 2019. 150 p.
22. Troicky V. P. [On A. F. Losev's Assessment of Logical Methods]. In: *Russkaya filosofiya* [Russian Philosophy], 2023, no. 2 (6), pp. 55–58.
23. Snigireva T. A., Podchinenov A. V., eds. *Fenomen zateksta* [The Phenomenon of the Behind the Text]. Ekaterinburg, Ural University Publ., St. Petersburg, Publ., Aletejya Publ., 2023. 532 p.
24. Florensky P. A. [Introduction to the Dissertation “The Idea of Discontinuity as an Element of Worldview” (1900–1903)]. In: *Istoriko-matematicheskie issledovaniya. Vyp. XXX* [Historical and Mathematical Research. Issue XXX]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 159–177.
25. Florensky P. A. [Pythagorean Numbers]. In: Florensky P. A. *Sochineniya. T. 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1996, pp. 632–646.
26. Yurkevich E. N. [Characteristics of Volume in Hermeneutic Logic]. In: *Uchyonye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya* [Scientific Notes of the Tauride National University. V. I. Vernadsky. Series: Philosophy. Culturology. Political science. Sociology], 2011, vol. 24 (63), no. 1, pp. 287–294.
27. Kolman E. *Logika*. Praha, 1947. 184 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесниченко Юлия Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Государственного университета просвещения;
e-mail: julikol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yulia V. Kolesnichenko – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Federal State University of Education;
e-mail: julikol@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Колесниченко Ю. В. Лосев: логика и/или диалектика. Прерывистость числовых множеств как форма выражения личностного бытия: Лосев, Лузин, Флоренский // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 17–29.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29

FOR CITATION

Kolesnichenko Yu. V. Losev: Logic and/or Dialectics. Discontinuity of Numerical Sets as a Form of Expression of Personal Being: Losev, Luzin, Florensky. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 17–29.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-17-29

УДК 140.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-30-42

ИСТОРИОГРАФИЯ ФИЛОСОФИИ БЕНГАЛЬСКОГО ВИШНУИЗМА В КОЛОНИАЛЬНОЙ ИНДИИ

Попов Д. Н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация
Маяпурский институт Бхактиведанты
741313, Западная Бенгалия, г. Маяпур, Чандроая Мандир, Индия*

Аннотация

Цель. Выявление и классификация различных позиций и их мировоззренческих оснований в историографии философии бенгальского вишнуизма или гаудия-веданты в колониальный период.

Процедура и методы. Проведён анализ взглядов исследователей, их идентичности и стратегии интерпретации истории, философии и образа жизни бенгальских вишнуитов. Выделены также основные проблемы философии гаудия-веданты, являющиеся предметом расхождения различных групп исследователей.

Результаты. Получена классификация из четырёх групп исследователей: 1) гаудия-вайшнавцы, 2) миссионеры протестанты, 3) литературоведы, 4) неоведантисты. Основные проблемы: методология исследования, божественность Чайтаны, преемственность и моральность учения, иррационализм и системность философии гаудия-веданты. Обнаружено взаимовлияние философии гаудиев и русской философии через переписку с Л. Н. Толстым.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в объяснении существующего положения гаудия-веданты в академической среде Индии и позволяют более объективно подойти к исследуемому материалу.

Ключевые слова: бенгальский вишнуизм, гаудия-веданта, историография, колониальная Индия

HISTORIOGRAPHY OF THE PHILOSOPHY OF BENGALI VISHNUISM IN COLONIAL INDIA

D. Popov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradsky Prospekt, 49/2, Moscow 125167, Russian Federation
Mayapur Bhaktivedanta Institute
Mayapur Chandrodaya Mandir, Mayapur 741313, West Bengal, India*

Abstract

Aim. Identification and classification of various positions and their ideological foundations in the historiography of the philosophy of Bengali Vishnuism or Gaudiya Vedanta in the colonial period.

Methodology. The analysis of the researchers' views, their identity and strategies for interpreting the history, philosophy and lifestyle of the Bengali Vaishnavism is carried out. The main problems of Gaudiya Vedanta philosophy, which are the subject of divergence between different groups of researchers, are also highlighted.

Results. A classification of four groups of researchers has been obtained: 1) Gaudiya Vaishnavas, 2) Protestant missionaries, 3) literature researchers, 4) neo-vedantists. The main problems are the methodology of research, the divinity of the Chaitanya, the continuity and morality of the tradition,

irrationalism and the consistency of Gaudiya Vedanta philosophy. The mutual influence of Gaudian philosophy and Russian philosophy was discovered through correspondence of Leo Tolstoy.

Research implications. The theoretical significance lies in explaining the current position of Gaudiya Vedanta in the academic environment of India and allows a more objective approach to the material under study.

Keywords: Bengali Vaishnavism, Gaudiya Vedanta, historiography, colonial India

Введение

Могут ли история и философия быть объективно исследованы? Вопрос, который становится особенно важным в эпоху перемен. Интерпретация истории, мировоззрения и образа жизни сообщества является основой объяснения нашего отношения и способа взаимодействия с ним. Особенно это важно для культур сообществ, которые хотят выйти из состояния подавления и проявить свою индивидуальность, сделать уникальный вклад в развитие человечества. В данной статье проводится анализ формирования образа философии бенгальского вишнуизма в академической среде в эпоху становления образа независимой Индии. Представление данной темы в русскоязычном пространстве также является важным в связи с новой тенденцией развития русской философии. Тема индийской философии будет интересна для отечественных исследователей схожестью судьбы Индии и России в вопросах перехода от традиционной формы мысли к современной или преодоления разрыва между ними, проблемы созидания своего современного мышления в условиях преобладания и глобализации западной мысли.

В нашем исследовании мы проанализировали историографию гаудия-веданты или ачинтья-бхеда-абхеды (acintyābhedābheda), философии бенгальского вишнуизма, отличающейся эстетической интерпретацией веданты [5]. Основателем бенгальского вишнуизма или гаудия-вайшнавизма является Шри Кришна Чайтанья (1486–1534), поэтому историография по большей части связана с его именем. Однако основные философские работы данного учения представлены рядом его представителей классического

этапа становления и легитимации традиции в раннее Новое время (XVI–XVII вв. и XVIII в.) и распространение в современности (XX в.). Для анализа были выделены работы по истории индийской философии, религии и литературы. Т. к. гаудия-веданта как философское направление ещё не оформилось, в отличие от адвайта, двайта и вишишта-адвайта веданты мы рассмотрели широкую область исследовательской литературы, включающую в себя разделы религиоведения, литературоведения, истории и философии. Мы ограничимся периодом с конца XIX в., начала академического исследования гаудия-вайшнавизма, и до 1947 г., года принятия независимости Индии. Конец XIX и первая половина XX вв. представляют особую эпоху становления идентичности Индии, чему способствовало движение бхакти и вклад в его распространение бенгальского вишнуизма [4, с. 4–5]. Влияние бенгальского вишнуизма связано с тем, что Калькутта, столица Бенгалии и Британской Индии в целом, была главной метрополией Британии и представляла собой влиятельный центр с уровнем жизни, сопоставимым с Лондоном того времени [11].

Историография бенгальского вишнуизма в отечественной литературе уже была представлена С. В. Ватманом около 20 лет назад [4]. Наш анализ будет включать помимо библиографии К. Поттера¹ расширенную библиографию Н. Камата². Мы также исключили некоторые имена из рассмотрения, т. к. не нашли в них большой ценности для нашего исследования.

¹ Potter K. H. Encyclopedia of Indian Philosophies. Vol. 1. Delhi: Motilal Banarsidass, 1970. 898 p.

² Kamat N. G. Bibliography of Acintyābhedābheda. Pune: Centre of Advanced Study in Sanskrit, University of Poona, 1994. 51 p.

В нашем анализе мы будем использовать классификацию мировоззренческих установок исследователей, о важности учёта которых, особенно в случае индийской философии, пишет С. Л. Бурмистров, опираясь на П. Хаттона [3, с. 153]. В частности, С. Л. Бурмистров указывает на идеологический аспект истории как начала нового будущего Индии, которое пытались предначертать историки философии, литературы и религии. Столкнувшись с агрессией западной культуры, историки Индии обращались к прошлому, чтобы ответить на вызовы современности. Разное понимание будущего, мировоззренческие установки исследователей безусловно повлияли на интерпретацию и презентацию бенгальского вишнуизма и его роли в настоящем в культуре Индии.

Первые работы

На основе имеющихся библиографий можно сделать вывод, что академическое исследование религиозного учения бенгальского вишнуизма началось во второй половине XIX в., что связано с неудачей христианизации бенгальской аристократии или бхадралоки [15]. Постепенно печать текстов, манускриптов вишнуитов Бенгалии стала обычным делом. Первыми произведениями о философии гаудиев являются конфессиональные работы, представляющие учения Чайтаньи, однако, они были написаны представителями новых интеллектуалов и поэтому использовались как ценные исследования в академических работах того времени. Первой из них является работа «Чайтанья Махапрабху: его жизнь и наставления» (1886)¹ Кедарнатха Датты Бхактивиноды (1838–1914), одного из представителей бенгальского Возрождения и главного представителя гаудия-веданты, философии гаудия-вайшнавизма современного этапа [8]. Данная работа стала известна и за пределами Индии, т. к. была разослана Бхактивинодой в аме-

риканские, канадские и английские библиотеки и на неё ссылается в своём исследовании 1925 г. М. Т. Кеннеди, о котором пойдёт речь далее. Его работа характерна принятыми в традиции признанием божественности Чайтаньи², презентация преемственности с учением Вед, адаптацией девяти основных положений бенгальского вишнуизма Баладевой Видьябхушаной (XVIII в.), аргументация по вопросу монотеизма гаудиев и отличия поклонения божеству от идолопоклонства, моральной чистоте учения, и его несовместимости с кастовой системой.

Следующей важной группой исследователей, которые одними из первых в академической среде обратили своё внимание на бенгальский вишнуизм, являются протестантские миссионеры. Они приезжали в Индию исполнять пастырский долг и работали преподавателями в местных колледжах и университетах, воспитывая новый класс пробританской индийской интеллигенции, получившей название бхадралок. Уильям Джозеф Уилкинс в работе «Современный индуизм» (1887)³ одним из первых рассматривает индуизм как пантеизм, в том числе и направление религии Чайтаньи (понятия бенгальского вишнуизма ещё не было закреплено). Уилкинс выделяет как религиозную, так философскую составляющую религии Чайтаньи. Относительно религии подчёркиваются суеверность среды, отмена кастового этикета в ритуалах, параллели с реформацией Лютера, приводится вывод о смерти Чайтаньи через утопление при том, что ему поклоняются как Богу. В философии выделяются акцент на бхакти как эмоциональном проявлении чувств к божеству в противоположность знанию, и веру в божество просто в силу воображения. Приводится позиция об одновремен-

¹ Bhaktivinod K. D. Srimad Gourangalila-Smaranamangal-Stotram. Chaitanya Mahaprabhu His Life and Precepts. Calcutta: K. P. Dutt, 1886. 206 p.

² Шри Чайтанья с позиции бенгальского вишнуизма является воплощением Бога в кали-югу, эпоху деградации, которое призвано распространить культ бхакти и повторения имён Кришны. Но кроме того, он признаётся самим Кришной, который желает познать счастье преданности.

³ Wilkins W. S. Modern Hinduism. Delhi: BR. Publishing Corporation, 1887. 494 p.

ном персональном и имперсональном понимании спасения, из чего можно сделать вывод об отсутствии различия между философией последователей Чайтаньи и последующих поздних отклонениях сахаджий¹. Даётся оценка основной практики в форме публичного повторения имён Кришны как неприличной, шумной, непочтительной практики почтения остатков пищи от святых или чтения писаний как вида заработка. Интересны небольшие неточности в понимании родительских отношений с Кришной (*vātsalya*), таких как отношение к Кришне как к отцу, хотя традиция рассматривает их как отношения к сыну. Это также может быть вызвано групповой принадлежностью У. Д. Уилкинса.

Следующей работой было большое исследование Шишир Кумар Гхоша, известного интеллектуала, журналиста, борца за свободу Индии² «Господь Гауранга или спасение для всех» (1897)³. Как видно из названия, её автор является последователем бенгальского вишнуизма, однако данная работа высоко ценилась даже среди англичан. Её отмечают М. Т. Кеннеди и Дж. Н. Фаркуар за известность и обширность. Автор называет последователей Чайтаньи просто вайшнавами и пишет об их религии и философии. Во введении Ш. К. Гхош выступает против мифологического отношения к истории как Иисуса, так Чайтаньи и Кришны.

Последняя публикация XIX в. с рассмотрением бенгальского вишнуизма является небольшая заметка преподобного А.Ш. Гедена в монографии «Изучение восточных религий» (1900)⁴. Он также характеризует направление вайшнавизма Чайтаньи как мистическую религию пре-

данности с преобладанием эмоций над разумом, обожевлением Чайтаньи и реформацией отношений к кастам только в религиозной, а не социальной сфере.

В 1904 г. в Нью-Йорке публикуется работа «Шри Кришна. Бог Любви» (1904)⁵ Премананда Бхарати, первого проповедника, лично отправившегося на Запад с посланием учения бенгальского вишнуизма. Вопреки названию, его работа посвящена различным проблемам философии с позиции гаудиев: космологии, натурфилософии, теологии, социальной философии. Её отмечает в своей работе Дж. Н. Фаркуар. Премананда Бхарати также известен своей перепиской с Л. Н. Толстым, и именно его объяснения концепции Кришны в традиции гаудия-вайшнавизма вдохновили русского философа [9]. В переписке, однако, Толстой посоветовал отделить учение Кришны от всех остальных положений философии гаудиев, т. к. они являются не универсальным посланием, а национальными заблуждениями⁶. В ответе нашего автора отчётливо проявилась черта философов гаудия-веданты современного периода: философия любви естественно связана и проявляется во всех остальных положениях, если они правильно поняты, т. е. очищены от западных толкований.

Стоит отметить также, что Толстой использовал в своём обращении «Письмо инду» слова Кришны как раз в изложении Премананда Бхарати⁷. «Письмо инду» стало главным текстом в становлении философии Махатма Ганди, который, в свою очередь, повлиял на понятия социальной философии гаудиев во второй половине XX в. в учении Бхактиведанты Свами Прабхупады. Так что мы можем говорить об эпизодах взаимного влияния русской и индийской философии.

¹ Сахаджия (от *sahaja* – естественный, спонтанный) – ответвление бенгальского вишнуизма, использующее тантрические индуистские и буддистские практики, отрицающее ограничения и предписания вишнуизма в пользу «естественных» влечений.

² Wayfarer. Life of Shishir Kumar Gosh. Calcutta & Allahabad: Tarun Kanti Gosh. 1946. 199 p.

³ Ghose Sh. K. Lord Gauranga or Salvation for all. Calcutta: Golaplal Ghosh, Patrika Office, 1897.

⁴ Geden A. S. Studies in Eastern Religions. London: Charles H. Kelly, 1900. P. 157–158.

⁵ Baba Premanand Bharati. Shree Krishna. The Lord of Love. New York, 1904. 226 p.

⁶ Толстой Л. Н. Бхарати Баба Премананд, 3 (16) февраля 1907 г. [сайт]. URL: <http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/pisma/1907/letter-38.htm?ysclid=lv3taf5de7312991880> (дата обращения 17.04.2024).

⁷ Бурба Д. Махатма Лев Толстой. М: Эскимо, 2013. С. 68–71.

Динеш Чандра Сен является первым и самым крупным представителем литературоведческого направления исследования бенгальского вишнуизма. Он занимался поиском и публикацией бенгальского фольклора, что привело его к патриотизму, преклонением перед народными поэтами и развитию исследований национальной культуры. Сен получил английское образование и сформировал факультет кафедр бенгальского языка и литературы Калькуттского университета.

Д. Ч. Сен написал ряд работ историко-филологического характера с кратким изложением основных философских положений и уникальной стратегией интерпретации. Особенно стоит отметить его четыре местами повторяющиеся произведения: «История бенгальского языка и литературы» (1911)¹, «Вайшнавская литература средневековой Бенгалии» (1917), «Чайтанья и его спутники» (1917), «Чайтанья и его эпоха» (1922)². Философская сторона исследования проявлена во второй и последней упомянутой работе. Во второй работе Д. Ч. Сен развивает популярные заблуждения о зависимости учения кришнаизма от христианства и даже делает намёки об обратном, возможно, для укрепления независимой национальной идентичности Индии. В последней работе он особое внимание уделяет ответвлениям гаудиев. Во-первых, кастовым Госвами, преемственности учителей, передаваемых по семейному наследованию от выдающихся последователей Чайтаньи. Во-вторых, сахаджиям, проводящим тантрические ритуалы, противоречащие моральным стандартам вишнуитов. Сен отмечает в их литературе противоречащие учениям Чайтаньи интерпретации, имеющие корни в тантрическом буддизме и смарта брахманизме³. Сильвену Леви

во введении даёт характеристику учению Чайтаньи как вторичному, банальному, однако высоко оценивает его танцы и чувственную природу. Данные работы не много говорят нам о философии гаудиев, но они сформировали целое направление интерпретаций в оценки их учения с акцентом на методологии историзма, социологическую и натуралистическую модель объяснения в преемственности из философии и мотивации философов.

Серия работ протестантских миссионеров

Следующий автор, Никол Макникол, начинает ряд работ миссионеров-евангелистов, написав сборник «Индийский теизм» (1915) [13] в серии исследований по религиозной жизни Индии под совместной редактурой с Дж. Н. Фаркуаром. Доктрина Чайтаньи рассматривается в разделе поздних вишнуитских культов. Автор опирается на работы Д. Ч. Сена. Как и другие миссионеры, он объединяет практики сахаджиев с последователями Чайтаньи и говорит об их опасности и не различии чувственного и духовного в данном течении [13, с. 129]. Однако автор отмечает противоречие со строгим аскетизмом и приверженности ограничениям Чайтаньи [13, с. 130]. Автор также вслед за Сеном наблюдает преемственность учения от тантрического буддизма, распространённого прежде в Бенгалии, в том числе центральное учение о киртане, пении имени божества [13, с. 131]. Николь заключает, что учение способствует аморальной распущенности тантриков, которую осуждал Чайтанья. Хотя сам Чайтанья проявлял духовные чувства, но всё это перешло в нестабильное психическое состояние и деградацию [13, с. 150].

Сравнивая учение с протестантством, автор пишет: «... восторги Чайтаньи вряд ли могли поднять его на более высо-

кую свойственна кастовая система, предполагающая передачу положения в обществе по праву наследования, в том числе и духовные иерархии, что проявилось в бенгальском вишнуизме как система кастовых Госвами.

¹ Sen D. Ch. History of Bengali language and literature. University of Calcutta, 1911. 1038 p.

² Sen D. Ch. Chaitanya and his age. University of Calcutta, 1922. 425 p.

³ Смартизм (от сан. smārta – запомненное) – традиция индуизма основанное на корпусе текстов смрити, основанных на изначальных откровениях шрути. В бенгальском контексте этому направле-

кий духовный уровень или привести его общение с Богом к святой любви. ... ни у Кришны, ни даже у Рамы нет силы, способной очистить и возвысить их» [13, с. 261]. Далее Макникол сообщает: «Поклонение Кришне является неизлечимо идолопоклонническим... видение бога Чайтаньи было видением чувственного, но в нём было достаточно мало духовного» [13, с. 264]. Главным отличием от протестантизма Макникол видит посредничество в своей вере гуру взамен Христа [13, с. 265].

Своё обзорное исследование по бенгальскому вишнуизму сделал и коллега Н. Макникола, миссионер-просветитель Джон Никол Фаркуар, но уже в своей работе из этой же серии. Он стал пионером распространения в Бенгалии идеи, что Иисус является венцом индуизма. Можно отметить две его распространённые работы по религиоведению, включивших в себя описание учения Чайтаньи, это «Изложение религиозной литературы Индии» (1920)¹ и «Современные религиозные движения в Индии» (1929)².

В своей первой работе Дж. Н. Фаркуар выражает сомнения в том, что философия, выраженная философами бенгальского вишнуизма, Рупой и Санатаной, соответствовала идеям Чайтаньи. Он также предполагает, что Чайтанья намеренно выбрал для своего учения культ поклонения Радха-Кришне и «мастерски» использовал «неприятную историю» в «благородных целях». Однако Фаркуар отделяет учение гаудиев от других аморальных направлений с другим философским учением, но причисляющим себя к нему.

Вторая книга Фаркуара интересна тем, что впервые рассматривает современный этап развития учения гаудиев. Говорится о возрождении этого движения после сильной дискредитации в XIX в. Он рассматривает попытку бхадралок как стремление создать модернизированный вайшнавизм, мистический индуизм, призванный стать

возрождением духа Чайтаньи, поставить Кришну на место Христа и Гиту на место Евангелий.

Самой подробной монографией из написанных протестантскими миссионерами является работа американца М. Т. Кеннеди³ «Движение Чайтаньи: изучение вайшнавизма в Бенгалии» (1925) [12]. Книга примечательна тем, что охватывает весь пласт предшествующих исследований, в том числе К. Д. Бхактивинода.

Кеннеди разделяет учение самого Чайтаньи и его описание в «Чайтанья Чаритамрите» Кришнадасом Кавираджем (XVI–XVII вв.), предполагая, что его изложение – это теология более позднего времени: «... кажется крайне невероятным, что большая часть из того, что он вложил в его уста, могла быть произнесена им [Чайтаньей] самим» [12, р. 90]. Кеннеди признаёт, что теология гаудиев ему представляется спутанной, противоречивой, эклектичной по отношению к индуизму: «Безнадёжно перемешана с противоречивой философией огромная масса пуранической мифологии» [12, р. 95]. Особенно соотношение Кришны, Вишну и Брахмана и их обителей в духовном мире: «Поскольку существует мало ясных и систематических исследований по этому вопросу, эсхатологические идеи секты не могут быть сформулированы вполне удовлетворительно» [12, р. 102]. Вслед за Сеном Кеннеди критикует кастовых гуру: «Со временем, однако, положение гуру стало наследственным и в значительной степени утратило духовное значение» [12, р. 104]. Однако Кеннеди отдаёт должное опыту бхакти философов гаудии и их разработкам в сфере мистической эстетики, психологии любви: «Среди всех сект бхакти они выделяются как специалисты в этой области» [12, р. 113]. Он высоко ценит философский труд патриархов гаудии: «... эти учёные пишут о грамматике, логике, риторике и драматургии, но всегда в свете своей теологии и с целью её более полного изложения. Подобно

¹ Farquhar J. N. *Outlines of the Religious Literature of India*. Oxford: Oxford University Press, 1920. 451 p.

² Farquhar J. N. *Modern religious movements in India*. New York: Macmillan, 1929. 471 p.

³ Karttunen K. Kennedy, M. T. *Persons of Indian Studies*: [сайт]. URL: <https://whowaswho-indology.info/3439/kennedy-melville-talbot> (дата обращения 16.04.2024).

схоластам Европы, их теология была для них царницей наук, от него зависело всякое знание, и из него исходили вопросы жизни ... трудолюбие этих людей не может не произвести впечатления из-за чувства огромной преданности, внушённой их жизнью, которая могла привести к столь великому результату» [12, р. 137]. В части сравнения бенгальского вишнуизма с протестантизмом Кеннеди подчёркивает деморализующую роль форм Божеств Радхи-Кришны в пику Сену, а также философии греха в его понимании, отсутствие социальной философии, исторической основы традиции (только фольклорная). Данную критику он подкрепляет отсылкой на труд «Жизнь Кришны» (1886) Банким Чандра Чаттерджи, бхадралоки бенгальского возрождения, выступавшего против кришнаизма в целом и К. Д. Бхактивиноды в частности. Автор приводит критику важности мистического опыта с позиции психологического объяснения как «... обусловленного репрессивными условиями монашеской жизни, действовавшими на невротические типы» [12, р. 253] и делает вывод: «Теология и религиозный опыт, основанные таким образом, не могут существовать в свете современных знаний или удовлетворять потребности образованных людей» [12, р. 253].

Серия работ неоведанты

Самой известной историко-философской работой, в которой описывается философия бенгальского вишнуизма, по праву считается написанная в 1926 г. «Индийская философия» Сарвепалли Радхакришнана, которая также была переведена на русский язык. С. Радхакришнан, ставший впоследствии вторым президентом Индии, являлся новым индийским интеллектуалом, получившим английское образование, что наиболее сильно отразилось в его историческом анализе. Р. В. Псху и Л. Э. Крыштоп особенно выделяют этот момент: «Радхакришнан в своих рассуждениях даже более европеизирован, чем Дасгупта, поскольку снова

и снова обращается к европейской культуре для демонстрации той или иной философской мысли, что заметно даже с точки зрения используемой им лексики» [6, с. 150]. Как показывает С. Л. Бурмистров, Радхакришнан в своей философии пересмыслил адвайта-веданту во взаимном сопоставлении с западной философией, продолжая традицию Раммохан Роя [2, с. 141]. Для него все культуры имеют одну основу: связывание личности человека с Абсолютом [3, с. 157]. Склонность к монистическому пониманию мира является отличительной чертой неоведантизма, облик которому придавал сам Радхакришнан, показывая адвайта-веданту «во многом очень созвучной христианской идеологии» [2, с. 141]. Рассматривая через эту призму философию бенгальского вишнуизма в последней главе своего труда, он наблюдает в ней скорее отклонение от исторического процесса развития философии. Он даёт философии гаудиев следующую оценку: «... очень мало в ней есть такого, что специфично» [7, с. 383], и также замечание, связанное с их отходом от единства абсолюта (адвайты) [7, с. 385].

Если произведение С. Радхакришнана является самым распространённым, то самым авторитетными в философских кругах мы по праву можем считать труды Сурендрнатха Дасгупты. Несмотря на то, что Дасгупта также относится к течению неоведантизма, его мировоззрение имеет свои особенности, отразившиеся на его исследовании. Во-первых, Дасгупта – уроженец Бенгалии. В 1927 г. он написал «Индустский мистицизм»¹, в котором разбирает эту концепцию в двух главах. Обширным также является его анализ в более поздней работе.

Его собственная философия была известна как теория зависимого возникновения, по сути, идеалистическая, направленная против натуралистических и скептических интерпретаций [1, с. 96], которые мы можем наблюдать в миссионерских и литературоведческих интерпре-

¹ Dasgupta S. K. Hindu Mysticism. New York: Frederick Ungar Publishing Co, 1927. 168 p.

тациях. Его подход пытался совместить взгляды Шанкары (VIII в.)¹ и Рамануджи (XI–XII вв.)², находя недостатки в обоих. Поэтому Дасгупта пишет о том, что индийские системы не являются пантеистическими: в какой-то степени соответствующим дуализму души и Бога, но и единству в изобилии чувств. И невозможно сказать, что более истинно, что является отходом Дасгупты от чистого монизма адвайта-веданты. Это также сказывается на более положительной оценке философии гаудия-веданты.

В-третьих, в отличие от Радхакришны, Дасгупта не усматривает содержательного развития в философии, и различные школы индийской философии представляют различные стороны усмотрения истины, поэтому гаудиев он также рассматривает позитивно. Так этот момент отмечает С. Л. Бурмистров: «Будда для С. Дасгупты ... рассматривал ту же самую Реальность, что и другие философы, и лишь акцентировал в ней иные, чем, скажем, Шанкара или Чайтанья, стороны» [1, с. 99].

В-четвёртых, для него целью философии является дать теоретическое описание не просто цели жизни, но и средствам, и навыкам её достижения, в особенности доктрину для изменения онтологического статуса практики [1, с. 101]. Западная философия в этом смысле представляется ему неполноценной, что также делает Дасгупту критичным к западным оценкам философии Индии как не содержательной [6, с. 151], в частности философии гаудиев. Дасгупта аргументирует практическое основание философии через причину постановки исследовательского вопроса философом. Автор отмечает, что данный подход к философии реализован в философии бхакти в «Бхагава-пуране», а жизнь Чайтаньи является её реализаци-

ей, что также свидетельствует о высокой оценке философии гаудиев Дасгуптой.

Следующей работой, осмысляющей философскую проблематику учения гаудиев, является «Сравнительные исследования в ведантизме» (1927)³ Махендра Натха Ширчар. Во введении к работе автор открыто пишет о своей принадлежности к течению Рамакришны и Вивекананды, поэтому его можно отнести к неоведанте. В тексте М. Н. Ширчар приводит различные направления веданты, в том числе бенгальского вишнуизма. Автор рассматривает позицию главного философа гаудиев, Дживы Госвами (XVI в.), как синтетическую по отношению к Шанкаре и Раманудже, а также представляет учение Баладевы (XVIII в.)⁴ как дополняющее для Дживы и заимствующее у Мадхвы (XIII–XIV вв.)⁵, но с переосмыслением в рамках традиции. Автор делает вывод, отличный от стратегий миссионеров и отчасти литературоведов, о балансе рационального и эмоционального у гаудиев. Автор делает большой акцент на анализе диалектики единства и различия любящей души и любимого Бога в эмоциональном переживании, синтезируя учения двайты и адвайты на основе идей гаудиев.

Серия работ гаудия-вайшнавов

В 1927 г. также вышла монография Гириндры Нараяны Малика «Философия религии вайшнавов (на примере культов кришнаитов и гаурангитов)» (1925) [14]. Автор вводит принятое традиционное название бенгальских вишнуитов как гаудия-вайшнавов в академическое исследование. Г. Н. Малик пытается показать в своём труде, как философия Бхагаваты, кришнаизма, связана с философией Чайтаньи [14,

³ Sircar M. Comparative studies in Vedantism. Oxford: Oxford University Press, 1927. 314 p.

⁴ Баладева Видьябхушана – второй по величине философа гаудия-веданты, утвердивший в диспутах и философских работах статус учения гаудиев в преемственности от Мадхвы, используя для объяснения его понятийный аппарат.

⁵ Мадхва – основатель философии двайта-веданты и религиозного учения брахма-сампрадаи, защищающих личностный аспект Абсолта.

¹ Шанкара – основатель философии адвайта-веданты и религиозного учения смарта-сампрадаи, рассматривающих первичность безличного аспекта абсолюта.

² Рамануджа – основатель философии вишишта-адвайта-веданты и религиозного учения шри-сампрадаи, защищающих личностный аспект Абсолта.

р. i]. Он видит важность в строгом изложении философии гаудиев для разграничения её от других направлений Бенгалии с сомнительной репутацией [14, р. 6]. Малик выступает против западных представлений о вайшнавизме, которые понимают её сквозь призму философии Шанкары или через аллегорическую интерпретацию писаний с платформы здравого смысла [14, р. 5]. Автор также делает сравнительный анализ систем западной философии с гаудиями и приходит к выводу о её превосходстве: «Гаудия-вайшнавизм способен стать универсальной религией» [14, с. 376]. Это позволяет нам сделать вывод о принадлежности автора к традиционному типу исследователей.

В начале 1930-х гг. появляется ряд интересных работ учёных, вышедших из традиции возрождённого бенгальского вайшнавизма, учеников Бхактисиддханты Сарасвати Тхакура¹ (1974–1937): Самбидананды даса², Нишиканы Саньяла³. По характеру обе работы имеют свои особенности и перспективы исследования. Самбиданада дас защищает свою работу в Лондоне под руководством Л. Д. Барнетта и поэтому делает классический научный анализ истории литературы гаудия-вайшнавизма с критикой существующих датировок и приведением аргументов, соответствующих или находящихся ближе к толкованиям традиции. Н. Саньял, будучи индийским профессором в университете Каттака, выступает с критикой эмпирических методов, скептицизма, здравого

смысла в вопросах трансцендентного, принятых в западной науке, и делает попытку выстраивания альтернативной методологии на основе принципов веданты, например, трансцендентальная история, трансцендентальная мораль. В своей работе более философского характера он прилагает философию гаудия-веданты к современным проблемам и дискуссиям в европейской философии. Оба автора используют название гаудия-вайшнавизма, подчёркивают отличие учения от культа сахаджиев и адвайта-веданты Шанкары, единство учения Чайтаньи и его приемников, синтетический и завершающий характер философии гаудиев по отношению к другим направлениям теистической веданты.

Представителем традиции гаудия-вайшнавов в академических кругах также является Радха Говинда Натх, который параллельно карьере в естествознании стал заниматься написанием статей по гаудия-веданте и даже был удостоен премии Рабиндры от правительства в 1960 г. Он опубликовал исследование философии гаудиев «Ачинтья-бхеда-абхеда» в сборнике «Культурное наследие Индии» (1937)⁴. С одной стороны, его исследование представляет собой выявление уникальности философии гаудиев: понятиях шакти (śakti), раса (rāsa), паришады (pari ada), мадхурья (mādhurya), паракья (parakiya) и т. д. Интерес автора связан с его особым позиционированием в сообществе вайшнавов. Р. Г. Натх относился к представителям старой формации гаудиев и противостоял новому активно распространяющемуся движению Гаудия Матха Бхактисиддханты Сарасвати через критику его объяснения философии как современного прочтения. В частности, это касалось признания преемственности философии Баладевы от первого поколения философов и в целом гаудиев от других направлений теистической веданты⁵. Поэтому в обзорной статье

¹ В 2024 г. среди памятных дат ЮНЕСКО находится 150-летие со дня рождения философа, социального реформатора и выдающегося духовного лидера Шримад Бхактисиддханты Сарасвати Госвами Тхакура Прабхупады (1874–1937) (Индия при поддержке Вьетнама, Казахстана, Кубы, Российской Федерации и Таиланда) (Решения, принятые Исполнительным советом на его 216-й сессии. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000385627_rus (дата обращения 16.04.24)).

² Sambidananda Das. The History and Literature of the Gaudiya Vaishnavas and their relation to other medieval Vaishnava Schools. Chennai, 2007. 860 p. (1st ed. London, 1934).

³ Sanyal N. Sree Krishna Chaitanya. Royapettah. Madras: Sree Gaudiya Math, 1933. 762 p.

⁴ Natha R. G. Acintyabhedabhed // The cultural heritage of India: Vol. II. Calcutta: The Ramakrishna Mission, Institute of Culture, 1937. P. 366–386.

⁵ Martins D. Introduction // Prameya ratnāvali: A String

Натха делается акцент на вопросы и аспекты, уникальные для гаудия-веданты, которые выделяли представители направления кастовых Госвами.

Остальные работы

Одной из самых содержательных в философском плане работ колониального периода можно назвать работу Сушил Кумар Де «Вайшнавская вера и движение в Бенгалии из санскритских и бенгальских источников» (1942) [10]. С. К. Де является бенгальским писателем, исследователем литературы и философии. В начале своей работы он отмечает недостаток философских работ по литературе бенгальского вишнуизма. Автор ставит задачу проанализировать именно философские работы, но ограничивается только периодом формирования гаудия-веданты XVI–XVII вв. не рассматривая работы Вишванатхи и Баладевы XVIII в. [10, р. 176]. Обозначается настроение исследования: «не с точки зрения преданного, апологета или приверженца веры, но в духе историко-критического исследования» [10, р. ii]. Приводится следующая характеристика экзегезы гаудиев: «существуют тщательный отбор и расположение тех текстов, которые являются благоприятными, а неудобные тихо забываются или замалчиваются, а иногда и изощренно искажаются хитроумным образом» [10, р. 172]. Здесь мы видим позицию предварительного недоверия. Де также подвергает сомнению преемственность философии Чайтаньи и первых его последователей Госвами [10, р. 173], характеризует их философию как расплывчатую и несистематичную, необоснованную [10, р. 192]. Развивается аргументация отрицания божественности Чайтаньи в теологии Госвами [10, р. 432]. В данной стратегии интерпретации мы видим акценты, поставленные литера-

туроведами прошлого, но уже в области философии.

Можно отметить ряд авторов колониального периода, работы которых имеют чисто литературоведческое историко-биографическое описание: Б. Б. Маджумдар (1938), Ш. Дасгупта (1946), Свами Прадип Тиртха (1947).

Заключение

На основе основных аспектов анализа истории философии бенгальского вишнуизма и стратегий её интерпретации исследователей можно разделить на представителей четырёх больших групп: 1) гаудия-вайшnavы, непосредственные последователи данного учения; 2) миссионеры протестанты, входившие в число колониальной аристократии; 3) литературоведы, формирующие образ национальной культуры; 4) неоведантисты, переосмысляющие адвайта-веданту как национальную философию. Выделим специфику данных групп.

Авторы-последователи гаудия-вайшнавизма (К. Д. Бхактивинода, Ш. К. Гхош, П. Бхарати, Р. Г. Натх, П. Т. Свами) вводят специальное самоназвание в академический дискурс «гаудия-вайшнавизм», этим они отделяют своё направление от учения сахаджи вишнуитов. Важным вопросом для них становится также преемственность с другими философиями и ведантами, т. е. единство и отличие гаудиев, а также преемственность Чайтаньи и первых Госвами и далее Баладевы. Поднимаются вопросы доверия к источникам, датировкам, методологии и другим предпосылкам исследований. Выделяются также ответы гаудиев на современные вопросы философии.

Протестантские миссионеры (У. Д. Уилкинс, А. Ш. Геден, М. Никол, Дж. Н. Фаркуар, М. Т. Кеннеди) в своей интерпретации делают акцент на эмоциональном, а не рациональном аспекте учения, чувственном, а не духовном характере опыта, мифологичности, а не историчности их божества, в том числе отсутствии преемственности в понимании божествен-

of Jewel-like Theorems of Baladeva Vidyabhūṣaṇa With the commentary Kānti-mālā of Vedantavāgīśa and the author's gloss. Translated by Demian Martins. India: BVT, 2022. P. 1–lxiv.

ности Чайтаньи. Подчёркиваются несистематичность философии, слабая философия морали, единство гаудиев и сахаджиев или ответственность за их безнравственную деятельность.

Стратегия интерпретации исследователей бенгальской литературы (Д. Ч. Сен, Б. Б. Маджумдар, С. К. Де, Ш. Дасгупта) подчёркивает важность историко-критического анализа и реконструкции истории бенгальского вишнуизма с позиции натуралистского подхода, социальный аспект реформации Чайтаньи, его важность как национального достояния, отсутствие преемственности в понимании его божественности.

Стратегия неоведанты (С. Радхакришнан, С. Дасгупта, М. Н. Ширчар) делает акцент на критику или интерпретацию с позиции адвайта-веданты и вторичности содержательного развития за счет ведущего влияния Радхакришнана, но признаёт преемственность в философии гаудиев, рациональность и моральность учения.

Таким образом, анализ историографии философии бенгальского вишнуизма в колониальный период позволил выделить четыре основные группы исследователей со своими стратегиями интерпретации. Данные группы и их активность хорошо отражают динамику формирования идентичности Индии и её различные векторы, за исключением представителей группы марксистов, чьи исследования будут написаны уже в начале второй половины XX в. Динамика хорошо прослеживается в работах протестантских миссионеров: более негативная оценка учения в начале века сменяется на более нейтральную и позитивную оценку со стороны неоведанты и учёных-последователей гаудия-вайшнавизма. Стоит также отметить, что разработанные стратегии интерпретации миссионеров избирательно были переняты литературоведами, более восприимчивыми к европейской рациональности натуралистической науки, сформировав национальную альтернативу идеалистическим направлениям неоведанты и гау-

дия-вайшнавов. Данная динамика может наблюдаться и в формировании русской философии и разделении на направления западников и славянофилов.

Однако не стоит рассматривать наличие предустановок исследователей как дисквалификацию для научного анализа, т. к. беспредпосылочность недостижима. С одной стороны, понимание предпосылок помогает выделить стратегии интерпретации философской системы, с другой стороны, предпосылки дают больше интеллектуальных ресурсов в исследовании связанного с ними аспекта учения. Выявление данных предпосылок необходимо для более объективного понимания историографии.

Приведённый выше анализ историографии является также описанием среды развития философии гаудиев в современный период (XX в.). Историография отражает следы интеллектуальных противостояний не только между пытающейся занять своё место в формирующемся пространстве новой Индии школы гаудия-веданты с новыми оппонентами, но и внутри школы. Было выявлено взаимовлияние гаудия-веданты с русской философией через переписку Премананда Бхарати и Л. Н. Толстого. Выявленная в результате нашего анализа ситуация, сложившаяся в академической среде Индии, а именно превалирующая критика с позиции историзма, начатая миссионерами и продолженная литературоведами, философская критика адвайта-веданты в её новом виде объясняет современный маргинальный статус гаудия-веданты как философии внутри Индии, не смотря на активное исследование зарубежом.

Статья поступила в редакцию 03.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистров С. Л. Абсолют и история в историко-философских концепциях С. Дасгупты и Г. Гегеля // *Евразийство и мир*. 2013. № 1. С. 91–101.
2. Бурмистров С. Л. Индийские историки философии в XX веке: выбор позиции // *Письменные памятники Востока*. 2012. № 1 (16). С. 138–150.
3. Бурмистров С. Л. Движущие силы историко-философского процесса в философии неоведантизма // *Вопросы философии*. 2008. № 12. С. 153–162.
4. Ватман С. В. Бенгальский вайшнаизм. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005. 405 с.
5. Ватман С. С. Вишнуитский трактат «Бхакти-расамрита-синдху», его структура, содержание и доктринальная роль // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2019. № 3. С. 212–225.
6. Псху Р. В., Крыштоп Л. Э. История индийской философии в средневековой Индии и начало рецепции индийской философии в европейском интеллектуальном пространстве // *Вопросы философии*. 2017. № 5. С. 148–160.
7. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2 / под ред. В. И. Кальянова. М.: Миф, 1993. 732 с.
8. Филь Ю. С. Бхактивинода Тхакур в свете современной рациональной критики традиционных убеждений // *Gaudeamus Igitur*. 2020. № 1. С. 22–28.
9. Carney G. T. *Baba Premananda Bharati: his trajectory into and through Bengal Vaiṣṇavism to the West // The Legacy of Vaiṣṇavism in Colonial Bengal*. Abingdon: Routledge, 2020. P. 135–160.
10. De S. K. *The Vaiṣṇava faith and movement in Bengal from Sanskrit and Bengal sources*. Calcutta, 1942. 556 p.
11. Wong L. *Gauḍīya Vaiṣṇavism and Modernity // The Journal of Hindu Studies*. 2020. № 13 (1). P. 1–9.
12. Kennedy M. T. *Caitanya Movement: Study of Vaiṣṇavism of Bengal*. London: Oxford University Press, 1925. 290 p.
13. Nicol M. *Indian Theism*. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1915. 292 p.
14. Malik G. N. *Philosophy of Vaiṣṇava Religion (with special reference to the Kṛṣṇaite, and Gouraugite Cults)*. Vol. 1. Lahore: Punjab Sanskrit Book Depot, 1927. 486 p.
15. Wong L., Sardella F. *The Legacy of Vaiṣṇavism in Colonial Bengal*. Routledge, 2019. 280 p.

REFERENCES

1. Burmistrov S. L. [Absolute and history in the historical and philosophical concepts of S. Dasgupta and G. Hegel]. In: *Evrāzīstvo i mir* [Eurasianism and the World], 2013, no. 1, pp. 91–101.
2. Burmistrov S. L. [Indian historians of philosophy in the twentieth century: choosing a position]. In: *Pis'mennye pamyatniki Vostoka* [Written monuments of the East], 2012, no. 1 (16), pp. 138–150.
3. Burmistrov S. L. [Driving forces of the historical and philosophical process in the philosophy of neo-Vedantism]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2008, no. 12, pp. 153–162.
4. Vatman S. V. *Bengal'skij vajshnavizm* [Bengal Vaishnavism]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2005. 405 p.
5. Vatman S. S. [The Vishnuite treatise “Bhakti-rasamrita-sindhu”, its structure, content and doctrinal role]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin], 2019, no. 3, pp. 212–225.
6. Pskhu R. V., Kryshstop L. E. [The history of Indian philosophy in medieval India and the beginning of the reception of Indian philosophy in the European intellectual space]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2017, no. 5, pp. 148–160.
7. Radhakrishnan S. *Indian philosophy* (Rus. ed.: Kal'yanov V. I., ed. *Indijskaya filosofiya*. Moscow, Mif Publ., 1993. 732 p.).
8. Fil Yu. S. [Bhaktivinoda Thakur in Light of Modern Rational Criticism of Traditional Beliefs]. In: *Gaudeamus Igitur*, 2020, no. 1, pp. 22–28.
9. Carney G. T. *Baba Premananda Bharati: his trajectory into and through Bengal Vaiṣṇavism to the West*. In: *The Legacy of Vaiṣṇavism in Colonial Bengal*. Abingdon: Routledge, 2020, pp. 135–160.
10. De S. K. *The Vaiṣṇava faith and movement in Bengal from Sanskrit and Bengal sources*. Calcutta, 1942. 556 p.
11. Wong L. *Gauḍīya Vaiṣṇavism and Modernity*. In: *The Journal of Hindu Studies*, 2020, no. 13 (1), pp. 1–9.
12. Kennedy M. T. *Caitanya Movement: Study of Vaiṣṇavism of Bengal*. London, Oxford University Press, 1925. 290 p.

13. Nicol M. Indian Theism. Delhi: Munshiram Manoharlal, 1915. 292 p.
14. Malik G. N. Philosophy of Vaishnava Religion (with special reference to the Kṛṣṇaite, and Gouraugite Cults). Vol. 1. Lahore: Punjab Sanskrit Book Depot, 1927. 486 p.
15. Wong L., Sardella F. The Legacy of Vaishnavism in Colonial Bengal. Routledge, 2019. 280 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Попов Дмитрий Николаевич – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Финансового университета при Правительстве РФ; научный сотрудник исследовательского отдела Маяпурского института Бхактиведанты;
e-mail: popovdник@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry N. Popov – Cand. Sci. (Philosophy), Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation; Researcher, Research Department, Mayapur Bhaktivedanta Institute;
e-mail: popovdник@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Попов Д. Н. Историография философии бенгальского вишнуизма в колониальной Индии // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 30–42.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-30-42

FOR CITATION

Popov D. N. Historiography of the Philosophy of Bengali Vishnuism in Colonial India. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 30–42.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-30-42

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 168.5; 165.63

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-43-51

О НЕ-КЛАССИЧЕСКОМ РАЦИОНАЛЬНО-ЛОГИЧЕСКОМ КЕНОЗИСЕ РУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА*

Ивлев В. Ю.^{1,2}, Калитин П. В.¹

¹Московский государственный университет им. Н. Э. Баумана
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская, д. 5, стр. 1, Российская Федерация

²Финансовый университет при Правительстве РФ
125993, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Выявить процесс логико-рационального становления *особо-универсального*, т. е. способа мышления и познания в его антропологическом измерении.

Процедура и методы. Логико-семантически проанализирован корпус текстов и взглядов соответствующих отечественных авторов: от Феофилакта (Лопатинского) до В. В. Зеньковского.

Результаты. Сделан вывод о наличии в русской философии *особо-универсального* – метода и менталитета в их антиномично-истинном сопряжении.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обновлено гносеологическая проблематика русской философии с актуальным акцентом на её оригинальности.

Ключевые слова: антиномизм Н. А. Васильева, диалектическая аберрация антиномизма, классический рационализм, личностный кенозис, по-святоотечески-новая русская оригинальность

ON NON-CLASSICAL RATIONAL-LOGICAL KENOSIS RUSSIAN MENTALITY

V. Ivlev^{1,2}, P. Kalitin¹

¹Bauman Moscow State Technical University
ul. 2-ya Baumanskaya 5 bld 1, Moscow 105005, Russian Federation

²Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradsky 49/2, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To identify the process of logical-rational formation of a *particularly universal* – way of thinking and cognition in its anthropological dimension.

Methodology. a corpus of texts and views of relevant domestic authors was logically and semantically analyzed: from Theophylact (Lopatinsky) to V. V. Zenkovsky.

Results. A conclusion was made about the presence in Russian philosophy of a *particularly universal* – method and mentality in their antinomic-true conjugation.

Research implications. The epistemological problems of Russian philosophy have been updated with a current emphasis on its originality.

Keywords: antinomism of N. A. Vasiliev, dialectical aberration of antinomism, classical rationalism, personal kenosis, patristic-new Russian originality

© CC BY Ивлев В. Ю., Калитин П. В., 2024.

* Статья публикуется в авторской редакции.

1

Сегодня, в дни прямого военно-политического противодействия так называемым украинским националистам, крайне актуально будет напомнить, что именно великим представителям Киево-Могилянской Духовной академии конца XVII – начала XVIII вв., особенно в лице ректора (с 1708 по 1722 гг.) аналогичного московского учебного заведения, Феофилакта (Лопатинского), мы обязаны собственно русскому генезису логико-рационалистической традиции Нового времени [11, с. 23–37, 54–63, 75–80 и др.; 8, с. 57–58].

Весьма примечательно, что наши нынешние противники, можно считать, с 1991 г., напрочь отказались от этого философского действительно первородства по отношению к нам, «москалям», хотя оно столь же действительно утешило бы их националистическое самолюбие, если не самолюбование. Не углубляясь в политические дебри для должной оценки нынешнего киевского режима, ограничимся лишь антиномической констатацией исключительно самозабывчивой и саморазрушительной! – природой его деструктивного национализма, который, скорей, целенаправленно затушёвывает настоящие культурные достижения малороссийского русского народа – так легче и – **органичт́о** жественней! – превращать его в обывденных иванов, не помнящих нашего – **чт́о** великого?! – совершенно никакого – родства... Тем паче, под «славной»: в нигилистической «натуре»! – маской «нового»: Западно! – «украинства»... **Доподлинно** влѣгкую мало: **недо**! – мысленного российства...

2

Мы сознательно выделили особо ректорскую фигуру Феофилакта (Лопатинского) в качестве ключевого связующего звена между малороссийским и в целом западноевропейским рационализмом Нового времени и непосредственным зарождением его классической традиции – в рамках русской философии и культуры как раз

в начале XVIII в. Поскольку отечественное академическое преподавание философии, а также богословия с той поры после Феофилакта уже не прерывалось в отличие от соответствующей деятельности братьев Лихудов¹.

Более того, В. В. Зеньковский не преминул подчеркнуть, что первое заявление о свободе мысли, о внутренней силе, присущей человеческому уму, исходило именно «от московского учёного XVIII века Феофилакта Лопатинского, питомца Киевской Академии» – с несомненным проявлением «и творческих замыслов» в нашей философии [8, с. 58].

Интеллектуальный пример Феофилакта – здесь как нельзя показателен: при всей его атрибутивной приверженности западноевропейскому рационализму – вплоть до Аристотеля. Отметим, в первую очередь, полисемантическое представление русского иерарха-философа о, казалось бы, заведомо однозначном латинском понятии «термин»: с его не только «конечным», но и «начальным» смыслом [11, с. 90–91], который вдруг органически, и – антиномично! – отвечает нашему глубинному слову «кон»², между прочим, прямопротивоположному любой, и логически, **законности**.

На поверку – сверхбуквалистское, точнее, духовно-анагогическое постижение привычного латинского понятия, волей-неволей противоречиво-рационализированное преисполнение его «внутреннего слова», если вновь воспользоваться амбивалентным выражением Феофилакта [11, с. 89].

Ещё больший антиномизм отечественный мыслитель подспудно демонстрирует – при определении термина «Бог», обозначающего «себя самого», **и** – то, что Он «есть» – «по установлению людей» [11, с. 93]. Короче, – «Бога» апофатического, **и**

¹ См.: [[11, с. 75, 80, 85, 163–164]; История русской философии: учебник / под ред. М. А. Маслина. М.: КДУ, 2008. С. 56–57.

² Кон // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 126–127.

– катафатического зараз – во всём Его священном: антиномично – «безумии»!..

Так, очень и очень быстро обозначилось знаменательное, и впрок эвристический – всей русской философии: богословию! – национальное самоотвержение от классической рациональности Нового времени [1; 5; 6; 7; 23] и в целом западноевропейской интеллектуальной линии, самоотвержение – в знаковом лице её вроде бы верного провозвестника: с заведомо предсказуемым вроде бы соблюдением аристотелевского запрета на истинное противоречие [11, с. 130–131, 132–133].

Но силён, силён воистину архетипичный! – дух именно антиномического по глубинной сути русского мышления, и не важно – в киевском или московском изводе, и пусть **пока** – под эгидой диалектического: вопреки себе! – отрицания...

3

Но уже к концу XVIII в. явственно наметила сугубо органическая тенденция отечественного философствования, естественно, в сторону постоянной, **и** – всегда вдруг! – амбивалентности. Того самого Апостольского «для Еллинов безумия» (1 Кор. 1–23), которое эвристично легло в основу всей оригинальнейшей и по святоотечески: новой! – догматики в эпоху Вселенских соборов и принципиально отделило духовно-психологическую разницу восточного и западного Христианства: своим неслиянным и нераздельным единством – прямопротивоположным чисто-философскому, и еретически, монизму, как раз тотально оприходованному классическим западноевропейским рационализмом¹.

Но в России к концу XVIII в. начал активно утверждаться другой: сугубо православный и национальный – тип мышления, и аутентично-с~~ом~~борным носителем его логоса стала целая учёно-монаше-

ская школа под творческим протекторатом Московского митрополита Платона (Левшина), а затем его любимого ученика, Филарета (Дроздова), ныне канонизированного святителя [12, 13, с. 822–879].

Приведём развёрнутый асерторический пример из «Слова в неделю третью Великого Поста» (1767 г.) митрополита Платона: «Отрепись самого себя **повидимому** есть **вещь невозможная**; ибо кажется, что в сём заключается **некоторое** противуречие, чтоб быть мне самому, и отрепись мнеж самого себя. А хотя б и можно было, то опять, **кажется**, не должно. Ибо отрепись самого себя, **видится**, что надобно б было отказаться от тех Создательных законов, на которых движения нашего тела и души основаны... Отрепись себя, значит, просто сказать, не слушаться самого себя, когдаб мы в самих себе чувствовали побуждения, противные истинне, противные совести и разрушающая истинное блаженство наше. А что не сказано в Евангелии, чтоб отвергаться нам худых склонностей, но самих себя: чрез сие означается, чтоб мы от них так отреклись, **как бы** они совсем нам не надлежали, и их льщения **так бы** были для нас мало чувствительны, **как бы** они находились в другом ком, а не в нас... А отсюда видно, что кто отвергается себя, тот отвергает себя и не отвергает (зараз! – П. К., И. В.)... И по-неже мы, отрицаясь себя, больше находим себя» (выделено нами. – П. К., И. В.) [20, с. 191–192, 193, 194].

Перед нами – настоящий антиномично-тождественный апофеоз оригинальнейшего православно: русского рассуждения – в его философско: богословской усугублённости. И определяется он логически – естественно: противоречиво! – неопределённой, точнее, не-определённой (= определённой и неопределённой зараз) – формой высказывания («повидимому», «кажется», «как бы» и т. п.), которая сверхбуквалистски-анагогично: вдруг! – затрагивает и самую сущностную «глубину Божественного Писания» [20, с. 192] – благодаря как раз своему неслиянно-нераздельному: ново! – единству.

¹ См: [15, с. 35–36, 134–138, 274–278 и др.; 16, с. 83, 98, 100, 108, 118 и др.]; Майоров Г. Г. Судьба и дело Бозция // Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. Послесловие. М.: Наука, 1990. 416 с.

4

Нельзя не подчеркнуть, что эта «неопределённая»: вербально – **видимость** нашего логосного дискурса не могла не выродиться – столь же адекватно-поверхностно, и **законно!** – интеллигентствующий: **однозначно** и **доподлинно-Западло!** – «норматив»-«комильфо» – относительно русского менталитета как такового – даже со стороны **вроде бы** его искренних адептов, особенно в лице, **и** – личине! – В. В. Розанова с его «тотально»-«классическим» культом, по меньшей мере, исключительно иррациональной «*стихии* православия», сродственной: непротиворечиво – собственно «живому предмету» [21, с. 68–69, 29–30 и др.].

Н. А. Бердяев, разумеется, без зазорных обиняков и так же «классически»-вызывающе – тут же обнаружил у «стихийного» Розанова и в целом: у «истинно-русского» человека – «вечно-бабье» и «рабье», пусть, и с «тайной» – как её?! – коннотацией [3, с. 37–38, 39, 41–42, 47].

Но митрополит Платон строго придерживался прямопротивоположного: не чисто-философски, и не-классически (= классически + неклассически)! – учёного вывода, ибо «за отвержением себя тотчас следует крест, т. е., различные искушения (и особенно интеллигентствующего: **однозначно!** – порядка. – П. К., И. В.). Крест двоякий: внутренний и внешний. Внутренний крест есть оное (постоянное! – П. К., И. В.) сражение плоти и духа, сражение, которое находим мы в самих себе; когда склонности чувств противятся разуму, когда видим лучшее и похвалием, а худшему (... – П. К., И. В.) следуем, когда и то и другое оставить не хотим, а и то и другое вместе получить (с диалекдичным: «тотально» – синтезом! – П. К., И. В.) не можем... Другой крест есть внешний, которым нас с стороны обременяют; ибо отречься себя и следуя (несколько не «классически»-«совершенно»: гордынно! – П. К., И. В.) добродетели, надобно на себя поднять целый полк (мало сказать, «классически», и по-аристотелевски: Язычно-идолопоклоннически! – П. К.,

И. В.) страстью порабощённых людей. Никто бо не любит противное себе» [20, с. 194, 195–196]. В «лучшем» случае чисто-философски: заклиная! – его «нормально»-«нормативной»: **законно** – «неопределённостью»...

Но поразительно, что и В. В. Розанов, правда, лишь с диалекдичным: **однозначно** – самоотвержением, лишь подтистую: иррационально – вне себя! – был способен признать **определённое**: «между “нет” и “да” колебание», но! – «какое-то страшное» [22, с. 388]. Разумеется, в силу его даже не просто крестного, а двояко-сугубо! – крестного – естества, точнее, «безумнее», **н-естьн-естьва** (= н-есть (= несть + есть) + н-есть (= несть + есть) + **естьество** (= есть + есть – **вон!**))...

5

Так мы антиномически: последовательно – вышли на кардинальную: психологически – причину-вину! – «классически»-интеллигентствующего: вне себя – нигилистически: напроочь! – третирования – православно: русского антиномизма [17; 18; 19], который не мог органически не **преисполняться** почти невыносимым: голгофно – характером его непосредственного, **и** – сознательно! – **переживания**. Настоящим философско: богословским и в целом личностным: дерзновенно-мужественно – исповедничеством. **Страшнó:** потрясающе: просвещённым – именно по-русски! – знать: юродством...

Святитель Филарет Московский – не-классически: всесторонне и просто **сотборно** – усугубил это национально: утверждающее самоотвержение (вновь и вновь повторим: без **однозначно**-«невинной» – вне себя – кошун-безоглядности!). Да, самоотвержение «опасное», но! – «только для греховной плоти, поскольку в нём заключается её распинание» [24, с. 312, 133–136 и др.]. И, **н-естьн-естьвенно**, спасительное – для тех, «которые хотя и *в мире суть* (Иоан. 17, 11), однако *не суть от мира* (Иоан. 17, 14)» – зараз! – по неопределённому образу и подобию Свето: Тёмного – Бога – с Его аналогичным управ-

лением силами «благотворными», **и** – «карательными»! – применительно, вообще, к роду человеческому, **и** – непосредственно к роду [24, с. 202, 197, 646]...

Сквозной, лейтмотивный дуализм учёных иерархов был присущ и академической философии: богословию М. М. Тареева – с его сугубо: кенотическим пониманием потомка Адама, раздираемого постоянным противоречием духовного, **и** – природно-исторического мира [9, с. 121–128]. И неслучайно В. В. Зеньковский выделил «самый чистый тип “христианской философии” среди подобных построений у деятелей духовной школы в России» как раз у М. М. Тареева [9, с. 122].

Другое дело, сам автор фундаментальнойшей «Истории русской философии» не преминул «совершенно»-«классически», да и интеллигентски заклясть отнюдь не «страдательную» и не «тяжестную» «сущность» русского «креста», поскольку его, по крайней мере, «надо толковать... *как задачу*, возложенную на нас Богом, как закон, энтелехийно определяющий созревание человека» [10, с. 504, 505, 506]...

6

Что ж, можно с **уко**нгениальной гуманностью – поаплодировать «благому» и «лёгкому»: во грехе – толкованию распятия потомка Адама у В. В. Зеньковского, кстати, с заведомо буквалистской и мёртвой! – ссылкой на соответствующий текст Евангелия от Матфея [10, с. 505]. Но трагическая, психиатрическая судьба Н. А. Васильева, казалось бы, только «воображаемого» творца антиномично: истинного! – рационализма – наифактичным образом, правда, в непробиваемый лоб – низвергает «задачливый»: по-аристотелевски-! – «энтелехийно» – «крест» В. В. Зеньковского – в доподлинное безумие...

Да, Н. А. Васильев только «индифферентно» ограничился открытием «отрицательно»: «утвердительно» формы суждения, соответствующей логической связки «есть и не есть зараз» и столь же необходимого: чисто-абстрактно – «за-

кона несамопротиворечия», разумеется, при неизменно-тождественной противоречивости подчиняющихся ему истинных высказываний [4, с. 62–67 и др.]. Однако уже вовсе не «индифферентно» и не «воображаемо» – наш не-классический гений принял: вопреки себе! – настаивать – на «эмпирической» и «реальной» монополии: познавательного использования – закона запрета на истинное противоречие – до полного, и диалектически – сумасшествия [4, с. 67–68, 89, 99 и др.; 2, с. 140–141]...

И, тем не менее, «что мы знаем в сущности об основе мира, чтобы отрицать, что она есть **реализация** (выделено нами. – П. К., И. В.) противоречия?» – отнюдь не риторическое вдруг: вопрошает – Н. А. Васильев – в своей последней оригинальной работе «Логика и металогика» – «Почему не предположить во Вселенной, беспредельной в пространстве, безграничной в своём многообразии, такие миры, где бы реально существовали противоречивые вещи? Как можно знать что-нибудь о непознаваемом, знать, например, что там нет противоречия?» [4, с. 99]...

Но, увы, найдя творческий «покой» лишь макрокосмически: «в своей мысли бездонной», как проникновенно он написал в стихотворении «Тоска по вечности» (1904 г.) [цит. по: 2, с. 77] – не нашёл зараз! – он его, согласно открытой им «отрицательно»: «утвердительно», но нет! – не просто в «воображаемой» формальности, а, напротив, в своей самой непосредственной, личной, судьбоносной **конкретике**. И именно этот несамопротиворечиво: противоречивый фактор не мог – уже с синтетически-органически-жественной бездонностью и безумностью! – не поглотить Н. А. Васильева: вне себя – в силу его голгофно-ощутимейшей невыносимости, и в тотально-безысходном: нигилистически – грехе. Без спасительно-! – **страшнóй**, и сознательно-выдержанной – просвещённости. Без настоящего юродственного: не как-то «индифферентно», а прямо в русский ум – вновь и вновь реально-креационистского: свет! – потрясения...

7

Вот почему наиболее добросовестный и аутентичный исследователь гениально-трагической жизни и мысли Н. А. Васильева, В. А. Бажанов, не пошёл по «воображаемому»: чисто-абстрактно – пути своего побеждённого: «совершенно»-«классически» – героя, благо сегодня «противоречивость внешнего мира является едва ли не общезначимым положением. Тем не менее противоречивый в своей сущности мир отражался (и до сих пор отражается! – П. К., И. В.) посредством непротиворечивых теорий. Возникновение паранепротиворечивой математики и логики, вероятно, в **конечном** (выделено нами. – П. К., И. В.) итоге может привести к ликвидации этого несоответствия» [2, с. 185–186]. И Н. А. Васильев стал первым и, хочется верить, последним! – мучеником его **актуальнейшего**: воистину амбивалентно! – пере: из-живания, стал – действительно «единичным»: приоритетно – «идеалом изображения», увы, «гармонически»: **контрастирующим** – со своей н-естьн-естьвенной, **и** – бездонно-безумной: феноменально! – рациональностью, если воспользоваться «субъективным», **и** – реально! – лексиконом И. Канта [14, с. 172, 194–195].

8

Итак, мы последовательно рассмотри-
трели сначала – архетипичное (в лице

Феофилакта (Лопатинского)), а затем – всё более и более нарастающее, пусть, даже иногда иррационально, – исповедничество: строго-антиномических – способов рассуждения – в философско: богословском: не-классически-оригинально – **кон-**тексте Апостольской и святоотечески-новой православной традиции, особенно благодаря целой учёно-монашеской школе Московского митрополита Платона (Левшина) – св. Филарета Московского.

Был органически выявлен сугубо кенотический и крестный: лично – характер такого способа мышления, ставшего не только религиозным, но и национальным своеобразием нашего реального менталитета: как н-есть (= несть + есть)! – во грехе, **и** – спасении.

Иэтотголгофный, **и** – рационально – кон-мог с **законно-обветшалой** диалекдич-ностью – обусловить как «классически»-интеллигентствующее третирование, как минимум, своеобразной русской: «безумно» – «вечно-бабски» – гносеологичности, так и трагическую участь гениального первооткрывателя антиномично-истинной логики, Н. А. Васильева, который, увы, не до **конкретного**: последовательно – **конца** осмыслил своё «воображаемо»-«индифферентное» дерзновение, непротиворечиво, и буквально безумно! – провалившись: совершенно-естественно – целиком и полностью: вне себя...

Статья поступила в редакцию 26.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельская Н. О., Орлова И. И. Философские категории как методологический базис научных исследований // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов VI Международной научной конференции, Москва, 25 ноября 2022 г. / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Сам полиграфист, 2022. С. 16–27.
2. Бажанов В. А. Н. А. Васильев и его воображаемая логика. Воскрешение одной забытой идеи. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. 240 с.
3. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 352 с.
4. Васильев Н. А. Воображаемая логика. М.: Наука, 1989. 264 с.
5. Горбунов А. С., Миошкин М. С. Методологические проблемы научных исследований: к вопросу о функциях науки // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сборник трудов V Международной научной конференции, г. Москва, 26 ноября 2021 г. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2022. С. 106–116.
6. Загребин М. В., Буренков С. В. О первостихии разумного категориального способа мышления // Философские и методологические проблемы исследования российского общества: сбор-

- ник трудов IV Международной научной конференции, г. Москва, 20 ноября 2020 г. / под общ. ред. Г. В. Бариновой, Л. В. Блонского, С. Н. Климова. М.: Российский университет транспорта (МИИТ), 2020. С. 140–146.
7. Загребин М. В., Буренков С. В. Разум как вид ума // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 6–12.
 8. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Кн. 1. Л.: ЭГО, 1991. 222 с.
 9. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. Т. 2. Ч. 1. Л.: ЭГО, 1991. 256 с.
 10. Зеньковский В. В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. М.: Русский путь, 2011. 536 с.
 11. Ивлев В. Ю. От логоса к логике в России: эпистемологические проблемы. М.: ОВЛ, 2010. 187 с.
 12. Калитин П. В. Приложение: I часть. Православно-секулярный рационализм, или уравнение русской идеи: плеромы. II часть. Русско-платоновская школа творцов нового: себя – слова – России // Митрополит Платон (Левшин) и его учёно-монашеская школа. К чести духовного чина. М.: Институт русской цивилизации, Институт общегуманитарных исследований, 2015. С. 819–894.
 13. Калитин П. В. Уравнение русской идеи. М.: УРСС, 2006. 280 с.
 14. Кант И. Критика способности суждения / пер. М. И. Левиной. СПб: Наука, 2006. 512 с.
 15. Карташёв А. В. Вселенские соборы. М.: Республика, 1994. 542 с.
 16. Карташёв А. В. Церковь. История. Россия. Статьи и выступления. М.: Пробел, 1996. 304 с.
 17. Костадинович Д., Бондарева Я. В. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 2. С. 37–46.
 18. Майкова В. П., Задремайлов О. И. Ценностная дифференциация и идеал человека в русской философии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 4 (62). С. 115–123.
 19. Митио Микосиба, Бондарева Я. В. The Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 55–62.
 20. Митрополит Платон (Левшин) и его учёно-монашеская школа. К чести духовного чина. М.: Институт русской цивилизации, Институт общегуманитарных исследований, 2015. 896 с.
 21. Розанов В. В. Сахарна. М.: Республика, 1998. 462 с.
 22. Розанов В. В. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Уединённое. М.: Правда, 1990. 720 с.
 23. Русская философия как практическая наука / В. Ю. Бельский, В. П. Майкова, Э. М. Молчан, Д. А. Ильченко. М.: Спутник+, 2022. 180 с.
 24. Святитель Филарет, митрополит Московский. Меч духовный. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 720 с.

REFERENCES

1. Arhangel'skaya N. O., Orlova I. I. [Philosophical Categories as a Methodological Basis for Scientific Research]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, 25 noyabrya 2022 g.* [Philosophical and Methodological Problems of Studying Russian Society: Collected Papers of the VI International Scientific Conference, Moscow, November 25, 2022]. Moscow, Sam poligrafist Publ., 2022, pp. 16–27.
2. Bazhanov V. A. N. A. Vasil'ev i ego voobrazhaemaya logika. *Voskreshenie odnoj zabytoj idei* [N. A. Vasiliev and His Imaginary Logic. Resurrection of One Forgotten Idea]. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitaciya Publ., 2009. 240 p.
3. Berdyaev N. A. *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1990. 352 p.
4. Vasil'ev N. A. *Voobrazhaemaya logika* [Imaginary Logic]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 264 p.
5. Gorbunov A. S., Miroshkin M. S. [Methodological Problems of Scientific Research: On the Functions of Science]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 26 noyabrya 2021 g.* [Philosophical and Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collected Papers of the V International Scientific Conference, Moscow, November 26, 2021]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2022, pp. 106–116.
6. Zagrebina M. V., Burenkov S. V. [On the Primordial Elements of a Rational Categorical Way of Thinking]. In: *Filosofskie i metodologicheskie problemy issledovaniya rossijskogo obshchestva: sbornik trudov IV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, g. Moskva, 20 noyabrya 2020 g.* [Philosophical and

- Methodological Problems of the Study of Russian Society: Collected Papers of the IV International Scientific Conference, Moscow, November 20, 2020]. Moscow, Russian University of Transport Publ., 2020, pp. 140–146.
7. Zagrebin M. V., Burenkov S. V. [Reason as a Kind of Mind]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2020, no. 4, pp. 6–12.
 8. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russkoj filosofii. T. 1. Kn. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. 1. Bk 1]. Leningrad, EGO Publ., 1991. 222 p.
 9. Zen'kovskij V. V. *Istoriya russkoj filosofii. T. 2. Ch. 1* [History of Russian Philosophy. Vol. 2. Pt. 1]. Leningrad, EGO Publ., 1991. 256 p.
 10. Zen'kovskij V. V. *Sobranie sochinenij. T. 4* [Collected Works. Vol. 4]. Moscow, Russkij put Publ., 2011. 536 p.
 11. Ivlev V. Yu. *Ot logosa k logike v Rossii: epistemologicheskie problemy* [From Logos to Logic in Russia: Epistemological Problems]. Moscow, OVL Publ., 2010. 187 p.
 12. Kalitin P. V. [Appendix: Part I. Orthodox-secular Rationalism, or the Equation of the Russian Idea: Pleroma. Part II. Russian-Platonic School of Creators of the New: Themselves – Words – Russia]. In: *Mitropolit Platon (Levshin) i ego uchyono-monasheskaya shkola. K chesti duhovnogo china* [Metropolitan Plato (Levshin) and His Scholarly-monastic School. To the Honor of the Spiritual Rank]. Moscow, Institute of Russian Civilization, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2015, pp. 819–894.
 13. Kalitin P. V. *Urvnenie russkoj idei* [Equation of the Russian Idea]. Moscow, URSS Publ., 2006. 280 p.
 14. Kant I. *Kritik der Urteilskraft* (Rus. ed.: Levina M., transl. *Kritika sposobnosti suzheniya*). St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 512 p.).
 15. Kartashyov A. V. *Vselenskie sobory* [Ecumenical Councils]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 542 p.
 16. Kartashyov A. V. *Cerkov'. Istoriya. Rossiya. Stat'i i vystupleniya* [Church. History. Russia. Articles and Speeches]. Moscow, Probel Publ., 1996. 304 p.
 17. Kostadinovich D., Bondareva Ya. V. Generally Recognized Scientific Categories as a Theoretical and Methodological Basis for Scientific Research. Part II. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2023, no. 2, pp. 37–46.
 18. Majkova V. P., Zadremajlov O. I. [Value Differentiation and the Ideal of Man in Russian Philosophy]. In: *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Tver State University. Series: Philosophy], 2022, no. 4 (62), pp. 115–123.
 19. Mitio Mikosiba, Bondareva Ya. V. The Synthesis of Mysticism and Rationalism as a Paradox of Russian Religious Philosophy. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2020, no. 3, pp. 55–62.
 20. *Mitropolit Platon (Levshin) i ego uchyono-monasheskaya shkola. K chesti duhovnogo china* [Metropolitan Platon (Levshin) and His Scholarly-Monastic School. To the Honor of the Spiritual Rank]. Moscow, Institute of Russian Civilization, Institute of General Humanitarian Research Publ., 2015. 896 p.
 21. Rozanov V. V. *Sakharna* [Sakharna]. Moscow, Respublika Publ., 1998. 462 p.
 22. Rozanov V. V. *Sochineniya. T. 2. Uedinyonnoe* [Works. Vol. 2. Secluded]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 720 p.
 23. Bel'sky V. Yu., Majkova V. P., Molchan E. M., Il'chenko D. A. *Russkaya filosofiya kak prakticheskaya nauka* [Russian Philosophy as a Practical Science]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2022. 180 p.
 24. St. Philaret, metr. *Mech duhovnyj* [The Spiritual Sword]. Moscow, Institute of Russian Civilization Publ., 2010. 720 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ивлев Виталий Юрьевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана; профессор кафедры философии Финансового университета при Правительстве РФ;
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Калитин Пётр Вячеславович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vitaly Yu. Ivlev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Prof., Department of Philosophy, Financial University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: vitalijivlev@yandex.ru

Piotr V. Kalitin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University;
e-mail: petr.kalitin@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ивлев В. Ю., Калитин П. В. О не-классическом рационально-логическом кенозисе русского менталитета // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 43–51.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-43-51

FOR CITATION

Ivlev V. Yu., Kalitin P. V. On Non-Classical Rational-Logical Kenosis Russian Mentality. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 43–51.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-43-51

УДК 321.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-52-62

КОНСТРУКТИВНАЯ ПРИРОДА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ В НАУКЕ И ЕГО МЕТОДЫ

Лебедев С. А., Савин С. С.

Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет)
105005, г. Москва, ул. 2-я Бауманская д. 5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Описать теоретический уровень научного познания, его предмет и методы.

Процедура и методы. Раскрывается качественное отличие онтологии теоретического уровня научного познания от эмпирического уровня познания. В то время как значениями понятий и высказываний эмпирического уровня научного знания являются чувственные модели реальных объектов и их свойства, значениями понятий и высказываниями теоретического уровня знания являются идеальные, чисто мысленные объекты, их свойства и отношения.

Результаты. Показано, что онтологическая специфика теоретического уровня научного познания обусловила его методологические особенности. Рассмотрены основные методы конструирования мышлением теоретической реальности науки и её доказательного описания в научных теориях.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обоснована относительная самостоятельность теоретической реальности и методов её конструирования не только от чувственной реальности, но и от эмпирической реальности науки.

Ключевые слова: онтология, теоретическая реальность, теоретические методы, теоретический объект, теоретическое знание

THE CONSTRUCTIVE NATURE OF THEORETICAL KNOWLEDGE IN SCIENCE AND ITS METHODS

S. Lebedev, S. Savin

Bauman Moscow State Technical University (National Research University)
ul. 2-ya Baumanskaya 5 bld. 1, Moscow 105005, Russian Federation

Abstract

Aim. To describe the theoretical level of scientific knowledge, its subject and methods.

Methodology. The qualitative difference between the ontology of the theoretical level of scientific knowledge and the empirical level of knowledge is revealed. Whereas the meanings of concepts and statements of the empirical level of scientific knowledge are sensory models of real objects and their properties, the meanings of concepts and statements of the theoretical level of knowledge are ideal, purely mental objects, their properties and relationships.

Results. It is shown that the ontological specificity of the theoretical level of scientific knowledge has determined its methodological features. The main methods of constructing the theoretical reality of science by thinking and its evidence-based description in scientific theories are considered.

Research implications. The relative independence of theoretical reality and methods of its construction is justified not only from sensory reality, but also from the empirical reality of science.

Keywords: ontology, theoretical reality, theoretical methods, theoretical object, theoretical knowledge

Введение

Теоретическое познание в науке представляет собой процесс, в ходе которого учёные строят теоретическую реальность и описывают её с помощью научных теорий [7; 9]. Оно начинается с конструирования определённого множества идеальных объектов, являющихся непосредственным предметом теории. Например, в физике это могут быть такие объекты, как абсолютно чёрное тело или материальная точка. Затем учёные описывают свойства идеальных объектов и отношения между ними и осуществляют их доказательное описание в рамках некоторой теории. Должны быть проверены её соответствие критериям научности теории и эффективность в решении теоретических или практических проблем¹.

Методы конструирования теоретической реальности

Онтология научной теории имеет свои особенности по сравнению с онтологией других уровней научного знания. Содержание теоретической реальности образует идеальные объекты, которые существуют исключительно в сфере мышления [8]. Например, в геометрии это такие идеальные объекты, как геометрическая точка или линия, которые не являются эмпирическими объектами.

Для конструирования теоретических объектов применяются различные методы. В любой научной теории существует два рода идеальных объектов: исходные и производные. Исходные идеальные объекты являются базовыми элементами теории и служат основой для создания из них производных идеальных объектов. Например, в евклидовой геометрии существует всего два её исходных идеальных объекта: точка и прямая линия. В процессе расширения теоретической реальности учёные конструируют её производные объекты. Это могут быть различные логические комби-

нации её исходных объектов. Например, в евклидовой геометрии такими производными идеальными объектами являются плоскость, окружность, разные геометрические фигуры и др.

Существует три основных метода конструирования учёными теоретической реальности: 1) путём идеализации эмпирических объектов и их свойств, 2) путём чисто мысленного конструирования идеальных объектов теоретической реальности без предварительной опоры на эмпирическое знание (введение «по определению»), 3) неявное введение идеальных объектов через использование их имён в аксиомах формализованных теорий².

Конструирование теоретических объектов путём идеализации эмпирических объектов

Этот метод основан на идее постепенного уменьшения или увеличения численных значений наблюдаемых свойств эмпирических объектов до логически предельных значений: 0 или 1. Объекты с предельными значениями их эмпирических свойств являются уже ненаблюдаемыми, но при этом логически возможными. Пример: в геометрии Евклида геометрическая точка считается идеальным объектом, который не имеет размеров, но который может быть представлен как предельный случай уменьшения размеров любого материального объекта до нуля. При конструировании объектов теоретической реальности путём идеализации мышление неявно опирается на допущение, что любые свойства эмпирических объектов всегда могут быть логически доведены до предельных значений. Поэтому в мышлении мы имеем право рассматривать геометрическую точку как логически законный объект, хотя в материальной действительности такие объекты не существуют, ибо там любой объект всегда имеет некоторую пространственную протяжённость (Декарт). Другим примером использования метода

¹ См: [1]; Философия науки. Общий курс: учебное пособие / под ред. С. А. Лебедева. М.: Академический проект. 2004. 736 с.

² Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Юрайт, 2011. 288 с.

идеализации в математике является утверждение о существовании бесконечного числа натуральных чисел, благодаря возможности неограниченного применения операции добавления единицы к любому последнему числу. Хотя очевидно, что объективно не только все математики, но и все человечество ограничено во времени своего существования и затратах энергии.

Введение идеальных объектов теории «по определению»

Это способ введения в теоретическую реальность её идеальных объектов без предварительной опоры на эмпирическую реальность. Например, натуральные числа были сконструированы в арифметике как идеальные объекты, обозначающие количество элементов любой реальности независимо от её эмпирического содержания. Применение же метода введения идеальных объектов «по определению» в теориях может быть оправданным только тогда, если это помогает выводить предсказания и следствия, которые будут соответствовать опытным данным. Например, в теории струн и бран в физике элементарных частиц такой метод используется для введения новых гипотетических объектов с целью объяснения фундаментальных физических явлений. Например, понятие струны в теории суперструн и понятие браны как идеальных объектов физики представляют собой плодотворные концепции, расширяющие наши представления о пространстве и времени в физике. В отличие от струн браны могут иметь больше одного измерения и представляют собой n -размерные объекты. Например, браны могут быть двухмерными, как известный геометрический объект тор, или иметь другие формы, такие как пустой цилиндр или конус. Эта концепция позволяет рассматривать пространственную ткань как развёрнутую или свёрнутую в различных формах, что отличается от классического эвклидова представления о характере пространства.

Ещё одним примером введения идеальных объектов «по определению» является мнимое время в квантовой механике и квантовой теории гравитации. В них к известному четырёхмерному континууму добавляется ещё одно измерение – мнимое время. Мнимое время отличается от действительного времени тем, что оно «течёт» перпендикулярно по отношению к реальному времени и может иметь как положительные, так и отрицательные значения. Этот подход позволяет использовать для описания физической теоретической реальности не только действительное время, как это принято в классической физике, но и мнимое время, которое измеряется мнимыми числами [8].

Неявное введение идеальных объектов с помощью системы аксиом

Этот метод используется при построении формализованных научных теорий. Например, в математике натуральные числа могут быть определены с помощью системы аксиом Пеано, которая устанавливает базовые свойства натуральных чисел, такие как существование нуля, принцип индукции и т. д. Метод неявного введения исходных идеальных объектов через систему аксиом используется при построении формализованных моделей математических теорий. Впервые он был использован Н. И. Лобачевским при создании своей гиперболической неевклидовой геометрии. Лобачевский даже назвал свою геометрию «воображаемой», т. к. такие понятия геометрии, как «прямая» или «параллельная линия», имели в его геометрии совсем другой смысл, чем в геометрии Евклида. Позднее этот метод был использован Б. Риманом при построении эллиптической неевклидовой геометрии, где все плоскости имеют в отличие от геометрии Лобачевского не отрицательную, а положительную кривизну. Затем Риман использовал этот же метод и при построении общей римановой геометрии, где значение кривизны плоско-

стей и линий является уже не постоянной, а переменной величиной¹.

Одним из ярких примеров неявного введения идеальных объектов теории является формальное построение Д. Гильбертом в конце XIX в. евклидовой геометрии. Гильберт использовал формальный подход, где неявное определение содержания точки, прямой и плоскости осуществлялось с помощью использования этих понятий в аксиомах формальной системы геометрии. Благодаря формализации евклидовой геометрии Гильберту удалось доказать, что геометрия Евклида была лишь частично логически доказательной теорией, т. к. система её аксиом была явно неполной. Чтобы быть логически доказательной теорией, геометрия Евклида с её пятью аксиомами должна была быть дополнена ещё пятнадцатью независимыми друг от друга геометрическими аксиомами.

Неявное введение Гильбертом основных объектов геометрии имело тот плюс, что позволяло ввести более широкий диапазон интерпретаций точки, прямой и плоскости, чем тот, который эти понятия имели ранее. Гильберт показал, что роль точки, прямой и плоскости могут выполнять и другие объекты, удовлетворяющие требованиям аксиом. Например, точкой может быть «шар определённого радиуса», а прямой – «цилиндр того же радиуса и любой длины». Подобные интерпретации точек, прямых и плоскостей демонстрируют гибкость этого метода в создании математических теорий с предельно высоким уровнем абстрактности².

При аксиоматическом методе построения научной теории всегда имеет место иерархия её понятий, когда понятия производных объектов определяются с помощью понятий исходных объектов как более простых видов идеальных объектов. Например, в геометрии треугольник может быть рассмотрен как родовое понятие,

а «равнобедренный треугольник» – как его производное, более сложное понятие. Это означает, что основные понятия теории как имена исходных объектов служат основой для построения более сложных понятий и концепций. Одной из важных характеристик аксиоматического метода является также то, что он влияет на выбор исходных объектов и набор логических аксиом, на основе которых строится доказательная теория. Все объекты, которые можно построить в рамках этой теории, должны быть редуцированы к её исходным объектам. Это позволяет сформировать строгую и логически согласованную систему знаний, где все её утверждения могут быть доказаны в рамках данной теории. Кроме того, метод редукции позволяет постепенно развивать теорию, добавляя новые понятия или уточняя существующие, при этом сохраняя её логическую целостность. Это важно для того, чтобы теория могла адекватно описывать наблюдаемые явления и предсказывать новые. Этой же цели служит и метод итерации.

Метод итерации – это способ построения производных объектов научной теории из её исходных элементов путём последовательного применения некоторой простой операции. В основном этот метод применяется в математике и логике. Например, с его помощью можно породить все натуральные числа, начиная с единицы и последовательно прибавляя к предыдущему числу ещё единицу.

В арифметике натуральных чисел исходным объектом является число 1 или 0 по соглашению. Далее, каждое следующее число в натуральном ряду чисел создаётся путём прибавления единицы к предыдущему числу. Таким образом, путём итерации порождается весь натуральный ряд чисел, представляющий собой последовательность натуральных чисел, увеличивающихся на единицу. Важно отметить, что потенциально эта последовательность бесконечна, хотя в реальности она всегда конечна. Количество натуральных чисел в принципе не имеет верхней границы, что означает, что не существует самого боль-

¹ Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие. М.: Юрайт, 2011. 288 с.

² Лебедев С. А., Рубочкин В. А. История и философия науки: учебно-методическое пособие. М.: Московский университет, 2010. 196 с.

шого натурального числа. Подобным же образом метод итерации используется для создания других производных объектов в математике, таких как рациональные и действительные числа. Для этого используются различные операции и алгоритмы, но общая идея остаётся та же – последовательное применение некоторой простой операции к исходным объектам для порождения всех возможных объектов теории.

Сравнение методов редукции и итерации позволяет утверждать, что метод итерации является более жёстким, чем метод редукции при сведении производных объектов и понятий теории к её исходным объектам и понятиям. Но оба метода сходны в том, что не допускают использования в производных объектах и понятиях теории такого содержания, которого нет в исходных объектах и понятиях. Именно поэтому все теории, построенные с помощью данных методов, имеют строго аналитический характер, а обоснование их истинности не требует выхода за пределы самих теорий. Они, так сказать, самодостаточны именно благодаря рассмотренным выше методам своего построения. И понятно, что такими теориями являются в основном математические и логические теории. Совсем другое дело – естественные и социально-гуманитарные теории, которые призваны быть моделями определённых аспектов материальной реальности и потому не могут быть чисто аналитическими и замкнутыми по отношению к миру «вещей в себе» (Кант).

Методы построения научных теорий

Генетически-конструктивный метод. Данный метод представляет собой особый способ построения производных идеальных объектов научных теорий в конкретных науках и отличается от методов редукции и итерации математических теорий своим синтетическим характером. В отличие от метода редукции, где производные объекты формируются путём их логической комбинации из более простых исходных объектов теории, и метода ите-

рации, когда производные объекты теории порождаются путём повторения некоторой простой операции, генетически-конструктивный метод включает добавление нового содержания к исходным объектам при построении производных объектов конкретно-научных теорий. Важным аспектом этого метода является то, что новое содержание должно быть относительно небольшим, чтобы его добавление к исходным объектам можно было полностью контролировать мышлением. Примеры использования генетически-конструктивного метода можно найти в различных областях естественных и социально-гуманитарных наук. Например, в классической механике это понятие идеального маятника, в молекулярно-кинетической теории – понятие идеального газа, а в классической политической экономии – это понятие эквивалентного обмена товаров [7].

Генетически-конструктивный метод позволяет представить содержание не просто сложных, но и развивающихся систем, добавляя новые аспекты к исходным объектам, контролируя мышлением этот процесс. Конечно, всегда существует риск, связанный с творческой природой мышления, а поэтому при построении теории важную роль играет доверие учёных к интеллектуальной интуиции как средству контроля добавляемого содержания.

Генетически-конструктивный метод является основным методом построения теорий в естественных и социально-гуманитарных науках. Это объясняется тем, что естественные и социальные науки ориентированы на описание объектов с достаточно богатым содержанием, создание которого требует постоянного контроля за добавлением мышлением нового содержания к содержанию предшествующих им идеальных объектов [11].

Дедуктивно-аксиоматический метод. Дедуктивно-аксиоматический метод является основным методом построения различных теорий в классической математике и логике. Основным смыслом этого метода заключается в установлении логической связи между некоторыми высказы-

ваниями теории, принятыми за исходные (аксиомы), и всеми остальными высказываниями теории путём вывода последних из первых. Это отношение формально-логической выводимости, или дедукция, позволяет строить теории, где все истинные высказывания связаны логическим замыканием друг на друга [7].

Одним из ключевых преимуществ дедуктивно-аксиоматического метода является возможность логической редукции всего содержания теории к содержанию её аксиом. Это позволяет минимизировать решение проблемы истинности теории, сосредоточив внимание на доказательстве истинности лишь небольшого количества утверждений – её аксиом.

Важно отметить, что понятия «дедуктивный метод» и «дедуктивно-аксиоматический метод» не являются синонимами. Хотя всякий дедуктивно-аксиоматический метод является дедуктивным, не каждый дедуктивный метод является аксиоматическим. Это связано с тем, что не обязательно все посылки дедуктивного вывода должны быть аксиомами или исходными положениями теории.

В построении теории дедуктивно-аксиоматическим методом ключевым вопросом является обоснование истинности аксиом. Это важный этап, т. к. от его результата зависит вся ценность метода. История научного познания показывает, что истинность аксиом может быть обоснована несколькими способами: выводом их из другой теории, апелляцией к интуитивной очевидности их содержания, их экспериментальным подтверждением, или условным принятием на основе научной конвенции или научного консенсуса.

Каждый из этих способов обоснования имеет свои достоинства и недостатки. Например, при выводе аксиом теории как теорем из другой теории истинность аксиом первой теории становится только относительной, т. к. зависит от истинности второй теории.

Дедуктивно-аксиоматический метод, применяемый в построении научных теорий, позволяет менять местами аксиомы и

теоремы, но сохраняя при этом логическое замыкание всех истинных высказываний теории. Часто при выборе аксиом отдают предпочтение содержательно более простым утверждениям, чтобы логически вывести из них высказывания с более сложным содержанием.

В отличие от математики в логике критерием истинности аксиом является их правильная логическая форма, обеспечивающая их логическую истинность независимо от содержания элементарных высказываний. Однако в естественных и социально-гуманитарных науках проблема истинности аксиом их теорий не может быть решена таким образом, ибо они являются не аналитическими, а синтетическими высказываниями. Поэтому часто их истинность принимается условно, на основе конвенции, с последующей демонстрацией логического развёртывания из них всего содержания теории, а также её успешного применения на практике [5].

Мысленный эксперимент. Мысленный эксперимент – это мощный инструмент, используемый в науке для исследования законов природы и проверки гипотез. Этот метод позволяет учёным проводить воображаемые сценарии, изменяя условия и параметры системы, чтобы понять, как будут вести себя законы природы в различных ситуациях. Главная цель мысленного эксперимента заключается в условном доказательстве основных положений теории [3; 4].

Мысленные эксперименты, как правило, начинаются со следующих слов: «допустим, что...» или «предположим, что...», или «что будет, если...». Они помогают учёным представить состояние системы в соответствии с предполагаемыми законами без проведения реальных экспериментов, что экономит ресурсы и время. Первым учёным, который систематически использовал мысленные эксперименты, был Галилей, открывший с его помощью закон свободного падения тел.

Другой классический пример мысленного эксперимента связан с установлением закона инерции. Представим тело, находя-

щееся в покое и не подверженное никаким внешним силам. Очевидно, что в таком случае тело останется в покое. Затем рассмотрим тело, движущееся с постоянной скоростью и не подверженное внешним воздействиям. Очевидно, что оно будет двигаться равномерно и прямолинейно. Объединив эти рассуждения, мы получим закон инерции.

Однако несмотря на мощь мысленного эксперимента, его доказательная сила ограничена. Во-первых, любой мысленный эксперимент является условным и важно всегда указывать на условия, при которых он применим. Например, закон свободного падения действует только в условиях земной атмосферы и на определённой широте. Во-вторых, мысленный эксперимент всегда остаётся неопределённым и может содержать неявное знание, что делает его выводы необходимыми, но не всегда окончательными.

Тем не менее, мысленный эксперимент играет важную роль в науке, позволяя выявить взаимосвязи между идеальными объектами теорий и формулировать математические законы, описывающие исследуемые явления.

Метод математической гипотезы. Метод математической гипотезы играет важную роль в формировании и обосновании научных теорий. Основным элементом любой научной теории являются её законы, которые представляют собой математические зависимости между различными величинами. Эти законы выражаются в виде уравнений, описывающих количественные взаимосвязи между объектами и свойствами изучаемых систем [3].

Одним из первых учёных, активно применявших метод математической гипотезы, был Галилей. Его законы движения показали, что ускорение свободного падения не зависит от массы падающего тела и определяется только гравитационным полем Земли. Этот пример демонстрирует, каким образом мысленный эксперимент и математический анализ позволяют сформулировать законы на основе наблюдений и логических рассуждений.

Ещё одним примером использования метода математической гипотезы является установление закона инерции, сформулированного Ньютоном. Путём рассмотрения различных сценариев движения тела и анализа их последствий Ньютон пришёл к выводу, что тело сохраняет своё состояние движения или покоя, если на него не действуют внешние силы. Этот принцип, выраженный в виде математического уравнения, стал основой для формулирования законов Ньютона и классической механики.

Метод математической гипотезы помогает установить количественные связи между переменными величинами, описывающими изучаемые объекты. Использование математического языка позволяет создать точные модели и предсказания, что является ключевым аспектом научного познания. Тем не менее, такие модели требуют подтверждения на опыте, а успешное её прохождение укрепляет доверие учёных к их истинности.

Таким образом, метод математической гипотезы играет важную роль в разработке научных теорий, особенно в физике. Он позволяет установить математические законы, описывающие поведение изучаемых объектов, и предсказывать результаты экспериментов.

Метод симметрий. Метод симметрий играет ключевую роль в физических теориях как способ обеспечения объективности и инвариантности теоретических законов при переходе между различными системами отсчёта. Этот метод основан на подборе математических преобразований, которые сохраняют формулы и константы уравнений теории в разных системах отсчёта.

Исторически развитие метода симметрий было неразрывно связано с появлением научных теорий, которые вводили идеальные объекты и требовали способов обоснования их объективности. Проблема объективности теоретического знания возникала из-за его отличия от эмпирического знания и требовала особых методов доказательства. Ключевым требованием к объективности теоретических законов

стал принцип их инвариантности относительно различных преобразований. Этот принцип получил название «принципа относительности», хотя более точным было бы называть его «принципом симметричности» или «принципом объективности». Он утверждает, что теоретический закон считается объективным, если он остаётся неизменным при определённых преобразованиях. Важно отметить, что симметричность законов достигается только благодаря определённым математическим преобразованиям. Без указания этих преобразований говорить о симметричности законов бессмысленно. Поэтому метод симметрий включает в себя математический аппарат, который позволяет обосновывать инвариантность законов относительно различных систем отсчёта.

Таким образом, метод симметрий является неотъемлемой частью физических теорий и играет важную роль в обеспечении объективности и инвариантности теоретических законов. Он демонстрирует, как математический аппарат позволяет поддерживать согласованность и достоверность научных теорий в различных системах отсчёта [6].

Исторически метод симметрий стал особенно актуальным в контексте появления теории относительности, разработанной Альбертом Эйнштейном. Эта теория, сначала частная (специальная), а затем общая, внесла существенные изменения в представлении о пространстве, времени и массе. Эйнштейн ввёл новый теоретический конструкт – пространство-время, которое описывает четырёхмерную реальность и служит основой для понимания относительности пространства и времени. Он также отверг некоторые понятия классической механики, такие как «абсолютное пространство», «абсолютное время», «эфир».

Философское обоснование Эйнштейном этого поистине революционного этапа в развитии физики заключалось в его стремлении к достижению единства физического знания и обоснованию объективности большинства физических законов. Математической основой метода симметрий является алгебраическая теория

групп, которая описывает различные виды преобразований и обладает свойством инвариантности при последовательном их применении. По сути, любая симметрия теоретического объекта определяется его тождеством с самим собой, хотя реальный мир может быть ассиметричным.

Таким образом, использование метода симметрий позволяет строить логически доказательные, внутренне совершенные и целостные физические теории, хотя они никогда не будут полностью тождественны объективной или эмпирической реальности. Сравнение теоретической реальности с эмпирической и объективной реальностью всегда показывает не только то, насколько объективно содержание научной теории, но также и то, насколько несовершенны в плане своей определённости и точности эмпирическая и объективная реальность¹.

Метод рациональной реконструкции.

Метод рациональной реконструкции играет важную роль в построении теорий о сложных системах, таких как природные, социальные, духовные и др. Он позволяет исследователю систематизировать свойства и отношения этих систем, выделяя основные и производные аспекты, а также устанавливать взаимосвязи между ними. Основываясь на этом методе, исследователи строят различные социологические, экономические, исторические и другие теории.

Однако из-за огромной сложности социальных систем ни одна из теорий, построенных методом рациональной реконструкции, не является универсальной. Социальная реальность слишком многообразна и непредсказуема, чтобы её можно было описать исключительно рационально и закономерно. Во всех теориях о сложных системах неизбежен плюрализм, а их адекватность часто оценивается только по соответствию некоторых их предсказаний объективной реальности.

Помимо этого, метод рациональной реконструкции не регламентируется жёст-

¹ Лебедев С. А. Философия науки: учебное пособие для аспирантов. М.: Проспект. 2022. 176 с.

кими правилами, а потому предоставляет исследователю значительную свободу в построении теорий. Именно поэтому существует постоянная полемика между различными подходами в видении любых сложных систем, будь то природа, общество, техносфера, экологическая сфера, культура, цивилизация или даже сама наука, например, дискуссия между представителями интернализма и экстернализма в понимании закономерностей развития науки, или между сторонниками приоритета материальных или идеальных факторов в социальной динамике [10].

Диалектический

метод.

Диалектический метод построения теорий был впервые разработан и применён Гегелем при создании теории развивающегося мышления, которую Гегель назвал «диалектической логикой». Этот метод основан на принятии следующих онтологических постулатов, которые определяют его сущность:

1. Основу процесса развития любой системы составляют присущие ей противоречия. Развитие любых объектов и систем возможно только на основе их разрешения, что и составляет сущность развития.

2. Принцип взаимосвязи количественных и качественных изменений. Развитие включает в себя как количественные, так и качественные изменения, причём качественные изменения всегда являются результатом предшествующих количественных изменений.

3. Теоретическая реконструкция развития любой системы должна включать описание закономерной смены эволюционных изменений системы периодами её революционных изменений.

4. Зависимость характера развития системы от её реакции на внешние условия. Последние являются хотя и не главными, но важными факторами развития любой системы.

5. Рациональная реконструкция развития любой системы должна учитывать характер взаимосвязи её противоположных сторон и свойств, таких как необходи-

мость и случайность, возможность и действительность и др.

Диалектический метод является достаточно эффективным инструментом при построении теорий развивающихся объектов и систем. Он успешно применялся и применяется в различных областях науки при описании развития их содержания: в биологии, геологии, технических науках, социальных науках. Примерами его успешного использования являются разработка теории ноосферы, математическая теория катастроф, общая теория систем, синергетика, глобалистика, биология, геология и космология [2].

Заключение

1. В структуре современного научного знания необходимо чётко различать два качественно различных по онтологии и методологии уровня знания: эмпирический и теоретический. Оба этих уровня знания являются рациональным знанием. Но если значениями понятий и высказываний эмпирического уровня научного знания являются чувственные модели реальных объектов и их свойства, то значениями понятий и высказываниями теоретического уровня являются чисто мысленные, идеальные объекты, их свойства, отношения и законы.

2. Онтологическое различие эмпирического и теоретического уровней научного познания обусловило их методологическую специфику.

3. Основными методами конструирования теоретической реальности и её доказательного описания являются следующие: идеализация, неявное введение исходных теоретических объектов, конструктивное введение производных объектов теории на основе её исходных объектов, генетически-конструктивный метод, дедуктивно-аксиоматический метод, мысленный эксперимент, метод математической гипотезы, метод симметрий, метод рациональной реконструкции, диалектический метод.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарев С. А., Лебедев С. А. Философская рефлексия: сущность, типы, формы // Вопросы философии. 2016. № 6. С. 15–28.
2. Лебедев С. А. Методологическая культура учёного: в 2 т. Т. 2. М.: Проспект, 2021. 216 с.
3. Лебедев С. А. Научная деятельность: основные понятия. М.: Проспект, 2021. 136 с.
4. Лебедев С. А. Научная истина: консенсуально-экспертный характер [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2019. № 3 (77). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/601.html> (дата обращения: 02.06.2024).
5. Лебедев С. А. Проблема истинности научной теории [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2018. № 4 (66). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/514.html> (дата обращения: 02.06.2024).
6. Лебедев С. А. Современная философия науки. М.: Проспект, 2023. 312 с.
7. Лебедев С. А. Теория как особая единица научного знания: онтология и методы [Электронный ресурс] // Гуманитарный вестник. 2023. № 2 (100). URL: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/829.html> (дата обращения: 02.06.2024).
8. Лебедев С. А. Философия и методология науки. М.: Академический проект, 2021. 626 с.
9. Лебедев С. А. Философия науки: позитивно-диалектическая концепция. М.: Проспект, 2021. 448 с.
10. Лебедев С. А. Философия. Методология. Наука. Избранные статьи. М.: Проспект, 2023. 720 с.
11. Степин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.

REFERENCES

1. Lazarev S. A., Lebedev S. A. [Philosophical reflection: essence, types, forms]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no. 6, pp. 15–28.
2. Lebedev S. A. *Metodologicheskaya kul'tura uchyonogo. T. 2* [Methodological culture of a scientist. Vol. 2]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 216 p.
3. Lebedev S. A. *Nauchnaya deyatel'nost': osnovnye ponyatiya* [Scientific activity: basic concepts]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 136 p.
4. Lebedev S. A. [Scientific truth: consensual-expert character]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2019, no. 3 (77). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/601.html> (accessed: 02.06.2024).
5. Lebedev S. A. [The Problem of the Truth of Scientific Theory]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2018, no. 4 (66). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/514.html> (accessed: 02.06.2024).
6. Lebedev S. A. *Sovremennaya filosofiya nauki* [Modern Philosophy of Science]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 312 p.
7. Lebedev S. A. [Theory as a Special Unit of Scientific Knowledge: Ontology and Methods]. In: *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2023, no. 2 (100). Available at: <https://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/phil/829.html> (accessed: 02.06.2024).
8. Lebedev S. A. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow, Akademicheskij projekt Publ., 2021. 626 p.
9. Lebedev S. A. *Filosofiya nauki: pozitivno-dialekticheskaya koncepciya* [Philosophy of Science: Positive-Dialectical Concept]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 448 p.
10. Lebedev S. A. *Filosofiya. Metodologiya. Nauka. Izbrannye stat'i* [Philosophy. Methodology. Science. Selected Articles]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 720 p.
11. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow, Progress-Tradiciya Publ., 2000. 744 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лебедев Сергей Александрович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: saleb@rambler.ru

Савин Сергей Сергеевич – магистр факультета энергомашиностроение Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана;
e-mail: bellaccqua@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Lebedev – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Prof., Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University
e-mail: saleb@rambler.ru

Sergey S. Savin – Master's Degree Student, Faculty of Power Engineering, Bauman Moscow State Technical University
e-mail: bellaccqua@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лебедев С. А., Савин С. С. Конструктивная природа теоретического познания в науке и его методы // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 52–62.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-52-62

FOR CITATION

Lebedev S. A., Savin S. S. Constructive Nature of Theoretical Knowledge in Science and Its Methods. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 52–62.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-52-62

УДК 165

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-63-69

О РОЛИ НЕЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ

Ненашева М. В.*Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова**163000, Архангельская обл., г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обсуждение проблемы включения неэпистемологических ценностей в научное познание.**Процедура и методы.** В работе применяется системный подход с использованием методов контекстного и сравнительного анализа.**Результаты.** На протяжении многих веков в науке господствовала позиция, согласно которой неэпистемологические ценности не должны влиять на оценку и принятие научных результатов. В конце XX в. эта идея была подвергнута критике. Согласно новым подходам, неэпистемологические ценности играют важную роль в научном познании, включая оценку и принятие научных результатов. В статье данный тезис обосновывается через обращение к природе ценностей и социогуманитарного знания. Делается вывод о том, что границы между эпистемологическими и неэпистемологическими ценностями размыты.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Результаты исследования могут быть использованы для совершенствования методологических подходов к научному познанию и оценке научных результатов.**Ключевые слова:** знание, идеалы, наука, нормы, правила, ценности, этика

ON THE ROLE OF NON-EPISTEMIC VALUES IN THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE

M. Nenasheva*Northern Arctic Federal University**nab. Severnoi Dviny. 17, Arkhangelsk 163000, Arkhangelsk Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of this article is to discuss the problem of inclusion of non-epistemological values into scientific knowledge.**Methodology.** This research uses a systematic approach based on contextual and comparative analysis methods.**Results.** Science has been dominated by the position that non-epistemological values should not influence the evaluation and acceptance of scientific results for many centuries. At the end of the 20th century this idea was criticized. According to new approaches, non-epistemological values play an important role in scientific cognition, including the evaluation and acceptance of scientific results. In the article this thesis is substantiated through an appeal to the nature of values and socio-humanitarian knowledge. It is concluded that the boundaries between epistemological and non-epistemological values are blurred.**Research implications.** The results of this research can be used to improve methodological approaches to scientific cognition and evaluation of scientific results.**Keywords:** knowledge, ideals, science, norms, rules, values, ethics

Введение

Классические представления о науке и научной деятельности начали формироваться в эпоху Нового времени. Главной целью науки признавалась истина, а её критериями – доказательность, непротиворечивость, проверяемость и воспроизводимость эмпирического материала, системность и способность к развитию. Наука утверждала ценность самого рационального познания и рационального отношения к миру. Благодаря этому она и сегодня является наиболее надёжным, а потому главным инструментом познания и способом формирования картины мира.

Требования рациональности обусловили нормативность науки. Научное сообщество предъявляет серьёзные требования к этике научных исследований и самим учёным. Большинство учёных исходят из того, что объективность научного знания должна основываться на соблюдении правил и процедур научного исследования.

Нормативность науки определяется не только требованиями рациональности, но и институциональной средой, которая включает учёных, академические учреждения, профессиональные ассоциации, научные журналы. Науке сегодня отводится особая роль в решении вопросов государственной политики, образования, культуры и других сфер жизни общества. Социальные институты, в свою очередь, влияют на выбор того, какие темы исследовать и финансировать, где публиковать или не публиковать научные результаты и т. п.

На протяжении XIX и XX вв. господствовала идея, согласно которой научные исследования и научные результаты должны быть свободны от влияния ценностей (англ. *value-free science*). Одним из главных аргументов в поддержку свободы науки от ценностей является защита её объективности. Согласно Х. Дуглас, для достижения этой цели учёные должны использовать только рациональное обоснование при оценке и принятии результатов научных исследований [13].

В 1977 г. Т. Кун выделил пять критериев для определения адекватности на-

учного знания: точность, непротиворечивость, область приложения, простота и плодотворность [6]. Эти характеристики являются примерами широко признанных эпистемологических ценностей, на которые ориентируются учёные в научной деятельности для достижения истинного знания. В то же время Кун считал, что эпистемологические ценности не являются достаточным основанием для выбора той или иной научной теории, на которое могут влиять как субъективные, так и объективные факторы. Когда учёный выбирает ту или иную теорию, он не утверждает, что она истинна. Чаще всего речь идёт о «хорошо поддерживаемой», «рационально приемлемой» и т. п. теории. Это означает, что учёный рассматривает её как наиболее плодотворную исследовательскую программу для своего исследования.

То же самое касается выбора темы для исследования. Ещё в 1904 г. М. Вебер отметил, что человеческая культура и поведение настолько сложны, что учёный должен иметь представление о том, что является существенным в этой сложности, чтобы выбрать её как достойную для изучения [2]. Многие мыслители второй половины XX в. согласились с Вебером, отметив, что проблема принятия решения о том, какими исследовательскими вопросами заниматься, является одинаковой для представителей различных областей научного знания.

Занимаясь наукой, учёные выбирают научную проблему, методологию исследования, способы интерпретации и оценки полученных результатов, которые основаны в том числе на личных предпочтениях учёного. А сами научные теории не отделены от процессов, в ходе которых они генерируются, тестируются, оцениваются, воспроизводятся, трансформируются, связываются с другими теориями и применяются на практике. В этой связи К. Поппер отверг номотетический идеал науки, который логические позитивисты переняли из XIX в. Для него проверка теорий является центральным элементом научного метода, и она может работать только путём фальсификации. При этом каждое испытание

теории независимо от того, приводит ли оно к её подтверждению или фальсификации, должно останавливаться на определённом утверждении, которое учёные решают принять. «Базисные утверждения принимаются нами в результате решения или соглашения, и в этом отношении они конвенциональны», – пишет Поппер. «Такого рода решения принимаются в соответствии с некоторой процедурой, регулируемой соответствующими правилами» [11, с. 141]. Поппер говорит об этих правилах как о фундаментальных принципах, которые направлены на открытие объективной истины, хотя и они не лишены субъективной предвзятости.

Таким образом, ценности существуют прежде всего в форме их практической реализации. Наука – это не только набор инструкций для применения, но и социальная практика, поэтому она не может быть свободна от ценностей [4; 10].

С. Лебедев выделяет два вида ценностных регуляторов: внешние и внутренние. Внешние – это совокупность господствующих в обществе представлений о целях и предназначении науки как социальной деятельности и социальном институте. Эти представления формируются той культурой, частью которой наука является. В результате формируется определённый культурно-исторический тип науки, например, античная наука, средневековая наука, классическая новоевропейская наука, неклассическая наука, современная постнеклассическая наука, внутри которых, в свою очередь, складываются идеалы и нормы научного познания [8]. С переходом от одного культурно-исторического типа науки к другому меняются как внешние, так и внутренние ценности науки, а также критерии научной рациональности, связанные с требованиями истинности и объективности научного знания [12].

Сегодня дискуссии о месте и роли ценностей в научном познании развёртываются в двух направлениях. Одни исследователи стремятся сохранять этическую нейтральность и тем самым защищать классические идеалы науки [10], другие пытаются нахо-

дить новые способы выстраивания менее идеализированной, но сохраняющей статус нормативной деятельности [7]. В этой связи в статье предлагается обсудить вопрос, могут ли неэпистемологические ценности быть включены в научное познание? Для этого в первой части исследования будет рассмотрена природа ценностей. Далее на примере социогуманитарного знания будут приведены аргументы в защиту того, что наука не может быть свободной от неэпистемологических ценностей.

Природа ценностей

В философский лексикон понятие ценности вводится впервые в 1960-х гг. В первом десятилетии XX в. появляется самостоятельная теоретическая дисциплина – аксиология.

Ценность – это отношение между представлением субъекта, каким должен быть объект представления, и самим объектом. При таком понимании в ценностях, в отличие от истины, где мысль должна соответствовать объекту, приоритетным является соответствие объекта мысли. Например, когда мы рассматриваем картину на предмет «красиво / не красиво», то наша оценка будет зависеть от того, насколько изображение коррелирует с нашей системой ценностей.

Ценности – это некоторые образцы, на которые опираются при вынесении оценки и которые могут уточняться в зависимости от реальной ситуации. Как правило, у оценочных суждений нет прямого обоснования, поскольку ценности не имеют прямого эмпирического подтверждения ни в наблюдениях, ни в опыте логического следования. Отсюда представление о ценностях как о чём-то субъективном. Ценности свойственны всем людям и любому виду деятельности.

По отношению к научной деятельности, проблема ценностей состоит в том, что наука фиксирует сущее, т. е. то, что есть [5]. Ценности имеют иной способ бытия – это то, что находится за пределами сущего, они то, что не есть, но должно быть. Например,

идеал. Действительность никогда не бывает идеальной. Идеал выступает как некое требование, долженствование, т. е. идеал – это должное, а не существующее. Таким образом, ценность не есть нечто существующее [5].

Второй аспект природы ценностей связан с тем, что когда человек мыслит ценное, он не просто созерцает действительность, а активно относится к ней. Его мысль повелевает действительности, чтобы она согласовывалась с добрым и прекрасным [5]. Следовательно, ценность – это движущая сила, которая может осуществить себя в реальности, это то, что детерминирует активности человека. Важная роль в этой активности принадлежит таким характеристикам человека, как эмоции и чувство. Это связано с тем, что ценности коренятся в первую очередь внутри субъекта, а не в характеристике объекта. По этой причине ценности не имеют столь же значимой эмпирической основы, как научная сфера фактов.

То же самое касается ценностных суждений. Суждение с логической точки зрения предполагает утверждение. Поскольку ценность чего-либо определяется чьим-либо отношением к нему, провозглашение этой ценности становится вопросом оценки, а не суждения. По этому поводу М. Вебер делает следующее замечание: ценностное суждение как оценка должно было быть исключено из науки, поскольку такое суждение субъективно. Объективность науки, писал он, требует, чтобы общественные нормы были доступны всем и интерпретировались всеми одинаково [2].

Согласно О. Г. Дробницкому, в истинное знание не должна вмешиваться человеческая субъективность: мотивы, склонности, предпочтения, желания. Познание понимается как чистое созерцание, его содержанием является то, что познаётся, а формой – законы восприятия и логики. Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что человеком что-то движет в познавательной деятельности. Ещё Платон писал, что философы стремятся к истине не ради самой истины, а ради питания лучших сторон души. Человеческое познание не существует отдельно, в нём человек дей-

ствует как субъект, чем-то мотивируется, к чему-то стремится. Верность учёного строго объективному знанию гарантируется субъективными устремлениями и эмоциональными побуждениями, а движущей силой познания как деятельности является ценность истины самой по себе [5].

Таким образом, попытка истолковать все формы научного рассуждения как формы дедуктивного или индуктивно-логического вывода терпят неудачу. Учитывая данный факт с начала XX в. исследования ценностей в науке идут в двух основных направлениях: это классификация и изучение практики применения ценностей в научном познании. Например, Х. Дуглас предлагает разделять ценности на идеальные, которые гарантируют истину, такие как эмпирическая проверяемость, и прагматические, которые способствуют научным исследованиям, например, простота научных теорий [13]. К неэпистемологическим ценностям Дуглас относит те, которые не гарантируют истинность знания, но способствуют решению научных проблем. К ним относятся, например, плодотворность научной теории или метода, которые могут приводить к важным практическим решениям [13].

Следует подчеркнуть, что такая классификация носит условный характер. Мы считаем, что на практике неэпистемологические ценности являются неотъемлемой частью научных исследований. Например, существуют этические проблемы, которые возникают в связи с выбором целей исследования, подбором персонала для исследовательской деятельности, выбором методов исследования и объектов для экспериментов, определением способов доказательства, распространением результатов исследований. Как справедливо отмечает Л. А. Микешина, признание роли неэпистемологических ценностей в научном познании необходимо для преодоления стандартной концепции знания и приближения к реальному положению дел в познавательной деятельности [9]. Особенно это важно для социогуманитарного знания.

Неэпистемологические ценности в социогуманитарном знании

Предметом социальных наук являются индивиды и группы, следовательно, социальные, моральные, этические или политические ценности присущи и неизбежны на всех этапах научного процесса. Чрезмерное влияние ценностей долгое время подкрепляло мнение о том, что социальные науки более ценностно ориентированы и, как следствие, менее надёжны, чем естественные науки. Именно вокруг этого вопроса, отличаются ли социальные науки от естественных наук в отношении ценностей в науке, развёртывается большинство современных дискуссий.

Очевидно, что в социальных науках этические и моральные ценности необходимы для установления ограничений на то, как проводятся исследования и как обрабатываются данные. В случаях, когда методология нарушает основные права человека, этические и моральные ценности справедливо запрещают проведение таких исследований. В таких случаях моральные соображения превосходят эпистемологическую ценность. Вместе с тем ошибочно нивелировать ценность получаемых знаний, поскольку их эпистемологическая ценность не подрывается и не нарушается моральной ценностью.

То же самое касается гуманитарного знания, для которого характерен особый предмет – жизненный мир человека. Естественная наука изучает природу безотносительно к человеку, поэтому здесь ценности не уловимы. Напротив, когда объектом познания и практического воздействия становится человек, невозможно абстрагироваться от аксиологического измерения непосредственно в самом процессе познания [1, с. 90–101]. По этой причине высказываются соображения, что получение истинного знания в гуманитарных науках невозможно. Однако данное положение не выдерживает критики, если исходить из общих принципов научной методологии, которая содержит набор предписаний и способов оценива-

ния как научных теорий, так и отдельных научных утверждений [3]. В гуманитарном познании есть также общепринимаемые стандарты оценки, которые вдобавок подкрепляются культурными, социальными и политическими ценностями, разделяемыми тем или иным гуманитарием.

Заключение

Таким образом, вопрос о ценностях в науке не является тривиальным. Современная практика научных исследований показывает, что на науку оказывают влияние как эпистемологические, так и неэпистемологические ценности, границы между которыми в последнее время становятся все более размытыми.

Основной формой объяснения в науке является теория, а не закон. Теории по самой своей природе являются гипотетическими, предварительными, они остаются открытыми для пересмотра или даже отклонения. Между очевидностью и теорией нет прямой логической связи, подобной той, которую ожидали классические научные теории.

В научном познании эпистемологические цели учёных могут быть связаны с более широкими социальными и практическими интересами, поэтому между наукой и ценностями существует сложность и многогранность взаимодействия. Ценности всегда будут играть определённую роль в научных исследованиях, но это не обязательно подрывает их объективность. Практика социогуманитарных исследований показывает, что влияние ценностей приемлемо в той мере, в какой они соответствуют целям исследования в конкретном контексте.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белкина Г. Л., Корсаков С. Н. И. Т. Фролов о роли гуманистических ценностей в научном познании // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / отв. ред. Ф. Г. Майленова. М.: ИФ РАН, 2010. 255 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
3. Возможна ли истина в гуманитарных науках? Материалы круглого стола / Н. С. Автономова, Г. Д. Левин, В. А. Лекторский, С. В. Пирожкова, Н. М. Смирнова, Е. О. Труфанова, Е. Л. Черткова // Философия науки и техники. 2017. Т. 22. № 2. С. 5–28.
4. Герасимова И. А. Наука как человеческий капитал и ресурс // Эпистемология и философия науки. 2024. Т. 60. № 4. С. 104–123.
5. Дробницкий О. Г. Мир оживших предметов. Проблема ценности и марксистская философия. М.: Издательство политической литературы, 1967. 366 с.
6. Кун Т. Структура научных революций / пер. И. Налетова. М.: Прогресс, 1977. 292 с.
7. Куслий П. С. Является ли наука эпистемически автономной? Современные проблемы и дискуссии в социальной философии науки // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56. № 1. С. 116–132.
8. Лебедев С. Аксиология науки: ценностные регуляторы научной деятельности // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 82–92.
9. Микешина Л. А. Эпистемология ценностей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. 439 с.
10. Молчан Э. М. Научное познание и ценностная ограниченность: социально-философский анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 115–121.
11. Поппер К. Логика и рост научного знания / сост. В. Н. Садовский. М.: Прогресс, 1983. 604 с.
12. Порус В. Н. На пути к реформе системы эпистемологических целей и ценностей // Эпистемология и философия науки. 2021. Т. 58. № 2. С. 34–42.
13. Douglas H. Rejecting the ideal of value-free science // Value-Free Science: Ideal or Illusion. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 120–140. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195308969.003.0009

REFERENCES

1. Belkina G. L., Korsakov S. N. [I. T. Frolov on the role of humanistic values in scientific knowledge]. In: *Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Vyp. 4* [Bioethics and humanitarian expertise. Iss. 4]. Moscow, IF RAN Publ., 2010. 255 p.
2. Veber M. Selected Issues (Rus. ed.: Davydov Yu. N., comp. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1990. 804 p.).
3. Avtonomova N. S., Levin G. D., Lektorskiy V. A., Pirozhkova S. V., Smirnova N. V., Trufanova E. O., Chertkova E. L. [Is truth possible in the humanities? Materials of the round table]. In: *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2017, vol. 22, no. 2, pp. 5–28.
4. Gerasimova I. A. [Science as Human Capital and Resource]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2024, vol. 60, no. 4, pp. 104–123.
5. Drobniy O. G. *Mir ozhivshih predmetov. Problema cennosti i marksistskaya filosofiya* [The World of Revived Objects. The Problem of Value and Marxist Philosophy]. Moscow, Political Literature Publishing House Publ., 1967. 366 p.
6. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions (Rus. ed.: Naletov I., transl. *Struktura nauchnykh revolyucij*. Moscow, Progress Publ., 1977. 292 p.).
7. Kusliy P. S. [Is Science Epistemically Autonomous? Contemporary Problems and Discussions in the Social Philosophy of Science]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2019, vol. 56, no. 1, pp. 116–132.
8. Lebedev S. [Axiology of Science: Value Regulators of Scientific Activity]. In: *Voprosy filosofii* [Voprosy Filosofii], 2020, no. 7, pp. 82–92.
9. Mikesheva L. A. *Epistemologiya cennostey* [Epistemology of Values]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 439 p.
10. Molchan E. M. [Scientific Knowledge and Value Limitations: A Social and Philosophical Analysis]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy], 2023, no. 1, pp. 115–121.

11. Popper K: The Logic of Scientific Discovery (Rus. ed.: Sadovsky V. N., comp. *Logika i rost nauchnogo znaniya*. Moscow, Progress Publ., 1983. 604 p.).
12. Porus V. N. [Towards a Reform of the System of Epistemological Goals and Values]. In: *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science], 2021, vol. 58, no. 2, pp. 34–42.
13. Douglas H. Rejecting the ideal of value-free science. In: *Value-Free Science: Ideal or Illusion*. Oxford, Oxford University Press, 2007, pp. 120–140. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195308969.003.0009

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ненасьева Марина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова
e-mail: m.nenasheva@narfu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Nenasheva – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy and Sociology, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov
e-mail: m.nenasheva@narfu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ненасьева М. В. О роли неэпистемологических ценностей в научном познании // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 63–69.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-63-69

FOR CITATION

Nenasheva M. V. On the Role of Non-Epistemic Values in the Scientific Knowledge. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 63–69.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-63-69

СОЦИАЛЬНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

УДК 001.5:339.924

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ХТУЛУЦЕНА: ВЗГЛЯД Д. ХАРАУЭЙ

Вермишова П. И.

Российский университет транспорта (МИИТ)

127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Осуществить рефлексию одного из проектов модификации человека на примере работ известного теоретика Д. Харауэй.

Процедуры и методы. Методологией исследования являются социально-философский анализ, общенаучные методы теоретического познания, методы системного анализа, сравнения, обобщения.

Результаты. Проанализирована сущность «сообщества компоста». Обоснован антифилософский и антисциентистский характер идей Харауэй в отношении природы будущего человека, его видов-симбионтов, определена бесперспективность их применения в качестве социальных практик.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показано, что онтология «компоста» Харауэй является радикальным, но утопическим проектом по трансформации человека и социума, следствием которого является деантропологизация.

Ключевые слова: будущее, Донна Харауэй, животные, общество, «Оставаясь со смутой», проект, сородич, тело, хтулукен, человек

MAN AND SOCIETY IN THE AGE OF CHTHULUCENE: THE VIEW OF D. HARAWAY

P. Vermishova

Russian University of Transport (MIIT)

ul. Obraztsova 9, bld. 9, Moscow 127994, Russian Federation

Abstract

Aim. To carry out a reflection on the project of human modification using the example of the works of the famous theorist D. Haraway.

Methodology. The methodology of the research is the socio-philosophical analysis, general scientific methods of theoretical knowledge, methods of system analysis, comparison, generalization.

Results. The essence of the “compost community” is analyzed. The article substantiates the anti-philosophical and anti-scientific basis of Haraway’s ideas regarding the nature of the future man, his symbiont species, and determines the futility of their application as social practices.

Research implications. It is shown that the ontology of Haraway’s “compost” is a radical but utopian project for the transformation of man and society, the consequence of which is deanthropologization.

Keywords: future, Donna Haraway, animals, society, “Staying with the Turmoil”, project, kindred, body, Chthulucene, human

Общевидовой коммунизм. Это идеология, которую я сам разработал. Или вера – называйте, как хотите. Её основное убеждение – что все виды на Земле созданы равноценными.

Лю Цысинь. «Задача трёх тел»

Введение

Вслед за разнообразными «поворотами» XX в. (лингвистический, коммуникативный, феминистический, цифровой, «тёмный» и т. д.) в поле исследовательских дискуссий вынесен проект трансформации человека. Ряд авторов обращает внимание на многочисленные кризисы, сопровождающие вступление Homo Sapiens в XXI в., и так называемые сдвиги «несущих структур» [2]. Массовое вымирание и экологические угрозы, духовная пустота, одиночество и разобщённость, прекаризация труда и нестабильность, изменение традиционных институтов образования и семьи, социально-политические потрясения находят отражение в работах теоретиков по всему миру [2; 8; 13; 14]. Будущее человека проблематизируется в мрачных тонах и справедливо ставится под вопрос.

Одним из ответов на вышеперечисленные вызовы стал тренд на «экологичность» философии, представленный внушительным корпусом трудов многих авторов, таких как Р. Брайдотти, М. Деланда, Ф. Дескола, Э. Кон, Б. Латур, Т. Мортон, Д. Харауэй, А. Л. Цзин и др. [3–7; 10; 16; 17]. Например, М. Деланда отмечает, что «социальные исторические процессы никогда не были чётко отделены от своих природных реалий, но всегда сосуществовали с ними» [4, с. 52], а Ф. Дескола настаивает на необходимости выработки нового «соотношения природы и общества» [5, с. 8], в то время как Р. Брайдотти подчёркивает «имманентную силу зое» [3, с. 129].

Теоретик Донна Харауэй, о которой пойдёт речь далее, не только поддерживает экоповестку, но и предлагает уйти от традиционной антропологии. Впрочем, попытки осмысления антропологии без и вне человека («по ту сторону») предпринимаются не впервые [5; 6]. Анализу предложенного Харауэй проекта трансформации человека и общества посвящена данная работа.

Предваряя начало собственно рассуждений об идеях Харауэй, пунктирно упомянем несколько фактов, помогающих понять её стиль, основания и замыслы. Донна Харауэй по образованию биолог и признаётся в симпатиях к тентакулярным существам, которые обитают на «истощённых землях и водах» [15, с. 25], т. е. тем, кто обладает щупальцами, усиками, нитями, щетинками и пр., что явно отсылает к началу её академической карьеры в биологии. Профессиональное становление исследователя пришлось на 1960–1980-е, что обусловило специфику её оптики: поиск нового языка и субъектов, акцент на Других и животных, провокативность изложения, эмоциональность и вовлечённость в феминистскую тематику. Автор приобрела известность работой «Манифест киборга» (1985) [19]. В отечественном дискурсе выдвигаемые ею положения стали предметом рефлексии ряда теоретиков, среди которых выделим работы Б. В. Подороги (анализ симпозиаса) и С. В. Соколовского (человек как расширенный организм) [11; 12].

Рассмотрим интегральный проект трансформации человека и социума, предложенный Д. Харауэй в работе «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулucene»¹. Основные тезисы автора «считываются» на уровне названия произведения: неопределённость и тревожность существования заставляют нас, людей, быть деятельными в создании семей иного типа в новой эпохе. Каковы сущностные черты человека? Как определяется и выражается его социальность? Что представляет собой сородич и как именно его «заводить»? Каково будущее человечества? На эти вопросы Харауэй даёт бескомпромиссный, спорный и, считаем, ненаучный и антифилософский ответ.

¹ Русскоязычный перевод слова trouble, переведённое как *смута*, не вполне соответствует значению этого слова: его традиционно переводят как *беспокойство, волнение, тревога, беда, проблемы*.

Харауэй для начала проводит отмежевание собственной позиции как от приверженцев техноапокалипсиса, так и от оптимистов, верующих в техноспасение: вера в то, что «техника каким-то образом придёт на помощь своим непослушным, но умненьким детям или, что по сути то же самое, Бог придёт на помощь своим непокорным, но полным надежды детям ... трогательная глупость» [15, с. 19]. Оба подхода ей чужды, автор предлагает собственный путь. Видение Харауэй рассчитано на целенаправленное изменение сложившейся ситуации в биологизаторском ключе.

Не менее важный акцент она ставит на признании разрушительного вклада маскулинного начала и требовании иного взгляда на мир, природу, социум. Исследователь эмоционально отмечает, что «антропос захвачен родовым, мужским, универсальным» [15, с. 71]¹. Автор подчёркивает, что существование человека как родового существа в дальнейшем в высшей степени не очевидно. Универсализирующий маскулинный нарратив, против которого Харауэй выступает, исключает многие виды из танца жизни. Примечательно, что автор не кодифицирует свою позицию как исключительно феминистскую, что далее будет показано на примере «семьи» в новом социуме. В этом смысле её можно рассматривать скорее, как исследователя, работающего на стыке постгендерной и трансгендерной антропологии [1, с. 75–76].

Сообщество компоста и хтулуцен

В преамбуле автор вводит и проясняет ряд ключевых терминов собственного подхода и обозначает рамки их применения. Ядро её идеи составляют понятия *сообщество компоста*, *сородич*, *симбионт*, *хтулуцен*, *тенгакулярность*. Сообщество компоста – объединение на равных основаниях людей и нелюдей (нечеловеческих народов, по выражению Т. Мортонa), жи-

вых и мёртвых, включая модифицированных генетически существ без привязки к жёсткой бинарной оппозиции «мужское-женское».

Материальной основой существования сообществ компоста становится Терраполис². Их ключевая особенность заключается в автономности жизни: в способности сообщества быть источником пищи и переработки, становиться замкнутой системой при потреблении минимальных средств. Этика потребления выстроена максимально эффективным образом. Все органические субстанции служат заданным целям оптимального использования ресурсов: кровь, слёзы, фекалии, останки умерших существ и остатки пищи служат питательной средой, компостной кучей, субстратом для выращивания пищи и прорастания новых форм нечеловеческой жизни. Статус Терраполиса (группа, город, государство) не определён. Основанием существования такого сообщества становится природа и связь с имманентной нечеловеческой силой.

В этих аспектах Харауэй берет за основу убеждения Ф. Хундертвассера, утверждавшего, что человеческие экскременты «намного важнее, чем еда», и постулирующего их «сакральность» и потенциал сделать людей бессмертными³. Харауэй вторит ему, давая характеристику компосту: «воистину, ничто не стерильно; и эта реальность одновременно и страшная опасность, и базовый факт жизни, и тваресозидающая возможность» [15, с. 91].

Авторскому неологизму *хтулуцен* Донна Харауэй не даёт строгого определения. Указано, что это слово состоит из греческих корней χθών (земля, почва, страна, богиня Земли) и καινός (новый; странный, удивительный)⁴. Хтулуцен одновременно

¹ Схожие радикальные убеждения высказывает Роза Брайдотти: антропос, по её мнению, есть «представитель иерархического, гегемонистского и в целом жестокого биологического вида» [3, с. 127].

² Одна из многих отсылок Харауэй к Античности, как идеальному времени сосуществования всех видов, во всяком случае, запечатлённому в мифах.

³ Хундертвассер Ф. Культура дерьма – священное дерьмо. URL: https://hundertwasser.ru/philosophy/pages/1979--Shit_Culture-The_Holy_Shit--RUS-Hundertwasser.html (дата обращения: 27.01.2024).

⁴ Греческо-русский объединённый словарь И. Х. Дворецкого и Дж. Стронга. URL: <https://>

и место, и эпоха, и альтернативный вариант обитания сородичей, где формируется способность-к-ответу и предусматривается совместное «умирание»: «либо становление друг-с-другом, либо становление ничем» [15, с. 21]. В другой работе 2015 г. автор подчёркивает, что название посвящено щупальцеобразным силам по всей земле [18, р. 160]. С нашей точки зрения, скорее, данный проект можно обозначить для человека как становление-Другим / Чужим.

Homo symbiont

Какими Харауэй видит сородичей и социальные отношения между членами компоста? Харауэй опирается на идеи биолога Линн Маргулис и эколога Бет Демпстер, акцентируя голобиотическую и симпоэтическую природу человека. Обращаясь к установленному факту симбиоза человека с археями и бактериями, Д. Харауэй заостряет тезис, что люди не более чем беспорядочные ассамбляжи и эволюционно «конструируются» с мириадами Других¹. От этой мысли автор делает логический, с её точки зрения, вывод о необходимости искусственной химеризации современных людей. Действительно, человеческий организм представляет собой, по выражению С. В. Соколовского, интегративную целостность [12, с. 10], но в распоряжении эволюции были миллионы лет, а темпоральный горизонт Харауэй ограничен 4 столетиями!

Радикальность её подхода заключается в сокращении и регулировании численности как человеческого населения планеты в целом, так и сообщества компоста в частности. По мнению автора, оптимальная схема

для семьи эпохи хтулуцена состоит из трёх родителей и одного ребёнка.

Достигается это через: «право и обязанность беременного индивидуума (курсив наш. – П. В.) независимо от его гендерной принадлежности выбрать для ребёнка животного симбионта» (это и есть сородич) из числа видов, которым грозит исчезновение [15, с. 183]. Харауэй предлагает для модификации детей гены бабочки (данаида), птицы (пустельга), некоторых ракообразных, амфибий, угрей. Заметим, что пустельга является естественным врагом бабочек, так же как угри лакомятся личинками насекомых и мелкими водными животными. На этом этапе свободы выбора для человеческого существа не допускается, но «в течение всей жизни человек может и далее модифицировать своё тело», например внедрять импланты из щупальц-антенн на подбородке, изменять микробиоту и кишечную флору» [15, с. 185].

Каким образом добавление «патернообразующих генов» и модификация телесности даст «бабочкам и их людям (курсив наш. – П. В.), а также миграциям – шанс на будущее во времена массовых вымираний» [15, с. 193], остаётся неясным. В проекте страннородства *бабочка* ставится на первое место. В понимании автора дети симбионты в процессе взросления испытывают не только сложности с собственной идентификацией, но и осознают мучительную притягательность друг к другу, основанную на «пищевом» интересе², помимо уже имеющихся трудностей с выбором гендера, способа питания, размножения, т. е. образа жизни и смерти.

ekzeget.ru/all-about-bible/dictionaries/grechesko-russkiy-bibleyskiy-slovar/kainos (дата обращения: 20.01.2024).

¹ Тимоти Мортон солидарен с этим утверждением и придаёт ему детерминирующий характер: «мы буквально покрыты нечеловеческими существами, что они пролезли внутрь нас и это не какая-то фатальная случайность, а нечто неизбежное, ключевой фактор самого нашего существования» [10, с. 84].

² В чём практическая необходимость совмещать в одном сообществе на одном пространстве виды, находящиеся в отношениях хищника и добычи, Харауэй не берёт на себя труд разъяснить, хотя ей, как биологу, это было бы сделать достаточно просто и убедительно. У животных, как известно, нет морали, их жизнь обусловлена врождёнными программами поведения, поэтому стыдить сокола за поедание мыши или бабочки никому из людей не придёт в голову: это его естество. Но наблюдать взрослым людям, внедрившим гены бабочки в ребёнка, за его страхами и паническим испугом в присутствии модифицированного генами сокола другого ребёнка, – поведение, далёкое от нравственности.

Темпоральность насекомых, птиц и других предлагаемых видов кардинально также отличается от человеческой. Фактически, таким образом тело человека отчуждается от него.

Отметим, что общие предки человека и насекомых существовали около 600 млн лет назад, человека и мелких млекопитающих типа мышей – 80. В современной науке приняты предварительные испытания с тщательно проработанными протоколами экспериментов. Кто в данном случае будет лабораторной моделью? Будут ли такие испытания или сами геномные вторжения проводиться *in vivo* (в теле «индивидуума») или *in vitro* (в пробирке)? Будет ли обеспечена безопасность для беременного индивидуума и плода? Все существующие методы переноса трансгенов (перенос ядра, модификации стволовых клеток, микроинъекций) требуют высокой квалификации специалистов, точного оборудования и всё равно не позволяют добиться 100% экспериментальной точности и выживаемости. Упомянем также, что необходима предварительная серьёзная работа по получению, обработке, анализу, хранению образцов тканей и выделения нужных генов из ДНК животных, которым уготована роль симбионтов. Очевидно, что данный процесс немыслим без соответствующего оснащения. Симбионты-химеры не смогут управлять оборудованием, созданным человеком и приспособленным под его (человеческие) органы чувств.

Кроме того, это потребует сохранения научной культуры, передачи знаний, настройки, эксплуатации и поддержания работоспособности необходимого для манипуляций оборудования, наличия нужного сырья и материалов, что, впрочем, также не нашло отражения в предложении автора. Способы технического и технологического сопровождения заявленных экспериментов не описаны в работе Харауэй. Т. к. она критикует «убийственное разделение природы, культуры и технологии», по всей видимости, в её замысле это разделение должно преодолеть [15, с. 155].

В отношении генного вмешательства неизвестны последствия для самих организмов в дальнейшем, насколько они будут способны в будущем к зачатию и вынашиванию и в принципе здоровы и жизнеспособны (особенно на фоне изменения рациона и образа жизни), нельзя исключать, что внедрение генов других видов приведёт к ряду заболеваний и бесплодию¹. Позитивная евгеника, предлагаемая Харауэй, сегодня запрещена на законодательном уровне. Как отмечает Ю. Хабермас, генетическое вмешательство в эмбрион нарушает «неприкосновенность личности и не подчинённость другим лицам» [14, с. 31]. Тем самым взрослые осуществляют власть над потомками, лишая тех свободы выбора идентичности, телесности, образа жизни, самой возможности становиться человеком. Хабермас указывает, что потомки имеют право привлечь к ответу взрослых, осуществивших такое воздействие. Нарушается «симметрия ответственности», что впоследствии приведёт к «альтернативе выбора между фатализмом и ресентиментом» [14, с. 25].

Решение Харауэй предполагает господство и власть над природой генетически модифицированных детей: само существование, рождение и взросление этих детей предопределено «родителями» в иной ипостаси. В итоге трое «родителей» решают, чьи чужие гены будут внедрены в их совместное дитя. Обязательность программирования и целенаправленных манипуляций на уровне эмбриона связана с тем, что успешная симбиотическая связь с генами животных во взрослом возрасте невозможна [15, с. 192]. В этом качестве предложенная автором конструкция представляет собой управляемое воздействие и лабораторно-полевое наблюдение, в котором взрослые занимают ту самую

¹ Раз модифицированные дети будут обладать способностью употреблять молочай, содержащий алкалоиды, следовательно, их пищевой рацион будет пересмотрен и расширен. Вероятно, общины компоста в результате генных модификаций в последующих поколениях естественным образом будут вымирать, тем самым достигая желанной для автора цели сокращения численности населения.

отрицаемую Харауэй надзирательно-регулирующе-доминирующую функцию в отношении детей. Человек в соединении с сородичами иных видов превращается в некий общий сконструированный вид. Харауэй предлагает проект управления эволюцией вида *Homo sapiens*, фактически деантропологизации.

Харауэй в своих размышлениях о геномных перспективах также упускает один важный элемент. Продолжая логику рассуждений в духе придания главенствующей роли нечеловеческим акторам, Харауэй рискует оказаться в патовой ситуации: а бабочка согласна на внедрение собственных генов в чужеродный организм? Т. Мортон доводит до конца это суждение и делает опасное для человека, но абсолютно правильное умозаключение: «если у всего есть права, ничто не может быть собственностью, так что ни у чего не может быть прав» [10, с. 117]. В соответствии с этой позицией любой представитель нечеловеческого народа имеет право выбора становления-с-кем и гипотетически призывать к ответу человека.

Заведение сородичей, обретение страннородства, «создание всё более запутанных соединений» [7, с. 292] – ответственный и разумный выбор человечества перед лицом катастрофы, с точки зрения Харауэй. Эта идея обращена к коллективному субъекту в лице прогрессивного человечества. Более того, автор настаивает, что её путь является единственным и обладает универсальной значимостью¹. По всей видимости, теоре-

¹ Не опускаясь до ложного довода «Ты тоже», всё-таки не преминем высказаться, что такое радикальное предложение выбрать путь компоста и компаньонов, похоже, не находит отражения в собственной жизни Донны Харауэй. Среди её многолетних сородичей – овчарки, которым она посвятила книгу о воспитании, взаимодействии и корреляции с социальным устройством общества. Заметим, что исследователь пошла по вполне традиционному пути домашних животных, причём достаточно крупных, не отдав предпочтение представителям редких или исчезающих видов. Биологу должно быть хорошо известно, какую нагрузку на экосистему оказывают домашние кошки и собаки, начиная от производства кормов и заканчивая уничтожением видов: кошки ответственны за исчезновение 63 видов, собаки – 10, и еще 156 подвергаются из-за собак се-

тик апеллирует к этике Г. Йонаса, утверждающей необходимость сегодняшних поступков через призму воздействия на потомков. В паре универсалий культура / природа Харауэй отдаёт предпочтение последней, утверждая «космополитику» будущего для всех обитателей Земли [15, с. 207]. Но сам проект не является системно проработанным решением, главное в нём – резкое сокращение численности населения в 3 раза.

Предлагая людям сделать выбор в пользу сообщества компоста, исследователь оставляет за скобками вопрос свободы воли, т. е. каким образом будут существовать те из жителей Земли, кто не сможет или не захочет по этическим, религиозным, медицинским, социальным и другим причинам сделать аналогичный выбор. За срок в 400 лет, по мнению Харауэй, человечество должно уменьшить свою численность до 2–3 млрд – это достаточный объём для планеты, на её взгляд. В этом отношении идентичные мысли высказывает М. Деланда: «в периоды уменьшения численности населения исключённые из экосистемы растения и животные возвращались» [4, с. 52].

Чем занимаются создания-химеры, или симы, как называет их автор? Коллективная интенциональность представлена в «путешествиях, работе и игре» [15, с. 184], но тема работы и занятости не раскрыта вообще на протяжении всего произведения. Донна Харауэй уделяет значительное внимание описанию досуга: члены сообщества компостистов заняты «неколонизирующим искусством» [15, с. 83] и путешествиями, оплакивая мёртвых, рефлексирова над проблемами прошлого в медитативных практиках и аутентичных трансах и практикуя «время мирения». Сородичи связаны друг с другом многими нитями (сплетёнными верёвочками, по её выражению) в пространстве и времени².

рьёзной угрозе. Подр. см.: Nature has a dog problem. Free-roaming dogs can spread disease and kill wildlife // Science News: [сайт]. URL: <https://www.sciencenews.org/blog/wild-things/nature-has-dog-problem> (дата обращения: 20.01.2024).

² Сходным образом думает Б. Латур: требуется «заново распределить дар речи между людьми и нелюдью» [7, с. 290].

Преодоление оппозиции между человеческим и нечеловеческим, стирание существенной разницы между человеком и животным, по мнению Харауэй, предполагает возврат к мифологическому мировоззрению, для которого характерны образность, символичность, ритуальность, синкретичность (сплетенность нитей, судеб и эпох, Земля-Гея, хтонические существа, химерические люди, странствующие сказители как носители культуры и новые жрецы).

Воспевание мёртвых видов, по которым поётся скорбная песнь и чьи тихие голоса должны быть представлены в общем хоре оставшихся, явно отсылает к экономике дара в архаичных обществах. Данным культурным практикам и путешествиям по «коридорам жизни» исследовательница придаёт статус реципрокности, т. е. социальной «смазки» внутри коллектива и взаимодействия с другими сообществами.

Несмотря на заявления о сохранении возможностей для живых видов, некрополитике автор уделяет не меньшее внимание: помимо искусства скорби, необходимо грамотное компостирование умерших на нижних этажах Терраполиса. Общие смыслы, выражаемые сообществом компостистов в совместных практиках, отражают чувство вины за разрушения Земли-Геи и поиск совместного убежища для многих видов.

В проекте детей компоста за кадром остались такие важные институты и процессы, как имущественные отношения, труд / занятость, образование, деньги, роли и статусы и др. Социальная реальность общества компоста, по-видимому, предусматривает идиллические отношения исключительно по горизонтали: автор ничего не говорит об управлении, иерархии, подчинении, наказании. Какова суть правил, регулирующих поведение и общежитие членов сообщества? Харауэй обошла проблемы обеспечения единства коллективных представлений в группе сородичей. Каким образом возможно функционирование общины в неблагоприятных климатических условиях, как решаются проблемы обеспечения сородичей

необходимыми предметами быта, удовлетворения их медицинских, духовных, образовательных потребностей, потребностей в безопасности – осталось непрояснённым.

В начале произведения автор утверждает, что требуется сосредоточить усилия на миссии восстановления повреждённых почв, лесов, рек, что невозможно на ручном труде. Очевидно, что для исполнения этого безусловно благородного намерения необходимы инструменты, техника, горючее или иные источники энергии. Исключительно на мускульной силе компостистов исправлять истощенные земли означает вернуться на тысячелетия назад до эпохи одомашнивания лошадей и быков. Остаётся вне поля рассматривания автора и вопрос статуса крупных производств, атомных станций, плотин, железных и автомобильных дорог и т. д., т. е. все то, что наносит несомненный вред природе, но в то же время служит фундаментом благополучия современного человека.

Кратко обозначим специфику стиля Харауэй: сильный крен в сторону поэтичности и метафоричности, причём в последней работе автор вдохновляется писательницей У. ле Гуин, пишущей в стиле фэнтези. От неё Харауэй взяла образ сумки как традиционного и метафоричного хранилища (еды, семян, историй), с которой легко пускаться в путешествие, в противовес дубине (копью, посоху, факелу) Героя, вышедшего на охоту¹. Собственное произведение, в чём признается сама Харауэй, классифицируется и как научная фантастика, и как спекулятивный феминизм, и как сплетённые фигуры. Дисциплинарная принадлежность в работе не прослеживается. Заметны мощные эсхатологические и библейские мотивы. Думается, отводить её книге место на полке среди научных изданий, пожалуй, преждевременно.

¹ Сумка – символ женского начала, в то время как дубина (копье) – мужского.

Заключение

Подведём итоги. Исследовательские рамки, которые ставит в своей работе Д. Харауэй, настолько далеки от современной междисциплинарной науки и философии с их устоявшимися методами проверки и аргументацией, что «переводят» автора в зону литературного творчества. Язык и стиль работы «Оставаясь со смутной...» маркируют её как не академический текст.

Насколько предлагаемый автором способ проникновения в реальность хтулцена способен привести к положительным изменениям в коммуникациях человеческих и нечеловеческих акторов, а главное – продуктивному сохранению многообразия их голосов, остаётся нераскрытым. Из-за действующих этических и законодательных правил существующего уровня развития генетики невозможно представить, чтобы проект Харауэй был воплощён в описанном виде. Научность её подхода не может быть подтверждена с помощью критерия фальсифицируемости Поппера.

В компостной (мусорной) экологии Харауэй человек мигрирует от личности в новоевропейском понимании (свободный индивид, цельный субъект, обладающий правом на действия и решения) к

признанию того, что человек рождается под знаком судьбы и предназначения. Исследователь предлагает рассказывать поэтические и вдохновляющие истории, но это поле давно уже занято сферой искусства и литературы. Интеллектуальная фантазия Харауэй продолжает линию низведения человека и буквально отводит ему место в грязи, поэтически именуемой «горячей компостной кучей» и «тваресозидающей» субстанцией. Но даже эти критические замечания можно было бы обозначить как несущественные, если бы в труде Харауэй прослеживалась возможность реального спасения многообразия видов на Земле.

Несомненно, аналогичные попытки уйти от академической теории будут предприниматься и другими мыслителями в дальнейшем. Как пишет А. Молл, «напитывать философию историями это не что-то новое, но такие истории *не становятся основанием чего-либо. Они будоражат* (курсив наш. – П. В.)» [9, с. 13]. Пожалуй, слово *будоражить* в значении «волновать, приводить в смятение» является наилучшим отражением содержания рассмотренной утопии Д. Харауэй.

Статья поступила в редакцию 29.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева В. А. Постгендерная антропология как политический инструмент тоталитарной демократии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 3 (49). С. 74–79.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени: территория будущего / пер. А. Смирнова, Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
3. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. М.: Институт Гайдара, 2021. 408 с.
4. Деланда М. Новая онтология для социальных наук // ЛОГОС. 2017. № 3 (27). С. 35–56.
5. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / пер. О. Смолицкой, С. Рындина; под общ. ред. С. Рындина. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.
6. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / пер. А. Боровикова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 344 с.
7. Латур Б. Политики природы / пер. Е. Блинова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.
8. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / пер. В. В. Кузнецова. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
9. Мол А. Множественное тело: онтология в медицинской практике / пер. с англ.; под науч. ред. А. Писарева, С. Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 254 с.
10. Мортон Т. Стать экологичным / пер. Д. Кралечкина. М.: Ад Маргинем пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. 240 с.
11. Подорога Б. В. Перипетии симпозиуса: размышления об одном понятии из книги Д. Харауэй

- «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене» // Vox. Философский журнал. 2021. № 35 (17) С. 151–162.
12. Соколовский С. В. Тело киборга: человек и концепция расширенного организма // Сибирские исторические исследования. 2022. № 2. С. 6–26. DOI: 10.17223/2312461X/36/1
 13. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс / пер. Н. Усовой. М.: Ад Маргинем пресс, 2014. 328 с.
 14. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. М. Л. Хорькова. М.: Весь Мир, 2002. 144 с.
 15. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене / пер. А. А. Писарева, Д. Я. Хамис, П. А. Хановой. Пермь: Гиле Пресс, 2020. 340 с.
 16. Цзин А. Л. Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма / пер. III. Мартыновой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 376 с.
 17. Haraway D. The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness. Chicago: Prickly Paradigm Press, 2003. 112 p.
 18. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin // Environmental Humanities. 2015. Vol. 6. pp. 159–165.
 19. Haraway D. Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature. New York: Routledge, 1991. 312 p.

REFERENCES

1. Andreeva V. A. [Postgender anthropology as a political instrument of totalitarian democracy]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2023, no. 3 (49), pp. 74–79.
2. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power and the Origins of Our Times (Rus. ed.: Smirnov A., Edelman N., transl. *Dolgij dvadcatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni: territoriya budushchego*. Moscow, Territoriya budushchego Publ., 2006. 472 p.).
3. Braidotti R. The Posthuman (Rus. ed.: Hamis D., transl. *Postchelovek*. Moscow, Gaidar Institute Publ., 2021. 408 p.).
4. Delanda M. [New Ontology for the Social Sciences]. In: *LOGOS*, 2017, no. 3 (27), pp. 35–56.
5. Descola P. Beyond Nature and Culture (Rus. ed.: Smolickaya O., Rydin S., transl. *Po tu storonu prirody i kul'tury*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 584 p.).
6. Kohn E. How Forests Think: Toward an Anthropology Beyond the Human (Rus. ed.: Borovikov A., transl. *Kak myslyat lesa: k antropologii po tu storonu cheloveka*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 344 p.).
7. Latour B. Politics of Nature (Rus. ed.: Blinov e., transl. *Politiki prirody*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2018. 336 p.).
8. Lipovetsky G. The Age of Emptiness. Contemporary Individualism (Rus. ed.: Kuznecov V. V., transl. *Era pustoty. Esse o sovremennom individualizme*. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2001. 336 p.).
9. Mol A. The Body Multiple: Ontology in Medical Practice (Rus. ed.: Pisarev A., Gavrilenko S., eds. *Mnozhestvennoe telo: ontologiya v medicinskoj praktike*. Perm, Gile Press, 2017. 254 p.).
10. Morton T. Being Ecological (Rus. ed.: Kralechkin D., transl. *Stat' ekologichnym*. Moscow, Ad Marginem press Publ., Garazh Publ., 2019. 240 p.).
11. Podoroga B. V. [The Ups and Downs of Sympoiesis: Reflections on One Concept from D. Haraway's Book "Staying with the Turmoil: Making Kin in the Chthulucene"]. In: *Vox. Filosofskij zhurnal* [Vox. Philosophical Journal], 2021, no. 35 (17), pp. 151–162.
12. Sokolovsky S. V. [The Cyborg Body: Man and the Concept of the Extended Organism]. In: *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2022, no. 2, pp. 6–26. DOI: 10.17223/2312461X/36/1
13. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class (Rus. ed.: Usov N., transl. *Prekariat: novyj opasnyj klass*. Moscow, Ad Marginem press Publ., 2014. 328 p.).
14. Habermas J. The Future of Human Nature (Rus. ed.: Horikov M., transl. *Budushchee chelovecheskoj prirody*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2002. 144 p.).
15. Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene (Rus. ed.: Pisarev A. A., Hamis D. Ya., Hanov P. A., transl. *Ostavayas' so smutoj: zavodit' sorodichej v htulucene*. Perm, Gile Press, 2020. 340 p.).
16. Tsing A. L. The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins (Rus. ed.:

- Martynova Sh., transl. *Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinah kapitalizma*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2017. 376 p.).
17. Haraway D. *The Companion Species Manifesto: Dogs, People, and Significant Otherness*. Chicago, Prickly Paradigm Press, 2003. 112 p.
 18. Haraway D. Anthropocene, Capitalocene, Plantationocene, Chthulucene: Making Kin. In: *Environmental Humanities*, 2015, Vol. 6, pp. 159–165.
 19. Haraway D. *Simians, Cyborgs and Women: The Reinvention of Nature*. New York: Routledge, 1991. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вермишова Полина Ивановна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Российского университета транспорта;
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polina I. Vermishova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Philosophy, Sociology and History, Russian University of Transport;
e-mail: vermi.poli@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Вермишова П. И. Человек и общество в эпоху хтулукена: взгляд Д. Харауэй // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 70–79.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79

FOR CITATION

Vermishova P. I. Man and Society in the Age of Chthulucene: The View of D. Haraway. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 70–79.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-70-79

УДК 304.44

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86

ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК

Евстифеева Е. А.¹, Морозова О. Ю.²¹Тверской государственный технический университет

170000, Тверская обл., г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22, Российская Федерация

²Независимый исследователь, г. Тверь, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ основных концепций «социальных практик», изучение генезиса данного понятия в социальной философии и социологической науке, а также экспликация прикладной значимости «социальных практик» и «габитуса» в повседневной жизни индивида.

Процедуры и методы. В процессе изучения объекта исследования нами применялись социально-философский, общенаучные и частнонаучные (социологические) методы.

Результаты. Представлены анализ и интерпретация основных концепций социальных практик и понятий «социальные практики» и «габитус», выделена значимость анализа социальных практик в условиях трансформации в первую очередь российского общества.

Теоретическая и/или практическая значимость. Основная значимость изучения конкретных «социальных практик» заключается в возможности, с одной стороны, выявить наличные поведенческие паттерны масс и тенденции к их изменению. Одновременно с этим подробный анализ конкретных социальных практик позволяет вероятно прогнозировать траекторию по трансформации габитуса в пределах исследуемого общества.

Ключевые слова: габитус, индивид, поворот к практике, социальная практика, социальное действие, социальный институт, социальный субъект

THE CONCEPT AND GENERAL CLASSIFICATION OF SOCIAL PRACTICES

E. Evstifeeva¹, O. Morozova²¹Tver State Technical University

nab. Afanasy Nikitin 22, Tver 170000, Tver Region, Russian Federation

²Independent Researcher, Tver, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the main concepts of “social practices”, to study the genesis of this concept in social philosophy and sociological science, and to explicate the applied significance of “social practices” and “habitus” in the everyday life of an individual.

Methodology. In the process of studying the object of research we applied socio-philosophical, general scientific and private scientific (sociological) methods.

Results. The analysis and interpretation of the main concepts of social practices and the notions of “social practices” and “habitus” are presented, the significance of the analysis of social practices in the conditions of transformation of primarily Russian society is highlighted.

Research implications. The main significance of the study of specific “social practices” lies in the possibility, on the one hand, to identify the current behavioral patterns of the masses and the tendencies for their change. At the same time, a detailed analysis of specific social practices makes it possible to forecast the trajectory of habitus transformation within the society under study.

Keywords: habitus, individual, turn to practice, social practice, social action, social institution, social subject

Введение

По мере фокусировки социальной науки на повседневной жизни (что в англоязычной литературе называется *practice turn* – поворот к практике) всё больший интерес исследователей привлекала концепция социальных практик – вычленения ежедневных социальных активностей и превращения их в самостоятельный предмет изучения. По сути, социальные практики как поддисциплина социальных наук и сделали своим предметом изучения наличную повседневность – взаимодействия, коммуникации, которые мы выполняем автоматически, не обращая на них внимания.

Основные трактовки понятия «социальная практика»

Свое начало эта концепция берёт с 1970-х гг., когда была опубликована работа «Набросок теории практики» П. Бурдьё [3]. В это же время появляется исследование К. Гирца «Интерпретация культуры» [8].

Собственно, П. Бурдьё и стал основоположником одного из трёх ключевых подходов к изучению социальных практик – структуралистского конструктивизма. Два других – теория структуризации Э. Гидденса и этнометодология Г. Гарфинкеля.

П. Бурдьё интерпретировал социальные практики как деятельность индивида (социального субъекта). Эта деятельность звучала как проверка своих поведенческих актов в корреляции с уже устоявшимися в обществе представлениями о внешнем мире или окружающей действительности. Каждый акт, соответственно, носил бинарный характер, в результате которого индивид определял, что «для меня», а что «не для меня». Таким образом, социальный субъект постоянно адаптируется в динамически меняющемся обществе и подстраивается под условия существования в настоящем и будущем. Здесь важно то, что под такими актами Бурдьё понимает как действия субъекта, направленные на изменение реальности вокруг него, так и каждодневные, порой бессознательные и даже нелогичные акты.

В работах Бурдьё также вводится принципиально новый термин *габитус*, который понимается как «система устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать как структурирующие структуры, т.е. как принципы, порождающие практики и представления...» [3, с. 102–108]. Габитус, согласно концепции учёного, является источником, производящим бесконечное множество социальных практик.

По Э. Гидденсу [7], социальные практики оказывают влияние на формирование как субъекта, так и непосредственно социального объекта, подчинены строгому паттерну и не могут существовать вне пространственно-временного контекста, следовательно, они являются приобретёнными, и индивиды обречены на бесконечное их воспроизведение. Таким образом, социальные практики, становящиеся самостоятельным предметом изучения, также становятся социальной призмой, через которую можно изучать саму концепцию «повседневности».

Г. Гарфинкель [6, с. 3–25] предложил другой подход. В своей концепции социальных практик он анализировал свойства и качества социальных практик. Так, по Гарфинкелю, ключевым свойством социальных практик является «их объяснимость, их наблюдаемость и сообщаемость, их рефлексивный характер, когда действия, посредством которых индивиды создают ситуации организованной повседневной деятельности и управляют ими, идентичны процедурам, к которым индивиды прибегают для того, чтобы сделать эти ситуации объяснимыми, а смысл поведения должен быть обнаружен в самом поведении» [6, с. 8]. В этнометодологии Гарфинкеля ключевой целью существования социальных практик становится автоматизация решений задач, возникающих в повседневности. Здесь для сравнительного анализа укажем на монографию А. Г. Дугина «Этносоциология», где использовалась разнообразная методология этносоциологического анализа и социаль-

но-философский анализ к понятиям «общество», «этнос», «народ»¹.

В концепции социальных практик Э. Гидденс редуцировал понятие социальной практики до достаточно близкого к нему «социального действия», над концепцией которого рассуждали ещё Т. Парсонс [11] и М. Вебер. У М. Вебера социальное действие – это «действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него» [4, с. 603]. В его системе координат у социального действия есть структура: в неё входят сам акт, субъект и объект исполняемого социального действия, предполагаемый результат, а также контекст – социальная ситуация и нормативная система, в которых этот акт осуществляется. Как мы видели из изложенного выше, фактически та же концепция лежит и в основе категорий габитуса и трактовки социальных практик Бурдьё: единство цели, контекста, объекта и субъекта.

Через эти определения Э. Гидденс приходит к концепции рутины как чего-то, что позволяет сохранить целостность личности субъекта, а П. Бергер и Т. Лукман выводят концепцию хабитуализации (опривычивания) социальных действий, которая лежит в основе всех социальных действий [2]. Хабитуализация становится общей для всей социологической науки. П. Сорокин пишет, что через хабитуализацию индивиды формируют общий фундамент для построения двусторонних или многосторонних отношений. В дальнейшем Гидденс, Бергер и Лукман через хабитуализацию выводят и институционализацию. Таким образом, в основе всех социальных институтов лежат социальные практики, прошедшие хабитуализацию.

Развивая мысль, приведённую П. Бергером и Т. Лукманом, можно заключить, что социальной практикой может быть любое действие, которое принимает индивид, находясь в обществе других индивидов. Для этого необходимо,

чтобы социальное действие, пройдя через многократный цикл повторений, прошло хабитуализацию, что уже непосредственно делает социальное действие социальной практикой.

Таким образом, мы можем видеть признаки, определяющие социальные практики и необходимые нам для дальнейшей работы. Под социальной практикой мы понимаем некое действие, совершаемое индивидом или группой лиц на регулярной основе и возведённое в ранг привычки.

Цель социальной практики – соотношение актора и его представлений о социальной реальности с объективной реальностью для непрекращающейся адаптации и поиска своего места в этой реальности. Таким образом, систематичность и повсеместность исполнения социальных практик гарантирует устойчивость социальных институтов.

Бурдьё, развивая этот вывод, указывает на двойственную (дуалистическую) природу всех социальных практик: с одной стороны, они стабилизируют социальную среду, с другой стороны, они задают её развитие и детерминируют её, определяют новые потенциальные социальные институты. В этом смысле прослеживается диалектика влияния общественного бытия на формируемые в сознании индивидов социальные практики и, наоборот, влияние конкретных социальных практик («сознания») на состояние общественного развития. Зачастую именно оформившиеся в предыдущем поколении социальные практики воздействовали на историческое развитие общественных отношений в более поздние периоды. Однако далеко не все исследователи способны выявить влияние социальных практик на сознание обывателя и общественное бытие в исторической ретроспективе [9]. Так, относительно недавно в отечественной исторической науке сложилось мнение, согласно которому эпоха петровских реформ была бы невозможна без формирования повседневных «модернистских» и «западнических» социальных практик при дворе его пред-

¹ См.: Дугин А. Г. Этносоциология: учебное пособие. М.: Академический проект; Мир, 2011. 639 с.

шественников – главным образом, при Алексее Михайловиче.

Понятие «габитуса» и «габитуализации»

Любопытно, как понятие «социальных практик» и «габитуса» оценивалась философами и социологами иных философских школ и направлений. Так, в противоположность вышеприведённых трактовок, Ж.П. Сартр (которого некоторые исследователи относят к представителям «неортодоксального марксизма») также изучал социальные практики. Однако Сартром, к сожалению, не были раскрыты понятие «габитуса» и его соотношение с категорией социальной практики. Вместе с тем следует отметить, что для Ж. П. Сартра феномен «практики» виделся как акт «движения». Соответственно, социальная практика в этом случае понимается как «движение в рамках социального механизма одновременно с точки зрения объективации (человека, воздействующего на материю) и объективности (тотализированной материи, воздействующей на человека)» [9]. По мнению французского философа, именно объективные и структурные категории так называемого «социального поля», социальной материи являются производными от индивидуальных социальных практик. Это положение интересно в том смысле, что социальная практика, по сути, является явлением «второго порядка» (а габитус – явлением третьего порядка, «вершинной» пирамиды практик). Соответственно, именно индивидуальные практики отдельно взятых пассионарных личностей формируют групповые практики. А уже групповые практики, в свою очередь, оказывают влияние на формирование габитуса в конкретной общественной формации. Дальнейшего изучения в этом смысле заслуживает тезис представителей индивидуалистских философских течений о роли конкретного актора, индивида в формировании конвенциональной, общепринятой социальной практики [12].

Социальная практика (и, как следствие, габитус), хотя и является производным сознания индивида, создавшего индивидуальную практику, формируется на уровнях высшего порядка «неосознанно». Можно утверждать, что происходит некий «социальный отбор» наиболее удачных индивидуальных практик, которые заимствуются на уровне практик групповых. Здесь же нельзя не упомянуть о скрытом конфликте «индивид – группа», т. к. в итоге групповая практика хотя и представляет собой рецепцию практики индивидуальной, но, однако, корректируется «коллективным бессознательным» той социальной группы, которой она воспринимается и реализуется.

Заметим, что значительная часть известных социологических концепций является теоретической, строится на обобщённом знании об объекте или поле исследования. А концепции социальных практик иные, они ориентируются на экспликацию динамики и трансформаций общественного развития и выявлению конкретных паттернов, составляющих повседневную жизнь.

Социальные практики концептуализируются как рациональными, так и иррациональными основаниями. На это обратил внимание П. Бурдьё. Он усмотрел в феноменах социальных практик некоторую нелогичность. Это проявляется с помощью ретроспективного анализа конкретных исторических событий как конкретных практик

Заметим, что авторы концепций социальных практик изучают социальную реальность или социальные практики в контексте габитуализации действий в повседневной жизни. Это влечёт изменение взглядов на социального субъекта, социальные институты, структуру общества. Совокупность изучаемых социальных практик формирует холистическую картину общества. Изучение активности и деятельности социальных субъектов в проекции социальных практик удовлетворяет методологии единства теоретического и эмпирического, причём с неожиданными

подходами и неожиданным, порой нехарактерным для других дисциплин социологической науки инструментарием.

Следовательно, применительно к общественному бытию можно сделать вывод, что так называемые социальные практики являются одновременно выражением господствующих в обществе моделей принятия решений и поведения и, вместе с тем, «дискурсообразующим» феноменом, задающим (детерминирующим) развитие социальной материи на многие годы вперёд. Наконец, крайне важным свойством социальных практик наряду с их «рутинизацией» (и хабитулизацией) является наличие элемента иррациональности. Таким образом, далеко не всякая «новая» социальная практика будет иметь преимущественно конвенционально положительный эффект в среднесрочной или долгосрочной перспективе.

Однако подобно тому, как весь социальный прогресс строится по модели «спирали», т. е. посредством флуктуационного развития, социальные практики (а равно габитусы как совокупность основных социальных практик, существующих в конкретный момент исторического процесса) крайне неоднородны. Они могут сочетать в себе, как было указано выше, одновременно и конвенционально положительные и негативные черты как элемент классического *ratio*, так и случайные, иррациональные свойства. Вместе с тем оценку конкретной совокупности социальных практик, сформированных в момент времени в определённом гомогенном обществе, возможно отрефлексировать постфактум.

В этом смысле отдельного изучения заслуживает вопрос, способен ли в эпистемологическом смысле современный исследователь выявить, во-первых, актуальные

социальные практики, а во-вторых, сравнительно недавние социальные практики (существовавшие 10–20–30 лет назад). В любом случае, данный вопрос не имеет однозначного ответа.

Заключение

В итоге сегодня вопрос изучения и концептуализация социальных практик «на земле», т. е. применительно к практическому (эмпирическому) приложению и их трансформациям, стали как никогда актуальными. Краткий анализ источников [10] демонстрирует, что в российской социогуманитарной науке сгенерирован интерес к изучению социальных практик в разных сегментах социальной и общественной жизни. Речь идёт о:

- рефлексии инновационных технологий через конкретные социальные практики (и влияние на модернизацию промышленности);

- социальных практиках в конфликтологии [1];

- социальных практиках в образовании [5];

- социальных практиках у профессиональных инвесторов и т. д.

Эти примеры демонстрируют важность одновременных изучения конкретных социальных практик (для совершенствования практик в отдельных отраслях хозяйства и общественной жизни) и осмысления их философского измерения. Данный вопрос представляется особенно интересным и является актуальным в условиях геополитических изменений социальной жизни в России. Он требует социально-философской рефлексии с целью проектирования новых социальных практик.

Статья поступила в редакцию 04.06.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алейников А. В. Конфликтная модель России: «Прошлое завтрашнего настоящего» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2014. № 1. С. 43–53.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бурдьё П. Практический смысл / пер. А. Т. Бикбова, К. Д. Вознесенской, С. Н. Зенкина, Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2020. 560 с.

4. Вебер М. Избранные произведения / сост. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
5. Гаврилюк Т. В. Культурные практики, нормы и предпочтения российской рабочей молодёжи как составляющие её классового габитуса // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. № 3. С. 110–143.
6. Гарфинкель Г. Что такое этнометодология? / пер. А. М. Корбута // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 4. С. 3–25.
7. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации / пер. И. Тюриной. 3-е изд. М.: Академический проект, 2018. 528 с.
8. Гирц К. Интерпретация культур / сост. С. Я. Левит. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
9. Михайловский В. С. Методология анализа общества и политики в экзистенциальном марксизме Ж.-П. Сартра // Научные стремления: молодёжный сборник научных статей. 2012. № 1. С. 43–45.
10. Панфилова Е. А. Рефлексия инновационных технологий как фактор модернизации промышленных предприятий // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 2 (41). С. 261–268.
11. Парсонс Т. Структура социального действия / под общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. 4-е изд. М.: Академический проект, 2019. 435 с.
12. Селиверстова Н. А., Короткая Н. Д. Габитус // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 4. С. 311–315.

REFERENCES

1. Alejnikov A. V. [Conflict Model of Russia: “The Past of Tomorrow’s Present”]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology], 2014, no. 1, pp. 43–53.
2. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality (Rus. ed.: Rutkevich D., transl. Social’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sociologii znaniya. Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p.).
3. Bourdieu P. Practical Reason: On the Theory of Action (Rus. ed.: Bikbov A. T., Voznesenskaya K. D., Zenkin S. N., Shmatko N. A. *Prakticheskij smysl*. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2020. 560 p.).
4. Veber M. Selected Works (Rus. ed.: Davydov Yu. N., comp. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, Progress Publ., 1990. 808 p.).
5. Gavriluk T. V. [Cultural Practices, Norms and Preferences of Russian Working Youth as Components of Its Class Habitus]. In: *Zhurnal sociologii i social’noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 2021, no. 3, pp. 110–143.
6. Garfinkel’ G. Researches on Etimethodology (Rus. ed.: Korbut A. M., transl. *Chto takoe etnometodologiya?* In: *Socio-logicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2003, vol. 3, no. 4, pp. 3–25.
7. Giddens E. The Structure of Society: An Essay on the Theory of Structuration (Rus. ed.: Turina I., transl. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturacii*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018. 528 p.).
8. Geertz C. The Interpretation of Cultures (Rus. ed.: Levit S. Ya., comp. *Interpretaciya kul’tur*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 560 p.).
9. Mihajlovsky V. S. [Methodology of Analysis of Society and Politics in the Existential Marxism of J.-P. Sartre]. In: *Nauchnye stremleniya: molodyozhnyj sbornik nauchnykh statej* [Scientific Aspirations: Youth Collection of Scientific Articles], 2012, no. 1, pp. 43–45.
10. Panfilova E. A. [Reflection of Innovative Technologies as a Factor in the Modernization of Industrial Enterprises]. In: *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Bulletin of MGIMO-University], 2015, no. 2 (41), pp. 261–268.
11. Parsons T. The Structure of Social Action Source (Rus. ed.: Chesnokova V. F., Belanovsky S. A., eds. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2019. 435 p.).
12. Seliverstova N. A., Korotkaya N. D. [Habitus]. In: *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2015, no. 4, pp. 311–315.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евстифеева Елена Александровна – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии и философии, проректор по развитию персонала Тверского государственного технического университета;
e-mail: pif1997@mail.ru

Морозова Ольга Юрьевна – соискатель кафедры психологии и философии Тверского государственного технического университета, старший научный сотрудник отдела внедрения центра развития информационных технологий Научно-исследовательского института информационных технологий ФСИН России;
e-mail: moroz-75@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Evstifeeva – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Head of the Department, of Psychology and Philosophy, Vice-rector of Personnel Development, Tver State Technical University;
e-mail: pif1997@mail.ru

Olga Yu. Morozova – Postgraduate Student, Department of Psychology and Philosophy, Tver State Technical University; Senior Researcher, Implementation Department of the Information Technology Development Center, Research Institute of Information Technologies of the Federal Penitentiary Service of Russia;
e-mail: moroz-75@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Евстифеева Е. А., Морозова О. Ю. Проблема концептуализации социальных практик // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 80–86.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86

FOR CITATION

Evstifeeva E. A., Morozova O. Yu. The Concept and General Classification of Social Practices. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 80–86.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-80-86

УДК 101 + 141.1

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95

МОДУСЫ БЫТИЯ МНОГОМЕРНОГО ЧЕЛОВЕКА

Елхова О. И.*Уфимский университет науки и технологий**450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработка интегративной теоретической модели многомерного человеческого бытия, учитывающей как реальные, так и цифровые модусы.

Процедура и методы. В исследовании используется деятельностный подход, при котором активность человека в сообществе с «другими» и его действия рассматриваются как ключевые факторы, определяющие его бытие. Проанализирован корпус текстов, включающий работы М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ю. Хабермаса, Ж. Делёза, Ф. Гваттари и З. Баумана. Особое внимание уделено взглядам указанных мыслителей на модусы человеческого бытия, интегрированным в социальную структуру. Для моделирования многомерного бытия человека применён принцип суперпозиции, использован метод анализа вероятностных распределений для оценки влияния различных модусов на бытие человека.

Результаты. Выделены два плана бытия: реальный (офлайн) и цифровой (онлайн) миры, которые пересекаются, но обнаруживают существенные различия; выявлены основные модусы бытия человека: социальное взаимодействие, информационный обмен, коммуникация и эмоциональное состояние, проявленные в реальном (офлайн) и цифровом (онлайн) мирах; разработана модель, позволяющая оценить влияние реальных (офлайн) и цифровых (онлайн) модусов на бытие человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Применение принципа суперпозиции позволяет понять, что современный человек существует одновременно в двух планах бытия, которые пересекаются и взаимно дополняют друг друга; разработанная модель способствует осмыслению и прогнозированию социального поведения в условиях цифровой трансформации, может быть эффективным инструментом для изучения многомерной природы человека.

Ключевые слова: бытие, многомерный человек, модусы бытия, реальные модусы бытия, суперпозиция, цифровые модусы бытия

MODES OF BEING OF A MULTIDIMENSIONAL HUMAN

O. Elkhova*Ufa University of Science and Technology**ul. Zaki Validi 32, Ufa 450076, Republic of Bashkortostan, Russian Federation*

Abstract

Aim. The aim of the research is to develop an integrative theoretical model of multidimensional human being that considers both real and digital modes.

Methodology. The research employs an activity-based approach, considering human activity within a community of “Others” and their actions as key factors determining their being. A corpus of texts, including the works of M. Heidegger, J.-P. Sartre, J. Habermas, G. Deleuze, F. Guattari, and Z. Bauman, was analyzed. Particular attention was paid to the views of these thinkers on modes of human being integrated into the social structure. The principle of superposition was applied to model the multidimensional human being, and a method of analyzing probabilistic distributions was used to assess the influence of various modes on human being.

Results. The main modes of human being, such as social interaction, information exchange, communication, and emotional state, were identified. A model was developed to assess the influence of real and digital modes on human being.

Research implications. The developed model aids in understanding and predicting social behavior in the context of digital transformation and can serve as an effective tool for studying the multidimensional nature of humans.

Keywords: being, multidimensional human, modes of being, real modes of being, superposition, digital modes of being

Введение

Проблема многомерности человека остаётся важной задачей философии, требующей глубокого концептуального осмысления. Мыслители различных эпох предлагали разнообразные ответы на вопросы о человеческой сущности, но единого мнения до сих пор не выработано. Однако подавляющее большинство учёных подчёркивает неизмеримую сложность человеческой природы, которую невозможно постичь в полной мере. Так, А. Аврелий в своих трудах отмечает: «Великая бездна сам человек, чьи волосы сочтены у Тебя, Господи, и не теряются у Тебя, и, однако, волосы его легче счесть, чем его чувства и движения его сердца» [1, с. 117].

В современной науке обнаруживается возрастающий интерес к изучению человека, его возможностей, предназначения и способов взаимодействия с окружающим миром. Мировоззрение как система взглядов на мир всегда неизбежно фокусируется на фундаментальных аспектах бытия человека. Философия как рациональная форма мировоззрения использует разум и дискурсивное мышление для исследования сущности человека. В связи с этим следует отметить, что философские концепции человека не могут быть выведены из простого индуктивного обобщения данных различных наук о человеке. Специализированные научные исследования, в свою очередь, всегда опираются на философские представления о человеке, которые не зависят от эмпирического опыта и имеют универсальный характер. Философия концентрируется на сущности человека, рассматривая его как уникальную форму бытия, отличную от других видов сущего. Подчёркивается, что через человеческое су-

ществование осуществляется актуализация бытия в мире сущего. Для постижения человека важно провести скрупулёзное теоретическое исследование основополагающих элементов и связей его бытия, т. е. предполагается выполнение двух основных задач: определения происхождения и становления человека как онтологической структуры и описания его модусов бытия.

Повышенное внимание к феномену человека актуализируется в свете множества жизненных проблем, возникающих в современной жизни. Можно даже сказать, что человечество никогда ранее не сталкивалось с такой степенью неопределённости и утраты устойчивости, как сегодня. В связи с этим обратим внимание на коллективную монографию «Антропомерность как вызов и ответ современности» под редакцией В. Г. Буданова, в которой затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с актуальными вызовами и изменениями, переживаемыми современным обществом [2]. Как совершенно верно замечает Е. О. Труфанова в своих работах, главный вызов, стоящий перед нами, заключается в сохранении целостности человеческой личности в условиях всё более интенсивного воздействия цифровых технологий [7].

Глобальная технологизация человеческой деятельности развивается стремительными темпами. В данном контексте особенно важно отметить, что эволюция информационных технологий играет ключевую роль в расширении наших возможностей для исследования и постижения окружающего мира, позволяет нам взглянуть на многие явления с новых позиций и обнаружить ранее невиданные закономерности и феномены [4]. Мы наблюдаем появление разнообраз-

ных технологических проектов, направленных на радикальное преобразование окружающего мира, общества и самого человека. При этом данные проекты с точки зрения их сторонников представляются как реализация заветного желания человечества обрести невиданную свободу, становясь демиургом своей жизни, способным к управлению социальными процессами, к улучшению своего тела и психики. Хотя многие из этих проектов кажутся неосуществимыми, история показывает, что первоначально утопические идеи могут впоследствии воплощаться в реальность.

Современная наука, приближаясь к разгадке важнейших тайн бытия, одновременно открывает перед нами бездну непостижимого, инициированного цифровой трансформацией реальности. Важно всестороннее понимание человеческого бытия, включающее как физические, так и цифровые модусы. Их интеграция в единую модель позволит глубже понять и точнее прогнозировать социальное поведение людей в цифровом мире.

Многомерная природа человека и модусы бытия

В своих работах Ж. Делёз и Ф. Гваттари предлагают оригинальный подход к исследованию бытия, противопоставляя его традиционному взгляду на бытие как на статичное и неизменное состояние [3]. Указанные философы рассматривают бытие через призму становления как непрерывный процесс изменений и трансформаций. Становление, по их мнению, не может быть целью или конечным состоянием, а представляет собой постоянный процесс, являя тем самым динамическую природу существования. Мы наблюдаем его постоянное изменение под влиянием внутренних и внешних факторов, проявление во множестве различных модусов, которые могут пересекаться, взаимодействовать и трансформироваться. Так, становление на общественном уровне связано с непрерывным видоизменением социальных групп и институтов под влиянием исторических и культурных факторов, а на индивиду-

альном уровне – с процессом личностного развития под влиянием опыта, обучения и взаимодействия с «Другими».

Модусы бытия представляют собой события существования человека, проявляющие его сущность и неизбежно встроенные в социальность. Человеческое существование не может быть полностью отделено от социального окружения и взаимодействий с другими людьми. Обратимся к хайдеггеровской концепции бытия человека, которая представляет собой глубокое и сложное исследование человеческого существования. Центральным аспектом концепции является понятие “Dasein”, обозначающее человеческое существование в его фундаментальной форме. Одним из ключевых аспектов Dasein является его «бытие-в-мире» (In-der-Welt-sein), указывающее на то, что человеческое существование всегда осуществляется в контексте мира, который нас окружает и представляет собой нечто, в чём Dasein всегда уже находится и с чем оно взаимодействует. Мир включает в себя все социальные, культурные и материальные аспекты, которые составляют наш жизненный контекст. Неотъемлемой частью бытия в мире является “Mitsein” или «со-бытие» с «Другими», термин, указывающий на то, что человеческое существование изначально и фундаментально является совместным существованием с другими людьми, с которыми Dasein разделяет мир. Человеческая деятельность, будучи многогранной в своих проявлениях и формах, является основой социальных отношений индивидов и отражает многомерность человеческого бытия.

Стоит отметить, что в условиях глобальной технологизации человеческой деятельности можно выделить два плана бытия: реальный (офлайн-мир) и цифровой (онлайн-мир), которые пересекаются, однако обнаруживают существенные различия.

В контексте многомерности человеческого существования можно выделить три основных, неразрывно связанных между собой модуса: социальное взаимодействие (*S – social interaction*), коммуникация и информационный обмен (*C – communication and information exchange*), эмоциональное

состояние (*E – emotional state*). Рассмотрим их подробнее. *Социальное взаимодействие* является фундаментальным аспектом человеческого бытия, способствует созданию социальных структур и институтов. Выделим основные традиционные модусы социального взаимодействия в офлайн-мире: встречи в трудовых коллективах, семьях, организациях и группах по интересам, где люди общаются лицом к лицу через совместные мероприятия и проекты с теми, с кем уже пересекались в реальной жизни. Среди цифровых модусов можно выделить онлайн-взаимодействие в интернет-сообществах, которые предоставляют возможность находить единомышленников и сотрудничать с ними в виртуальных пространствах. Такие взаимодействия способствуют формированию множественной виртуальной идентичности, которая может либо отражать реальную личность участника, либо представлять собой альтернативную версию, при этом личные встречи либо отсутствуют, либо сведены к минимуму, зачастую участники никогда не встречались лично.

Неотъемлемыми элементами социального взаимодействия являются *информационный обмен и коммуникация*. В «Теории коммуникативного действия» Ю. Хабермаса утверждается, что коммуникация является основой социального взаимодействия и общества в целом [10]. Информационный обмен, по Ю. Хабермасу, обеспечивает коммуникативное действие, что делает его важным элементом социального бытия. Выделим модусы информационного обмена и коммуникации бытия человека в офлайн-мире. К ним можно отнести вербальную коммуникацию, включающую обсуждения, проводимые в личном общении или через традиционные средства связи, такие как телефонные звонки, письменную коммуникацию, охватывающую письма, книги и журналы, используемые для обмена информацией; массовую коммуникацию, представленную телевидением, радио и печатными СМИ, которые обеспечивают широкое распространение информации. Помимо модусов реального мира обозна-

чим цифровые модусы коммуникации. К ним можно отнести электронную почту и мессенджеры, обеспечивающие мгновенный обмен сообщениями, документами и другой информацией, что значительно ускоряет и упрощает коммуникационные процессы и позволяет каждому человеку создавать и распространять материалы, делиться мыслями, опытом и творчеством с глобальной аудиторией за короткое время.

Эмоции, будучи важной составляющей человеческой природы, влияют как на внутренний мир человека, так и на его отношение к внешней среде, определяют принимаемые человеком решения и выполняемые им действия. *Эмоциональное состояние*, рассматриваемое как модус бытия, представляет собой интересный и многогранный аспект философских исследований. В частности, в концепции М. Хайдеггера эмоциональное состояние (*Befindlichkeit*) выделяется как значимый аспект человеческого бытия в мире. Так, в своём труде «Бытие и время» мыслитель подчёркивает, что эмоциональное состояние является способом, с помощью которого мир раскрывается для человека [11]. Работа Ж.-П. Сартра «Эскиз теории эмоций» также затрагивает тему эмоций, представляя их как трансформацию восприятия мира и способ взаимодействия с ним, который придаёт миру смысл [6].

Помимо модусов эмоционального состояния, возникающих в реальных жизненных ситуациях и обусловленных непосредственными физическими и социальными взаимодействиями, существуют также цифровые модусы. Полагаем, что особое внимание стоит уделить взаимосвязи между эмоциями человека и его межличностными отношениями. Цифровая эпоха значительно отличается от предыдущих периодов: изменяется многое и, прежде всего, межличностные отношения [8, с. 35–36]. Так, переживания, вызванные виртуальными коммуникативными взаимодействиями, оказывают большое влияние на эмоциональное состояние человека. В этом контексте З. Бауман в произведении «Текущая любовь» исследует влияние технологий и цифровых коммуникаций на отношения

между людьми, выделяя новые явления в цифровую эпоху. По мнению автора, в современном обществе обнаруживается феномен «текучей любви», когда любовь заменяется коммодифицированной имитацией. При этом качество отношений уступает место большому количеству виртуальных и кратковременных связей [12].

Построение модели, учитывающей реальные и цифровые модусы бытия многомерного человека

Современный этап научного познания характеризуется усилением междисциплинарных связей, что приводит к интеграции знаний из разных областей. Так, достижения в одной научной сфере находят применение в других, а принципы, разработанные в естественных науках, активно используются в социально-гуманитарных исследованиях [9, с. 5–10].

Такая интеграция научных методов расширяет горизонты знаний и способствует прогрессу науки. Математика, будучи связующим звеном между физическим и идеальными мирами, представляет собой важный инструмент для анализа многомерных явлений в гуманитарных науках. В настоящее время наблюдается тенденция активного использования методов физики и математики для описания сложных социальных явлений [5, с. 15].

Наше исследование выполнено в русле данных тенденций: для моделирования многомерного бытия человека применяются принцип суперпозиции и метод анализа вероятностных распределений. Полагаем, что многомерное бытие человека включает реальные и цифровые аспекты, которые можно рассмотреть через призму принципа суперпозиции. Данный принцип, широко используемый в физике для анализа сложных систем, утверждает, что результат воздействия нескольких сил на объект равен сумме результатов воздействия каждой из этих сил по отдельности. Мы предлагаем применить этот принцип к модусам бытия многомерного человека, в

таком случае принцип суперпозиции можно сформулировать следующим образом:

$$M = M_{real} + M_{digital},$$

где:

M – обобщённые модусы многомерного человека,

M_{real} – модусы, проявляемые человеком в реальном мире,

$M_{digital}$ – модусы, проявляемые человеком в цифровом мире.

Применение принципа суперпозиции позволяет понять, что современный человек существует одновременно на двух планах бытия, которые пересекаются и взаимно дополняют друг друга. Такой подход открывает новые возможности для анализа и понимания человеческого бытия в условиях растущей цифровизации и виртуализации общества.

Построим модель, которая учитывает влияние цифрового мира на жизнь человека в физическом мире. В этой модели мы будем считать, что человек может находиться в трёх различных состояниях.

Реальное состояние (Real State). Человек взаимодействует с физическим миром, проводит время в реальных социальных средах и реализует свои социальные роли, т. е. пребывает в офлайн-мире. Полную вероятность реального состояния можно выразить через вероятности трёх составляющих, выделенных нами модусов бытия: социальное взаимодействие (M_{S-Real} – social interaction), коммуникация и информационный обмен (M_{C-Real} – communication and information exchange), эмоциональное состояние (M_{E-Real} – emotional state), следующим образом.

Полная вероятность нахождения в реальном состоянии определяется через вероятности трёх составляющих модусов бытия:

$$P(Real) = P(Real | MS-Real) \cdot P(MS-Real) + P(Real | MC-Real) \cdot P(MC-Real) + P(Real | ME-Real) \cdot P(ME-Real),$$

где

$P(Real)$ – вероятность того, что человек находится в реальном состоянии,

$P(Real | M_{S-Real})$ – вероятность того, что человек находится в реальном состоянии при условии, что он занимается социальным взаимодействием,

$P(M_{S-Real})$ – вероятность социального взаимодействия,

$P(Real | M_{C-Real})$ – вероятность того, что человек находится в реальном состоянии при условии, что он осуществляет коммуникацию и информационный обмен,

$P(M_{C-Real})$ – вероятность коммуникации и информационного обмена,

$P(Real | M_{E-Real})$ – вероятность того, что человек находится в реальном состоянии при условии, что он находится в определённом эмоциональном состоянии,

$P(M_{E-Real})$ – вероятность эмоционального состояния.

Представленная формула показывает, как модусы бытия влияют на общую вероятность нахождения в реальном состоянии.

Цифровое состояние (Digital State): Человек взаимодействует с цифровым миром, проводя время онлайн, в социальных сетях, на форумах и других цифровых платформах, т. е. пребывает в онлайн-мире. Полную вероятность реального состояния можно выразить через вероятности трёх составляющих, выделенных нами модусов бытия: социальное взаимодействие ($M_{S-Digital}$ – social interaction), коммуникация и информационный обмен ($M_{C-Digital}$ – communication and information exchange), эмоциональное состояние ($M_{E-Digital}$ – emotional state) следующим образом.

Полная вероятность нахождения в цифровом состоянии определяется через вероятности трёх составляющих модусов бытия:

$$P(Digital) = P(Digital | M_{S-Digital}) \cdot P(M_S) + P(Digital | M_{C-Digital}) \cdot P(M_C) + P(Digital | M_{E-Digital}) \cdot P(M_{E-Digital}),$$

где

$P(Digital)$ – вероятность того, что человек находится в реальном состоянии,

$P(Digital | M_{S-Digital})$ – вероятность того, что человек находится в цифровом состо-

янии при условии, что он занимается социальным взаимодействием в цифровом мире,

$P(M_{S-Digital})$ – вероятность социального взаимодействия в цифровом мире,

$P(Digital | M_{C-Digital})$ – вероятность того, что человек находится в цифровом состоянии при условии, что он осуществляет коммуникацию и информационный обмен в цифровом состоянии,

$P(M_{C-Digital})$ – вероятность коммуникации и информационного обмена,

$P(Digital | M_{E-Digital})$ – вероятность того, что человек пребывает в офлайн-мире и находится в определённом эмоциональном состоянии,

$P(M_{E-Digital})$ – вероятность эмоционального состояния в цифровом мире.

Представленная формула показывает, как модусы бытия влияют на общую вероятность нахождения в цифровом состоянии.

Суперпозиция (Superposition): Человек пребывает в гибридном состоянии, когда он одновременно взаимодействует как с реальным, так и с цифровым миром.

Предположим, что вероятность нахождения человека в каждом из этих состояний зависит от его предпочтений, обстоятельств и внешних воздействий. Мы можем описать это следующим образом:

$$P(Real\ State) \times P(Digital\ State) \times P(Superposition) = 1,$$

где:

$P(Real\ State)$, $P(Digital\ State)$ и $P(Superposition)$ представляют вероятности нахождения человека в реальном, цифровом и суперпозиционном состояниях соответственно. Важно учитывать, что сумма вероятностей нахождения человека во всех трёх состояниях должна быть равна 1.

Предложенная модель предлагает простой и интуитивно понятный способ описания влияния цифрового мира на жизнь человека, учитывая его возможное нахождение в реальном и цифровом пространствах, а также совмещение этих двух аспектов в суперпозиции.

Состояние суперпозиции описывается как:

$$P(\text{Superposition}) = P(\text{Real State}) + P(\text{Digital State}) - P(\text{Real State}) \times P(\text{Digital State})$$

Данная формула учитывает вероятности нахождения в реальном и цифровом состояниях и затем вычитает их пересечение, чтобы избежать двойного учёта в суперпозиции. Модель отображает многомерность человеческого существования, охватывая различные модусы бытия: социальное взаимодействие, информационный обмен, коммуникацию и эмоциональное состояние, что даёт возможность анализировать влияние различных аспектов на общую динамику поведения и восприятия реальности человеком. Интегрируя как реальные, так и цифровые модусы, модель предоставляет всестороннее понимание человеческого бытия, что, в свою очередь, позволит точнее прогнозировать социальное поведение людей в цифровом мире.

Заключение

На основании и проделанного исследования можно сделать следующие *выводы*:

– проблема многомерности человеческого существования требует глубокого осмысления, включающего реальные и цифровые модусы бытия. Необходима интеграция философских и научных подхо-

дов для точного понимания и прогнозирования социального поведения в условиях цифровой трансформации;

– анализ работ М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра, Ю. Хабермаса, Ж. Делёза, Ф. Гваттари и З. Баумана позволил выделить ключевые модусы человеческого бытия: социальное взаимодействие, информационный обмен, коммуникацию и эмоциональное состояние;

– определено, что в современном мире социальное взаимодействие осуществляется как в офлайн-мире через личные встречи, так и в цифровом пространстве через онлайн-сообщества. Коммуникация, в свою очередь, играет центральную роль в социальном взаимодействии, включая информационный обмен, который в цифровую эпоху значительно ускоряется благодаря технологиям. Цифровая эпоха существенно изменила межличностные отношения, часто заменяя их виртуальной коммодифицированной имитацией;

– применение принципа суперпозиции и анализа вероятностных распределений позволило оценить влияние различных модусов на бытие человека. Разработанная модель помогает понять и прогнозировать социальное поведение в условиях цифровой трансформации, может быть эффективным инструментом для изучения многомерной природы человека.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Августин Аврелий. Исповедь / пер. М. К. Сергеев. М.: Ренессанс, 1991. 488 с.
2. Антропомерность как вызов и ответ современности: коллективная монография / отв. ред. В. Г. Буданов. Курск: Университетская книга, 2022. 309 с.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. Я. И. Свирского. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
4. Елхова О. И. Попробуй доказать, что ты не в матрице // Мировоззренческая парадигма в философии: взаимоотношение онтологии и гносеологии как философская проблема (к 300-летию юбилею И. Канта): сборник статей по материалам XIX Международной научной конференции, Нижний Новгород, 20 января 2024 г. Нижний Новгород: ННГАСУ, 2024. С. 90–94.
5. Кудряшев А. Ф., Елхова О. И. Современная онтология: общие и прикладные проблемы. Уфа: Уфимский университет науки и технологий, 2022. 272 с.
6. Сартр Ж.-П. Очерк теории эмоций / пер. Е. Е. Насиновской, А. А. Пузыря // Психология эмоций: сборник научных трудов / сост. В. К. Виллюнас. СПб.: Питер, 2008. С. 120–136.
7. Труфанова Е. О. Человек в цифровом мире: «распределённый» и целостный //

- Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 3. С. 370–375.
8. Урусова Е. А., Хусяинов Т. М. Неслучайные встречи: как технологизируются знакомства и отношения в условиях общества постмодерна // *Logos et Praxis*. 2018. Т. 17. № 4. С. 31–40.
 9. Философия и прогресс науки: практический аспект: коллективная монография / отв. ред. Е. И. Арепьев. Курск: Курский государственный университет, 2023. 269 с.
 10. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности / пер. А. К. Судакова. М.: Весь мир, 2022. 577 с.
 11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
 12. Bauman Z. *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge: Polity Publ., 2003. 176 p.

REFERENCES

1. Aurelius Augustinus. *The Confessions* (Rus. ed.: Sergeenko M. K., ed. *Ispoved'*. Moscow, Renessans Publ., 1991. 488 p.).
2. Budanov V. G., ed. *Antropomernost' kak vyzov i otvet sovremennosti* [Anthropomernost' as a Challenge and Response of Modernity]. Kursk, Universitetskaya kniga Publ., 2022. 309 p.
3. Deleuze G., Guattari F. *A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia* (Rus. ed.: Svirsky Ya. I., transl. *Tsyachya plato: Kapitalizm i shizofreniya*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ., Moscow, Astrel' Publ., 2010. 895 p.).
4. Elhova O. I. [Try to Prove that You are not in the Matrix]. In: *Mirovozzrencheskaya paradigma v filosofii: vzaimootnoshenie ontologii i gnoseologii kak filosofskaya problema (k 300-letnemu yubileyu I. Kanta): sbornik statej po materialam XIX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 20 yanvarya 2024 g.* [Worldview Paradigm in Philosophy: The Relationship between Ontology and Epistemology as a Philosophical Problem (On the 300th Anniversary of I. Kant): A Collection of Articles based on the Materials of the XIX International Scientific Conference, Nizhny Novgorod, January 20, 2024]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2024, pp. 90–94.
5. Kudryashev A. F., Elhova O. I. *Sovremennaya ontologiya: obshchie i prikladnye problemy* [Modern Ontology: General and Applied Problems]. Ufa, Ufa University of Science and Technology Publ., 2022. 272 p.
6. Sartre J.-P. *Emotions Outline of a Theory Book Source* (Rus. ed.: Nasinovskaya E. E., Puzyreya A. A., transl. *Ocherk teorii emocij* [Outline of the Theory of Emotions]. In: *Psihologiya emocij: sbornik nauchnykh trudov* [Psychology of Emotions: A collection of Scientific Papers]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008, pp. 120–136.
7. Trufanova E. O. [Man in the Digital World: "Distributed" and Holistic]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, no. 3, pp. 370–375.
8. Urusova E. A., Husyainov T. M. [Non-random Meetings: How Acquaintances and Relationships are Technologized in a Postmodern Society]. In: *Logos et Praxis*, 2018, vol. 17, no. 4, pp. 31–40.
9. Arep'ev E. I., ed. *Filosofiya i progress nauki: prakticheskij aspekt* [Philosophy and Progress of Science: Practical Aspect]. Kursk, Kursk State University Publ., 2023. 269 p.
10. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns* (Rus. ed.: Sudakov A. K., ed. *Teoriya kommunikativnoj deyatel'nosti*. Moscow, Ves' mir Publ., 2022. 577 p.).
11. Heidegger M. *Sein und Zeit* (Rus. ed.: Bibihin V. V., ed. *Bytie i vremya*. Harkov, Folio Publ., 2003. 503 p.).
12. Bauman Z. *Liquid Love: On the Frailty of Human Bonds*. Cambridge, Polity Publ., 2003. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елхова Оксана Игоревна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oksana I. Elkhova – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Philosophy and Cultural Studies, Ufa University of Science and Technology;
e-mail: oxana-elkhova@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Елхова О. И. Модусы бытия многомерного человека // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 87–95.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95

FOR CITATION

Elkhova O. I. Modes of Being of a Multidimensional Human. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 87–95.

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95

УДК 141

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-96-105

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ТЕЛЕСНОСТИ И СОЦИАЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Жидкова Н. С., Жидков М. А.*Российский государственный социальный университет**129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследование соотношения телесности и социальности человека в современном обществе, выделение проблемных зон соотношения телесного социального в XXI веке и поиск путей преодоления противоречий.

Процедура и методы. Методологическую основу статьи составили методы компаративного анализа, сравнительно-исторического подходов.

Результаты. Показано, что в современном мире возникает многоуровневое противоречие между телесностью человека и социумом, что вызвано несовместимыми масштабами социально-технической эволюции с эволюцией биологической, которая на фоне технического прогресса фактически незаметна, в результате чего наблюдается процесс деструкции человека как телесно-социального существа. Выявлено, что деструктивные проявления во многом обусловлены недооценкой социумом телесного фактора бытия человека, а это в свою очередь, ставит под угрозу существование самого общества и человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. В ходе исследования выявлены причины, порождающие наиболее существенные противоречия между телесностью и социальностью в современном мире. Показано, что важнейшей задачей позитивного развития современного человека и общества является гармонизация взаимодействий телесности и социальности на всех уровнях путём производства социальных установок, в которых телесное и социальное будут являться равноценными, взаимодополняющими составляющими для каждого конкретного человека и социума.

Ключевые слова: общество, противоречие, социальность, социум, телесность, человек

ACTUAL PROBLEMS OF THE CORRELATION OF PHYSICALITY AND SOCIALITY OF A PERSON IN MODERN SOCIETY

N. Zhidkova, M. Zhidkov*Russian State Social University**ul. Wilhelma Picka 4 bld. 1, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the relationship between human corporality and sociality in modern society, to identify problem areas of the corporal-social relationship in the 21st century, and to search for ways to overcome contradictions.

Methodology. The methodological basis of the article is formed by the methods of comparative analysis and comparative-historical approaches.

Results. It is shown that in the modern world a multi-level contradiction arises between human corporality and society, which is caused by the incompatible scale of socio-technical evolution with biological evolution, which is virtually invisible against the background of technical progress, resulting in the process of destruction of man as a corporal-social being. It is revealed that destructive manifestations

are largely due to the underestimation by society of the corporal factor of human existence, and this, in turn, threatens the existence of society and man.

Research implications. The study identified the reasons that give rise to the most significant contradictions between corporality and sociality in the modern world. It is shown that the most important task of the positive development of modern man and society is the harmonization of interactions between corporeality and sociality at all levels by producing social attitudes in which the corporeal and the social will be equivalent, complementary components for each specific person and society.

Keywords: society, contradiction, sociality, society, corporeality, man

Введение

Философская проблема соотношения телесности и социальности человека была актуальной во все времена. В современном обществе она приобретает особую остроту. XXI век – это время масштабных социально-политических, духовных, экономических потрясений. Но при этом это век глобальной цифровизации и развития информационных технологий, технологического прогресса, в том числе в сфере биотехнологий.

Проблема соотношения телесного и социального актуализируется такими кризисными проявлениями, как войны, терроризм, демография, голод и др. Выступая глобальными социальными проблемами, они оказывают непосредственное воздействие именно на тело человека и порождают возникновение противоречия между телесностью и социальностью.

Современные милитаристские практики стали более масштабными и массовыми. «Состояние войны и милитаризация общественных отношений и сознания, в свою очередь, ведут к росту удельного веса методик телесного принуждения и насилия в практике социального воспитания» [7, с. 118].

Тело человека всё больше используется как объект манипуляции при решении политических и социальных противоречий. Так, тело может использоваться как агент внедрения болезней (COVID-19, болезнь Эбола и др.). Глобальная цифровизация телесных данных также, по сути, уже привела к формированию рынка телесных данных как инструмента социального контроля.

Изменения в структуре социальных отношений актуализируют проблему соотношения телесности и социальности. Как

никогда ранее это касается гендерных отношений. Изменение подхода к восприятию своей гендерной идентичности ведёт к переосмыслению социальных ролей мужчинами и женщинами. Сохранение семьи и традиционных ценностей сегодня как никогда ранее является важнейшей задачей современного общества.

Таким образом, проблемы соотношения телесности и социальности затрагивают множество сторон существования человека в современном социуме. Возникает актуальная потребность в исследовании соотношения телесности и социальности человека XXI в., в единстве всех аспектов социального и телесного бытия.

Особенности соотношения телесности и социальности на рубеже XX века

Отношение к своему телу, восприятие себя как телесного существа у человека в XX в. претерпевают существенные изменения. В условиях социокультурного пространства происходило и формирование нового соматического сознания. Так, М. Шелер, описывая отношение к телу человека, писал: «XX век характеризуется новым ценностным отношением к телу – не только как к источнику труда и наслаждения, но и как к самому по себе значимому по красоте и форме ... Множество факторов ... указывают на систематическое возрастание влечений человека новой мировой эпохи, в противоположность односторонней сублимации характерной для прошлых эпох» [19, с. 110]. Философ считал, что характерной чертой «XX века является “возвращение к телесности” – как всеобъемлющее социальное явление, не-

обходимое для “выздоровления” человечества» [19, с. 110].

При этом во второй половине XX в. тело всё чаще становится «визитной карточкой» человека как части социума. Э. Фромм писал: «...поскольку успех в большинстве случаев зависит и от того, как человек умеет себя преподнести, преподать, продать свою личность, то он воспринимает себя в качестве товара или в качестве продавца, или одновременно в качестве и продавца и товара ... При этом, тело человека, как и его ум и душа, составляет его капитал. Задача человека – выгодно поместить этот капитал, извлечь выгоду из самого себя» [15, с. 200].

Тело человека в конце двадцатого столетия становится символом успешности и благополучия. Посредством тела человек демонстрирует свои профессиональные качества и принадлежность к определённой социальной группе. Красивое тело, одежда определённых брендов, ухоженный вид – всё это становятся признаками состоявшегося в карьерном и социальном плане человека. И. М. Быховская отмечает, что в XX в. биологическое тело всё более подчиняется социуму. При этом социум «вылепливает» его в соответствие с запросами общества [5, с. 162].

Гендерная проблематика также актуализирует проблемы соотношения телесного и социального. Интенсивные социально-экономические трансформации конца XX – начала XXI вв. также привели к изменению между полами и пересмотру представлений о гендерной идентичности, что в свою очередь порождает существенные противоречия в современной социальной системе. Отказ учитывать половую дивергенцию, характерный преимущественно для западного общества, ведёт к формированию огромного пласта негативных последствий. Прежде всего, это снижение рождаемости, разрушение института семьи, и, как следствие, рост диванного поведения среди несовершеннолетних, снижение уровня духовной культуры. Отказ от принятия своей телесной определённости ведёт к разрушению социальности

человека, его внутреннего духовного мира и социальных связей в обществе в целом.

Объективной потребностью является формирование такого производства гендерных отношений, при которых для человека его телесно (биологически) обусловленная сексуальность и его социальная определённость как мужчины и женщины выступали бы как единое целое при выражении его гендерной идентичности.

Характерной особенностью процессов взаимодействия человека телесного с социумом становится возросшая зависимость телесности от социальных факторов. Таким образом, процесс повышения телесной культуры в XX в. связан не с осознанием человеком его владения социальным статусом, телом, отчуждённостью в социуме, о которой писал Э. Фромм [16, с. 146], а напротив, пониманием, что его тело становится всё более чуждым ему, превращаясь, с одной стороны, в атрибут социализации, с другой – инструмент социального контроля.

Согласно М. Фуко, «Человеческое тело входит в машину власти, которая его изыскивает, расчленяет и воссоздаёт» [17, с. 530]. Дисциплинарный контроль проявляется и раскрывается в таких явлениях, как, например, сексуальность (возможность заражения или страх непристойности), микронаказания времени (опоздание или отсутствие), деятельность (невнимательность, небрежность, недостаточное усердие). При этом путём дисциплинарного контроля в таких дисциплинарных институтах, как, например, армия, школа, больница и т. п. формируются отличные друг от друга дисциплинарные тела [17, с. 531].

Противоречие между телесностью и социальностью в обществе XXI века

В современном обществе глобальной цифровизации тело становится механизмом социального контроля. Как отмечает П. Н. Барышников, «телесность, представленная в виде данных, является своеобразным мостом между приватной интероцепцией и формами её представления в социальном взаимодействии» [3,

с. 89]. «Всё более отчётливо прослеживается тенденция использования телесных данных в пространстве глобального рынка. Цифровизация телесной активности, в свою очередь, трансформирует социальный аспект взаимодействия. ... Телесные данные могут являться частью некоторых политических систем и уже представляют собой часть глобального рынка» [3, с. 92–95].

С другой стороны, тело всё чаще понимается как объект технологизации, улучшения и совершенствования. Тело становится «промежуточным конструктом природы, культуры и технологий» [18, с. 943]. Всё это приводит к размыванию границ человеческого тела. По сути, размывание границ тела и глобальная цифровизация телесных данных в современном мире – это взаимосвязанные и взаимообусловленные процессы. В XXI в. на первый план выходит вопрос корреляции цифровизации телесных данных, биотехнологий и естественной телесности человека. В совокупности эти процессы приводят к денатурализации естественного тела человека. Следствием такого положения становится дисгармония в восприятии человеком себя как телесного и социального существа. Будучи телесным, биологическим существом, наделённым чувствами, эмоциями, рефлексам, человек воспринимает своё тело как социальную данность и, по сути, отделяет себя от своего биологического тела, что приводит к дисбалансу всего человеческого существования.

Наблюдается набирающий обороты процесс денатурализации человеческой телесности, который обостряется рядом характерных проявлений. Прогресс биотехнологий, будучи в целом позитивным явлением, направленным на продление и повышение качества человеческой жизни, ставит под угрозу существование естественного человеческого тела, что может привести к превращению его некий артефакт. Современный человек для реализации запросов, предъявляемых к своей телесности, всё больше прибегает к использованию медикаментозных средств и хирургических вмешательств. Идеалами

красоты становится искусственность и неестественность.

Вмешательство в биологию человеческой телесности необратимо ставит под угрозу и существование индивидуальности человека в её самобытности. Так, например, возможность геной инженерии на клеточном уровне воздействовать на психологические особенности личности вполне объективно актуализирует нравственные вопросы формирования искусственно заданной индивидуальности.

Развитие информационных технологий кардинально меняет сущностные процессы соотношения и взаимодействия телесности и социальности человека. Сегодня процесс социализации «в значительной мере переместился в мультипользовательский мир, в пространство цифровой культуры, где личность в большей степени формируется как “Homo Cyberus”. Киберсоциализация принципиально меняет всю структуру сознания – от психофизиологического уровня до высшего, рефлексивного». [6, с. 2]. При этом формирование позитивного образа своей телесности как и прежде оказывает непосредственное влияние на формирование социальности индивида. Как пишет Е. В. Кузнецова, опираясь на свои исследования, «лицам подросткового возраста с высокими показателями принятия собственного тела характерны повышенные показатели самоконтроля в общении, коммуникабельности, самопринятия, адаптивности, сформированности социально направленных ценностных ориентаций» [9, с. 162].

Но сегодня виртуальное пространство становится если не доминирующим, то по крайней мере важнейшим и для первичной, и для вторичной социализации [8, с. 73]. Если ещё 10–20 лет назад мы утверждали, что основными институтами социализации личности, а также средой формирования образа своей телесности являются семья, коллектив, образовательное учреждение, работа, т. е. социальные группы и институты, в которых происходит непосредственное физическое взаимодействие людей, то теперь мы вынуждены

констатировать всевозрастающее влияние виртуальной киберсреды на формирование социальности, индивида.

Причём, отмечая и позитивные стороны включения индивида в виртуальное пространство, такие как, например, расширение возможностей обучения, мы фиксируем огромное количество негативных последствий погружения человека в виртуальный мир, непосредственно влияющих на его социализацию. Прежде всего необходимо отметить опасность возникновения у человека ложных представлений о собственной и чужой идентичности. Виртуальное общение, погружение в цифровую среду приводят зачастую к тому, что индивид наделяет себя и других теми социальными качествами и личностными характеристиками, которые в реальной (физической) среде не существуют.

Фактически происходит разрыв между телесностью человека и его социальностью. Так, например, в современных компьютерных играх с технологией виртуальной реальности любой может почувствовать себя гораздо более сильным и ловким. Актуальной проблемой современной молодёжи является не только всё большее погружение в виртуальный мир, позволяющий реализовать такую ложную самоактуализацию. Место реального сильного физического тела замещается его виртуальным двойником, при этом подмена происходит не только телесности, но и социальности, т. к. виртуальный образ наделяется и желаемыми социально-личностными характеристиками. И эта виртуальная среда, особенно для подростков, оказывается гораздо более комфортной и предпочтительной, нежели реальный физический мир. Но подобная проблема связана не только и не столько с всепоглощающим распространением компьютерных игр, а с тем, что основной средой межличностных, трудовых, образовательных коммуникаций становится виртуальное пространство.

Как пишет Б. В. Марков, «согласно сетевой модели главными медиумами информации являются нейронные сети мозга

и культурные паттерны, которые подсединяются друг к другу и образуют фреймы – устойчивые нервнопсихологические комплексы, а формирование таких структур открывает возможности манипуляции настроениями, желаниями и, в конечном счёте, поведением людей» [11, с. 150]. Как отмечает автор, «традиционная культура также символическая, но она сложилась исторически на основе телесных практик, а не искусственных технологий и проверена тысячелетним опытом выживания человечества. Сегодня же происходит виртуализация близких – телесных и межличностных отношений» [11, с. 151].

Таким образом, с одной стороны, развитие информационных технологий и формирование цифрового общества постепенно обнуляет телесность человека как естественного субстрата и носителя индивидуальности, социальности человека и фактически становится его виртуальным аналогом. «Интернету стало необходимо пространство для “контента” идентичностей, своего рода “сосуда для личности”. Пространство интернета требует выхода за пределы логики, ориентирующейся только на идентичности, содержание которых находится в офлайне, это должно быть пространство, где личность может полноценно раскрыть свой контент (внутренний мир) так, чтобы это могло послужить мотивом для создания социальных связей без знакомств в реальном мире». [2, с. 11]. Угрозы человеческой телесности возникают в результате неспособности разграничения виртуальной и традиционной реальности, в переносе опыта конструирования желаемого телесного образа из сети в действительность [4, с. 64]. При этом именно в «тело закладываются все нормы регулирования и вхождения в социальное пространство. Телесность раскрывается через сумму сформированных социальных знаков» [12, с. 133].

Телесность, как и на протяжении всех веков, продолжает являться «средством связи с реальностью жизненного мира человека. Человек ощущает собственную телесную целостность, обретая понима-

ние, что должны делать его руки и ноги, как должны слышать его уши и видеть глаза, и что он со всем этим может сделать. Телесность – это тело человека как конструкт в определённой социальной форме и определённом социальном пространстве, порог, одна из сторон раскрытия в человеке множества телесных практик. Общество через телесность конституирует цели в пространстве социального, этих целей человек достигает, сформировав человеческий образ. Сам человек ощущает собственную полноту, когда эта социально заданная цель свершается в его телесном образе» [12, с. 133]. «Человек и его “телесность” как и прежде имеет массу черт, особенностей и характеристик, которые выступают внутренними факторами, обуславливающими личность, поведение, организацию его собственной жизни» [14, с. 23]. При этом, если основной средой социализации становится виртуальная среда, при взаимодействии в которой телесные практики также приобретают виртуальный характер, возникает серьёзное противоречие между телесностью и социальностью, поскольку социально заданная цель, сформированная в виртуальном пространстве, зачастую также остаётся виртуальной и не может быть реализована в телесном образе.

С одной стороны, телесность остаётся важнейшим инструментом социализации человека, поскольку определённый, обусловленный социальным запросом образ тела является существенным при самопрезентации в социальной среде. Позитивный образ своей телесности всё ещё оказывает непосредственное влияние на процессы самоактуализации, социализации и формирования идентичности человека. Но, с другой стороны, проникновение информационной среды во все сферы жизни, включая личные коммуникации, досуг и работу, делает её важнейшей средой социализации человека, фактически обнуляет ценностные составляющие телесности человека.

Опасность киберсреды имеет две плоскости: во-первых, взаимодействие в виртуальной среде не предполагает фи-

зического общения, а, следовательно, не требует самопрезентации через телесность, с другой стороны, в ней часто формируется ложные представления как о своей, так и чужой телесности и социальности. Важнейшим становятся задачи, направленные на развитие телесной и социальной осознанности, саморегуляции и самоактуализации личности [10, с. 209]. Признавая неизбежность дальнейшего развития информатизации, актуальной становится задача гармонизации или даже синхронизации материального и виртуального пространств как взаимодополняющих факторов социализации современного индивида.

Существует ещё одна существенная проблема, бросающая вызов всему существованию человека как телесно-социального существа, – это развитие технологий искусственного интеллекта и робототехники.

Распространение технологий искусственного интеллекта в социально-экономической и производственной сферах уже сейчас приводит к вытеснению человека из ряда производственных процессов и потере рабочих мест. По сути, при создании помощника образуется конкурент, который может со временем превратиться в соперника. Появляется даже термин «социальная роболичность». Как пишет А. Ю. Алексеев, «Роболичность – это не из сферы научной фантастики. Это – факт современной культуры и современной социальной жизни... Саудовская Аравия объявила о присвоении гражданства роботу “София”» [1, с. 39]. При этом Ю. Ю. Петрунин отмечает, что «использование методов искусственного интеллекта напрямую связано с нашим пониманием того, что есть человек» [13, с. 108]. Более того, в настоящее время вполне объективно ставятся такие философско-этические вопросы, как наделение искусственного интеллекта личностными характеристиками, ответственность искусственно интеллекта при принятии им решений и т. п.

Человеку, его телесности, его когнитивным способностям, его месту в социуме начинает противостоять артефакт, значитель-

но превосходящий человека в способности по переработке информации, выполнению различных трудовых функций, и, более того, «претендующего» на способность к творчеству, что уже есть притязание на место в человека в духовной культуре.

Заключение

Таким образом в современном мире возникает глобальное противоречие телесного и социального, обусловленное несовместимыми масштабами социально-технической эволюции с эволюцией биологической, которая на фоне технического прогресса фактически незаметна.

Глобальные проблемы современности, такие как войны, экология, демография и т. п., являясь продуктами социума, оказывают непосредственное воздействие на биологическое тело человека, ставя под угрозу само его существование.

Усиление процесса подчинения телесного влиянию социума осуществляется не только в сферах, оказывающих непосредственное воздействие на тело (например, биотехнология, медицина, экология), но и повсеместно, на разных уровнях социального взаимодействия (замена человека системами искусственного интеллекта в социальной и производственной сферах, цифровизация телесных данных и использование их для социального контроля, развитие технологий виртуальной реальности и т. п.).

Наше исследование позволяет выделить четыре основных фактора, сформировавшиеся в первой половине XXI в. и ведущих к обострению противоречия между телесностью и социальностью в современном обществе.

1. Одновременное существование двух противоположных установок и тенденций ценностного восприятия телесности: сохранение важности телесной репрезентации в естественной социальной среде и обнуление сущностных характеристик телесности как естественного субстрата и носителя социальности и индивидуальности в киберсреде.

2. Формирование нового формата социального контроля над человеком посред-

ством накопления и использования телесных данных в информационной среде. Совокупность телесных данных, по сути, начинает использоваться как инструмент манипуляции и конструирования неестественной, а заданной извне социальности.

3. Угрозы разрушения социальности человека, вызванные процессами, направленными на исключение фактора естественной телесности при формировании гендерной идентичности. Отказ от принятия телесности как важнейшей и определяющей составляющей человеческой идентичности ведёт к деморализации общества и разрушению таких важнейших социальных институтов, как брак, и семья.

4. Развитие биотехнологий, генной инженерии, других направлений науки, направленных на манипуляции с человеческим телом помимо очевидных позитивных факторов, запустило прогрессирующие процессы денатурализации естественного (биологического) тела человека.

Всё это в совокупности ведёт к утрате телесной идентичности и, как следствие, обесценивает и ставит под угрозу существование естественного тела человека как сущностной составляющей человека. Процесс разрушения человеческой телесности влечёт за собой и негативные изменения в структуре его социальности.

В обществе XXI в. наблюдается процесс деструкции человека как телесно-социального существа. Прогрессирующие деструктивные проявления в обществе с нашей точки зрения во многом обусловлены недооценкой социумом телесности человека.

Очевидной задачей является гармонизация взаимодействий телесности и социальности на всех уровнях путём производства социальных установок, в которых телесное и социальное будут являться равноценными, взаимодополняющими составляющими как для конкретного человека, так и для всего социума.

Статья поступила в редакцию 30.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А. Ю. Мультиагентные категории робофилософии: роболичность и робозомби [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2020. Т. 15. Вып. 2. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800009761-6-1> (дата обращения: 04.06.2024). DOI: 10.18254/S207751800009761-6
2. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к Я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2010. № 1. С. 3–21.
3. Барышников П. Н., Атакуев М. Н. Социальные функции интероцепции и глобальный рынок телесных данных // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 1. С. 83–98. DOI: <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.1.5>
4. Бекарев А. М., Пак Г. С. Угрозы телесной идентичности в префигуративной культуре // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 1. С. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>
5. Быховская И. М. “Homo Somatikos”: аксиология человеческого тела. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 208 с.
6. Быховская И. М., Горяинова О. И. Социализация и инкультуризация личности: сравнительный анализ общественно-значимых практик [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2021. № 1. URL: <http://cult-cult.ru/socialization-and-inculturation-of-the-individual-a-comparative-analysis-of-soci> (дата обращения: 04.06.2024).
7. Горлова И. И. Баниже О. О. Телесность, телесные практики и телесный код в аспекте проблематизации // Право и практика. 2015. № 7. С. 117–123.
8. Горяинова О. И. Диалектика социализации: миф и культурный сценарий // Власть. 2013. № 1. С. 72–75.
9. Кузнецова Е. В. Взаимосвязь образа «Телесного Я» и социализация подростков // Вопросы педагогики. 2021. № 7. С. 157–162.
10. Лебедев Н. С. Гносеологические основания развития личностного мышления: от телесной и социальной осознанности к нравственной проблематике // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 2. С. 207–218. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-207-218>
11. Марков Б. В. Телесная память и цифровая коммуникация // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 149–160.
12. Морозова О. О. Телесность человека- соединение социального и экзистенциального // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 6. Ч. 1. С. 131–135.
13. Петрунин Ю. Ю. Искусственный интеллект: путь к будущему? // Философские науки. 2018. № 4. С. 96–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-4-96-113
14. Пучков О. А. Антропологический подход в генетико-правовых исследованиях // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4 (35). С. 20–26.
15. Фромм Э. Здоровое общество / пер. Т. В. Банкетовой, С. В. Карпушиной // Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.: Юрист, 1995. С. 275–565.
16. Фромм Э. Человек для себя // Бегство от свободы. Человек для себя / пер. Д. Н. Дудинской. М.: Попурри, 2000. С. 367–667.
17. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. В. А. Шкуратова // Культурология / под ред. Г. В. Драча. Ростов н/Д: Феникс, 2001. С. 520–540.
18. Чапны Е. В. Влияние нейронаук на понимание телесной обусловленности когнитивных процессов: социально-антропологический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 940–956. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-940-956>
19. Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные произведения / пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова. М.: Гнозизд, 1994. С. 98–128.

REFERENCES

1. Alekseev A. Yu. [Multi-agent Categories of Robophilosophy: Robo-ness and Robo-zombies]. In: *Iskusstvennye obshchestva* [Artificial Societies], 2020, vol. 15, no. 2. Available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800009761-6-1> (accessed: 04.06.2024). DOI: 10.18254/S207751800009761-6
2. Asmolov A. G., Asmolov G. A. [From We-media to I-media: Transformations of Identity in the Virtual

- World]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psihologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2010, no. 1, pp. 3–21.
3. Baryshnikov P. N., Atakuev M. N. [Social Functions of Interoception and the Global Market of Body Data]. In: *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva* [Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace], 2021, no. 1, pp. 83–98. DOI: <https://doi.org/10.17726/philIT.2021.1.5>
 4. Bekarev A. M., Pak G. S. [Threats to Body Identity in Prefigurative Culture]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2024, no. 1, pp. 64–73. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-1-64-73>
 5. Byhovskaya I. M. “*Homo Somatikos*”: *aksiologiya chelovecheskogo tela* [“Homo Somatikos”: Axiology of the Human body]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 208 p.
 6. Byhovskaya I. M., Goryainova O. I. [Socialization and Inculturation of the Individual: A Comparative Analysis of Socially Significant Practices]. In: *Kul'tura kul'tury* [Culture of Culture], 2021, no. 1. Available at: <http://cult-cult.ru/socialization-and-inculturation-of-the-individual-a-comparative-analysis-of-soci> (accessed: 04.06.2024).
 7. Gorlova I. I., Banizhe O. O. [Corporality, Bodily Practices and Body Code in the Aspect of Problematization]. In: *Pravo i praktika* [Law and Practice], 2015, no. 7, pp. 117–123.
 8. Goryainova O. I. [Dialectics of Socialization: Myth and Cultural Scenario]. In: *Vlast'* [Power], 2013, no. 1, pp. 72–75.
 9. Kuznecova E. V. [The Relationship between the Image of the “Bodily Self” and the Socialization of Adolescents]. In: *Voprosy pedagogiki* [Issues of Pedagogics], 2021, no. 7, pp. 157–162.
 10. Lebedev N. S. [Epistemological Foundations for the Development of Personal Thinking: from Bodily and Social Awareness to Moral Issues]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya* [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 2023, no. 2, pp. 207–218. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-2-207-218>
 11. Markov B. V. [Bodily Memory and Digital Communication]. In: *Filosofiya hozyajstva* [Philosophy of the Economy], 2022, no. 1, pp. 149–160.
 12. Morozova O. O. [Human Corporeality: A Combination of the Social and the Existential]. In: *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues], 2016, no. 6, pt. 1, pp. 131–135.
 13. Petrunin Yu. Yu. [Artificial Intelligence: The Path to the Future?]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2018, no. 4, pp. 96–113. DOI: 10.30727/0235-1188-2018-4-96-113
 14. Puchkov O. A. [Anthropological Approach in Genetic and Legal Studies]. In: *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Law and Order: History, Theory, Practice], 2022, no. 4 (35), pp. 20–26.
 15. Fromm E. The Sane Society (Rus. ed.: Banketova T. V., Karpushina S. V., transl. *Zdorovoe obshchestvo*. In: *Psihoanaliz i kul'tura: izbrannye trudy Karen Horni i Eriha Fromma* [Psychoanalysis and Culture: Selected Works of Karen Horney and Erich Fromm]. Moscow, Yurist Publ., 1995, pp. 275–565).
 16. Fromm E. Man for Himself (Rus. ed.: Dudinskaya D. N., transl. *Chelovek dlya sebya*. In: *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from Freedom. Man for Himself]. Moscow, Popurri Publ., 2000, pp. 367–667).
 17. Foucault M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison (Rus. ed.: Shkuratov V. A., transl. *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdenie tyur'my*. In: *Kul'turologiya* [Culturology]. Rostov on Don, Feniks Publ., 2001, pp. 520–540).
 18. Chapny E. V. [The Influence of Neuroscience on the Understanding of the Bodily Determinacy of Cognitive Processes: Socio-Anthropological Aspect]. In: *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy], 2023, vol. 27, no. 4, pp. 940–956. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2023-27-4-940-956>
 19. Scheler M. Man in the Era of Equalization (Rus. ed.: Denezhkin A. V., Malinkin A. N., Fillipova A. F. *Chelovek v epohu uravnivaniya*. Scheler M. *Izbrannye proizvedeniya*. Moscow, Gnoizd Publ., 1994, pp. 98–128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жидкова Наталья Сергеевна – кандидат философских наук, доцент, руководитель центра развития образовательных программ Российского государственного социального университета;
e-mail: zhidkovaNs@rgsu.net

Жидков Михаил Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры антикоррупционной деятельности и общественного противодействия Российского государственного социального университета;
e-mail: zhidkovMa@rgsu.net

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia S. Zhidkova – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Head of the Center for the Development of Educational Programs, Russian State Social University;
e-mail: zhidkovaNs@rgsu.net

Mikhail A. Zhidkov – Cand. Sci. (Sociology), Assoc. Prof., Assoc. Prof., Department of Anti-Corruption Activities and Public Counteraction, Russian State Social University;
e-mail: zhidkovMa@rgsu.net

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жидкова Н. С., Жидков М. А. Актуальные проблемы соотношения телесности и социальности человека в современном обществе // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-96-105

FOR CITATION

Zhidkova N. S., Zhidkov M. A. Actual Problems of the Correlation of Physicality and Sociality of a Person in Modern Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 96–105.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-96-105

УДК 233

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЮТСЯ ЗВЁЗДЫ. ЗА РУБЕЖОМ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Ильин В. В.*Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана, Калужский филиал
248000, г. Калуга, ул. Баженова, д. 2, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Развернуть философско-политическую модель совершенного миропорядка.**Методы.** Компаративная оценка глобальных проектов мироустройства в створе атлантистской и планетарной солидарности.**Результаты.** Рефлексия обмирщаемого Западом мирового порядка в терминах “The West against the rest” подводит к необходимости глубоких содержательных преобразований социально-политической апологии и технологии для наращивания договорной культуры, отказа от тотального соперничества в пользу перспективного сотрудничества.**Теоретическая и/или практическая значимость.** Объективная логика выживания человечества в дефицитном, ресурсно оскудевающем мире взыскует перестройки философии истории в направлении отказа от «избранности» отдельных народов и их ассоциаций с переходом на толерантную платформу «родового выживания».**Ключевые слова:** Запад, мир, совершенный общечеловеческий мировой порядок, сотрудничество, человек

WHERE THE STARS END. BEYOND HUMANITY

V. Ilyin*Bauman Moscow State Technical University (National Research University), Kaluga Branch
ul. Bazhenova 2, Kaluga Region, Kaluga 248000, Russian Federation*

Abstract

Aim. To expand the philosophical and political model of a perfect world order.**Methodology.** Comparative assessment of global world order projects from the standpoint in terms of Atlanticist and planetary solidarity.**Results.** The reflection of the world order being pacified by the West in terms of “The West against the rest” leads to the need for deep meaningful transformations of socio-political apologia and technology to build up contractual culture, abandoning total rivalry in favor of promising cooperation.**Research implications.** The objective logic of mankind’s survival in a scarce, resource-impooverished world demands a restructuring of the philosophy of history in the direction of rejecting the “selectivity” of individual peoples and their associations with the transition to a tolerant platform of “generic survival”.**Keywords:** West, peace, perfect universal world order, cooperation, man

Введение

Обретение человечности, предотвращение распада субъектности... Вся постсократовская философия, преодолевая наивный физиологизм в нащупывании эвристических потенций антропологии, озабочивалась поисками крепкого самоосновного человека.

В архаичной доктрине намечались углы зрения

– Платона, введившего абстрактную логоцентричную эйдетическую трактовку homo как существа сверхчувственного;

– Антисфена-Диогена, провозглашавших образ жизни поглощённого житием по «частным надобностям» космополитичного асоциального обывателя – невыведанного homo – существа чувственного.

Дихотомия «отчуждённая сущность» – «включённое существование» в толковании характера homo инкорпорировалась из древней в современную философскую антропологию, обрела контур концептуальной альтернативы «духовное» (гуманитарная определённости) – «телесное» (плотская данность).

Территория человечности, как прежде, так и ныне, осваивается на контргалсах, что таит безусловный дефект формально узкоформатной тематизации природы «высшей сферы мироздания» в терминах то «культуры», то «натуры». Одно упирает на «пайдейю», иное на «фюсис», обрекая версификацию на досадное несообразие частичности.

Дело не исчерпывается сказанным. На поверку возвышенно-патетические и приземленно-профанные выражения стати homo – плоды завуалированной единоначально предвзятой интерпретации человека как «продукта»: апологетов «пайдейи» – социальных; апологетов «фюсис» – телесных трансмутаций. В обоих случаях центрируется наведённое преодоление: экспериментальное преобразование, порождение, возвращение.

Проекты homo novum

Парадигма устроительства, юркого преображения, зуда перемен поглотила созидание нового мира, лучшей жизни, совершенного члена общества. «Обновление человека», обрета поистине вселенский размах, овладело умами литераторов, художников, политиков, физиологов, интеллектуалов. Что случилось с затеей выведения невиданной человеческой породы от

«белокурой бестии» до homo socialisticus, хорошо известно. Стоит напомнить лишь С. Булгакова: товарищи (в том числе и приснопамятные partagenosen) кажутся мне «существами, вовсе лишёнными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян...» [1, с. 4].

В данном пункте, представляется, со всех точек зрения уместно фиксировать упразднение человечности. Как предвещал Гораций: infelix operis summa, quia ponere totum nesciet (жалкий в итоге творец! Ни за что он создать не сумеет целого). Целостного существа и целостную картину целостного существа.

Большевики поставили вначале, по выражению Троцкого, на «коллективного человека», пределы могущества которого «определяются лишь познанием естественных сил (физикализм! – В. И.) и умением использовать их». По краху натуралистического выведения из «дарвиновской» обезьяны «просветлённого» двуногого без перьев с прогрессивным взглядом на мир (бухаринские тшания в Институте человека) акцент перенёсся на дидактику с романтически-казуистическим, филантропически-тираническим «Моральным кодексом строителя коммунизма». Насилие над человеческой статьёй и тут провалилось. Ввиду многообразных переплетающихся, впрочем, очевидных причин проект homo soveticus лопнул; наконец, выявилось: будучи архаичной общественной силой, пролетариат и его политический «авангард» – руководитель и организатор всех советских «побед» – коммунистическая партия не способны соиздать никакую социально-историческую новь¹.

В то же самое время, отрабатывая цивилизационную стратегию обработки первозданного человека in crudo, Запад избрал линию homo consumens. Индивидуалистически-нигилистический культ наживы, приобретательства, бытового комфорта, прагматической достижительности взвёлся в высшее правило жизни [3]. Как выводил Шопенгауэр, для

¹ Ильин В. В. Политология: учебник. М.: КДУ, 2018. 321 с.

злых, эгоистических лиц «между Я, ограниченным ... собственной личностью, и не-Я, охватывающим остальной мир, существует широкая пропасть, огромная разница: их принцип «*Pereat mundus, dum ego salvus sum*» (пусть погибнет мир, только бы я был цел).

Точка исчезновения человечности на Западе, таким образом, – упрочение бездуховной несолидарной атомарности. Она же и точка антигуманитарного перерождения западного общественного сознания, западной интеллектуальной корпорации.

Вся постсократовская философия в течение 25 веков искала человека, чтобы на рубеже XX–XXI вв. – в современности – обнаружить обвал, распад во все времена утверждаемых смыслов, непреходящих устоев, ценностей, с которыми, собственно, *arte magistra* она выходила на общественную площадку родового служения, адресовала сокровенную правду о человеке и гражданине *urbi et orbi*. Именно здесь, используя мысль Цвейга, начинается трагедия. Всесторонняя, всеохватная, непреодолимая, невосполнимая; – в человеке упраздняется человеческое: та духовно-нравственная основа, на которой первоисточно осуществлялось самостроительство и лица, и социума.

Рефлексивным закреплением ситуации выступает «отмена» человечности в результате провала во внегуманитарную *modernity*, которую Хабермас почему-то квалифицируют «незавершённым проектом» [8]. Напротив, не имеющий аналогов в прошлом (эпохальные скачки от Античности к Средневековью, от Средневековья к Новому времени) нынешний фазовый переход первого рода, именуемый «модерн» и характеризующийся разрушением общеродовой линии вершения истории, пролонгации существования посредством достижения согласия в главном – целях, средствах, ценностях обустройства общего планетарного дома, реализации совокупного действия, вполне последовательно расстраивающий платформу договорной кооперации единиц человечества, – однозначно обладает атрибутикой полноты,

завершённости, по степени охвата определяет все «верные положения», которые вытекают из принимаемой Западом версии наличного миропонимания.

Если последнее выставлять некоей материальной (неформальной) аксиоматикой, где смысловое значение концептов изначально задано, базовой интерпретацией утверждений окажется западная картина действительности с легислативным ядром “*The West against the rest*”, какая и будет предобуславливать как истинность, так и выводимость всех имплицитных производных.

В кругу данного семантически полного, завершённого проекта никакое общемировое согласие не желательно и не допустимо; никакое единство человечества не установимо; в современной дефицитной жизни каждый спасается самостоятельно; западный «золотой миллиард» выживает за счёт других всех.

Прагматический нигилизм по адресу общечеловеческого согласия, не оставляя камня на камне от социально-политических идеалов кооперативности (продумываемых многими – от Гоббса, Локка, Руссо, Вольтера, Гольбаха до Парка, Вирта, Ньюкома), справедливости (осмысливаемых – от Аристотеля, Бентама до Ролза), выбивает последние подпорки из-под достижения солидарного слаженного поведения, истребляет санкционную базу взаимности. Наряду с парциальностью социальной (Запад) выпячивается парциальность индивидуальная (западный человек): анонсируется свобода абсолютно самостоятельной самостийной волюнтарной субъектности. Системный нигилизм усиливается системным эгоизмом, на что в качестве болезненных продромов указывали упоминаемые нами ранее [4] западные критики Запада.

Итак, диагноз выставлен: *status evanescens* западной котерии – превращение индивида, используя слог Гегеля, в абсолютную форму, непосредственную достоверность себя самого, бытие безусловное, а с тем – тлетворная аннигиляция родовой миссии, аннуляция космического призвания человечности.

Изъяны атлантизма

Достоинство вергилиевой разрядной эмоции: *mirabile dictu*: свершаемый Западом цивилизационный марш-бросок венчается заходом «в никуда»; коллективное шествие атлантизма подвело к злоключению не преизбытка жизни, а её оскудению. Путь к материальному пресыщению оказался дорогой растратой позитивного, торжеством негативного: используя образ того же Вергилия, – снижением потолка притязаний до уклонения от восхождения к звёздам.

Тело без души. Может ли быть что-то печальнее такой антропологической ниши?! Коловращение в экзистенциально пустом топосе «4 Б» – бездуховность, беспринципность, бессмысленность, безмысленность... Воистину здесь кончаются звёзды. Только как тут жизнедействовать не до конца растраченной божьей твари, которая, по Августину, всегда выше «самого лучшего тела»?

Nos opus, hoc studium.

Не хуже пускавшего в розыск человека среди бела дня с факелом в руке Диогена поисковыми разведочными работами по обнаружению человечности, обретению субъектности занимаются западные конструкторы современного эпохального сомосознания, усматривающие свою задачу в дистанцировании от просвещенческих упований на то, что сила человеческой мысли и действия будет способствовать нравственному совершенствованию, прирастанию справедливости общественных институтов, персональному счастью людей [8].

Просвещенческое и современное толкование новой цивилизационной эпохи – «модерна», отмечалось ранее, с содержательной стороны не равнообразно; отличие обусловлено конечным замыслом благоустройства гуманосферы в её вселенской или западной ипостаси [4]. Простодушные филантропы прошлого полагали благодетельствовать человечество; ушлые прагматики настоящего – его западную составляющую. «Модерн» для всех – проект не завершаемый, он содержание строи-

тельной техники *in potentia*; «модерн» для атлантизма – проект завершаемый, он содержание разорительной (неоимпериалистической) техники *in facto*.

Могут ли разные пребывать равными? Стремление быть вместе – опосредуемо ли усугублением розного? Единство в различии – достижимо ли? Это-то и составляет коллизию современного существования, обременяемого проблемой единства человечества: путь в (пускай не «светлое», но гарантийное) будущее налаживается ли совместными или несовместными усилиями? Проект модерн принимается ли в просветительском или атлантистском исполнении?

Профессиональное назначение философии – симптоматическая стереоскопия происходящего с целоеоснащением, что нам «делать с нами самими». Как верно формулирует Рорти, это – ответ на «потребность увязать всё на свете – все события, всех (! – В. И.) людей, все идеи – в некий единый контекст, который каким-то образом оказался бы естественным, предопределённым и единственно возможным»; единственно значимым для фиксации «смысла человеческой жизни», ибо в нём бытие человеческое «будет явлено в истинном свете» [6, с. 31].

Подобный, с позволения сказать, классический интеллектуальный ход отображает универсальное умонастроение традиционной социально-политической философии развёртывать эссенциалистскую картину объективной реальности самой по себе, с которой отображательно соотносятся человеческие преобразовательные устремления.

Современное неклассическое социально-философское представление сугубо ревизует принятые ранее поисковые установки. Буквально во всех частях:

- в онтологии: отменяя идею сущностной действительности как нормативного коррелята субъективных самоосуществлений, центрирует частный «интерес»;

- в гносеологии: избавляясь от признания «истинного света» явлений, прокламирует скептицизм;

– в антропологии: исключая поведенческий универсализм, провоцирует самодовлеющий релятивизм (конфликтный автаркизм).

В итоге демонтируется процессообразующее понятие «естественного» тока жизни с выверенной и более или менее точно установимой нормой «правильного, здорового, совершенного», которое (понятие) действительно конституирует интеракцию (общество, государство, лицо, их взаимосвязи), что и в теории, и на практике признавалось всеми, сторонящимися девиаций (шизоанализа, аномии) с XVI по XX столетие [2, с. 254].

С XX–XXI вв. навязывается корыстная повестка общества атлантистского модерна с вестернизированной (политически не всеобщей) инструментальной рациональностью, «аргументировано» глобализирующей интересы Запада, устанавливаемого им недоговорного мирового порядка (МП). Прорисовывается и своеобразная злонамеренная рефлексивная динамика с этапами

– директивная рациональность: тотальное переустройство общественных отношений по началам разума; прямая калька: принципы целесообразно организованной Всевышним природы имплантируются в целесообразно организуемое человеком общество;

– кризис директивной рациональности: многочисленные турбуленции – спонтанные войны, потрясения, встряски, возмущения, отсутствие равенства, социальной справедливости, прочие катаклизмы планируемого развития навевают осознание невозможности «малого» архитектора выполнять миссию архитектора «великого»; человек не способен вырабатывать, воплощать план «разумно организованной социальности»;

– индикативная рациональность: радикальный отказ от интенсивного технологического вмешательства в естественный ток вещей: революции истинны как цели и ложны как результаты; ставка на мелиоризм, принятие установки «есть как есть», «будет как будет», – стимулировали аполо-

гию непредустановленного финализма в лице «идеального» открытого общества с либерально-рыночной демократией;

– кризис индикативной рациональности: у предела мечтаний социального прогрессизма «открытого общества» появились враги, осознавшие: основание открытости, благоустроенности «идеального» общества – закрытость, неблагоустроенность иных общественных структур, своей «отсталостью» обеспечивающих процветание избранных.

Tria juncta in uno:

– фиаско атлантистской интерпретации современной *modernity* как коварно-корыстного замысла вестернизации мира;

– обвал идеала социальной «открытости» (тем более на фоне а) более вирулентной пандемии в западных демократиях; б) ужесточающейся борьбы с надвиганием аллохтонов);

– кризис просвещенческой идеологии создания совершенного гражданского строя по предписаниям *Ratio*,

– сугубо актуализировали многозначительную концептуальную и прикладную заботу: учреждение общественного порядка во внутренней и внешней политике.

Принципиальный ответ Запада на этот вызов «заботы забот» – артикуляция монологизма и монополизма собственного глубинного государства. В самой прямолинейной и парадоксалистской форме принимается (антидемократически-антилиберальный) этатизм, под фирмой скрытой полномочной субъектности наделяемый едва не абсолютной властью. К стилиеобразующим атрибутам вестерна эгоизму-нигилизму присовокупляется этатизм-абсолютизм. Оформляется беспрецедентная тетрадная конфигурация, скрепляющая социальную тотальность Запада.

Не теизм, не секулярность; не вера, не безверие; не знание, не невежество выступают орудием упорядочения западного образа жизни; им оказывается патерналистский ресурс *deep state* (тормозящий, к слову, участников нынешней президентской гонки в США как от республиканской, так и демократической партии).

Безликая, безличная государственная машина – она, по выражению Токвиля, не составляя наследственного достояния какой-либо фамилии, «исходит от совокупности (! – В. И.), представляет всех», подчиняет права лица «общей воле» [7, с. 134].

Итак, в делах внутренних – патернализм. В делах внешних, используя фигуру Ницше, – перпективизм, истолковывающий реальность как антагонистическое пространство конфликтных интересов, частных незаконных, но самоценных воле к власти, конституирующих мир в горизонте «перспектив мира» [5].

Герменевтическая стратегия мировосприятия в терминах «своевольности» обретает плоть политической стратегии мировосприятия в терминах «своевольности овладения миром». Ввиду присвоенного Западом самому себе монопольного права на аутентичность предлагаемая им интерпретационная стратегия МП объявляется единственно возможной. Ведь если мир есть модус (перспективной) точки зрения, он является предметом в неё вовлечения; иначе говоря, – порабощения.

Концептуальный перпективизм прагматически удостоверяет атлантистский авантюризм, захватничество в зависимости от детерминирующих взгляды на мир конъюнктурных потребностей («потребности, – высказывает Ницше, – вот что истолковывает мир»). В полном согласии с ницшеанской методологией Запад создаёт тот мир, как он выглядит («должен быть») с западного угла зрения (с эпистемологических позиций перед нами легализуемый уже постмодернизмом стандартный «плюрализм интерпретаций»; между тем, принимая во внимание сверхумозрительный контур далеко не безобидных политических и военно-технических экзерциций, дело получает одиозный привкус деятельности безответственности).

В перedelке Западом на свой лад общечеловеческих ценностей вкупе с насильственным монологическим их обмирщением пробивается ли звёздный свет надежды? Что делать незападной конгрегации «всех» – исключаемому из числа при-

вилегированных цивилизационному “the rest”? Во время оно Ницше, развязывая ресурс человеческой креативности, призывал к неуёмному миротворчеству [5, с. 276]. Но по каким лекалам?

Отбирая последнее, мы вновь отступаем на исходные рубежи развилочного состояния: универсальный проект модерн Просвещения – парциальный проект modernity вестерна (выбывающийся из данной «духовно-практической» альтернативы ницшеанский проект волюнтарного креативизма, выпадающий из обоймы рационально удостоверяемых проектов, весьма точно квалифицируется как конгломерат мифологически выраженных вычурных идей, представляющих «иное» ratio [9]).

Грандиозность безумия не укладывается в сознании, – высказывал Г. Уэллс. Но именно безумие сказывается в грандиозности усилий западных проектировщиков политического сознания распространить, привлекая мысль Хоркхаймера, «интеллектуальный империализм абстрактного принципа эгоизма, составляющего ядро ... либералистской идеологии» (и отмеченного выше прочего) на усиление раскола частей человечества, элиминацию рационального начала сплавивания планетарного сообщества [10, с. 26–27]. В апологии и технологии Запад разрушает самый цимес человеческого существования как обретения благотворной конкордии единства в различии, а с тем оправдывает отказ от допущения некоей описываемой разумом сущностной реальности, освоение которой приближает общечеловеческое согласие [6]. Вождение частного благополучия отменяет поиск общечеловеческой природы, универсального ядра «праведной человеческой жизни», политического рецепта совершенного, справедливого «всемирного общества» [6].

In autem: к философии можно относиться по-разному – от полного прития (метафизика) до полного неприятия (антиметафизика), но только философия способна решать в учреждении родового согласия – некоего терминального месторазвития, средостения прогрессистских устремле-

ний, на какое, как на тейяровскую точку Омега, проецируются силовые эффективных улучшений, имеется ли звёздный пункт искупления, или на человечестве лежит несводимое проклятие первородного греха, братоубийственного восстания Каина на Авеля, исключаящее успешное действование?

Поставим вопрос ребром: блокирующая оформление интернационального единства человечества тлетворная каинова печать, – ликвидируема ли? Решение, понятно, упирается в складывание соответственного человека. Не *homo fictus*, *homo simplex*; – но *homo universalis*. Западный типаж сапиента – *homo particularis*, *homo sapiens ferus*, *homo consumens* на такую роль никак не подходит. Некомпенсируемая ошибка западной антропо-философской, антропо-политической сценографии мира, – наивная и опасная вера в то, что *homo occidentalis* дано спастись самоисключительно.

И в теистической, и в секулярной редакции социального эволюционизма такая сценография не выдерживает никакой критики.

Заключение

Для простоты экспликации будем исходить из традиционной креатологической версии миропонимания, структурными звеньями которой выступают «творение – грехопадение – искупление». После реформаторских новаций Тейяра и в теологии, и в историологии требуется принимать во внимание две капитальные вещи:

- трёхосновный контур человеческой драмы представляют не события, но процесс;
- человечество – не парциальный, но солидарный субъект, действующий по предписаниям коллективного – тотального – разума.

Отсюда в апологии: известное место из книги пророка Иеремии «Спаси, Господи, народ твой» (Иер. 31:7) правильно толковать с позиций не племенных, но глобалистских (в другом месте Ветхого Завета – в Псалтири – утверждается: «Блаженны все (! – В. И.), уповающие на Господа»

(Пс. 2:12)): спасению подлежит не только народ иудейский, но вся полнота человечества. В любом случае трактовка: спасение «племени западного» за счёт других, не отвечая ни букве, ни духу Святого Писания, должна быть предана анафеме как еретическая узурпация. Охранную грамоту на движение в будущее получают либо все, либо никто.

Отсюда в технологии: искупление от грехопадения – спасение – может быть делом судьбы коллективной, всеохватно преодолевающей эгоизм-нигилизм западной частной субъектности.

Высказанное, реорганизуя риторический и эвристический строй размышлений, обуславливает архитектонику разработки релевантных сюжетных линий. Перемещение на «правильную» сторону философии истории предусматривает:

- 1) современный глобалистский дискурс резонно освободить от иудейских коннотаций «избранности», избавляясь от эстафетности: счастье удачи, посетив народ израилев, снизойдет и на народ западный. Последний не лучше и не хуже других, – «один из», – входит в планетарное сообщество равнодостоинных заслуживающих счастья народов;

- 2) поиски счастливой доли – общее место жизнеисканий (рыба ищет где глубже, человек – где лучше), но не за счёт, не в ущерб другим. «Идейно-практическая» конфронтация с цикличкой «вызов-ответ» воспроизводит унылый интерьер политического раппорта: всякое нагнетение (пропагандистское, военно-техническое) ассистируется равномошным сдерживанием, заводя в безнадёжные тупики конфронтационной безответственности;

- 3) человечеству не хватает договорной культуры, дефицит которой способна покрыть новая глобальная философия, анонсирующая не соперничество, но перспективное сотрудничество («мир» в семантике «согласие») в качестве магистрали выживания на изнашивающейся планете («мир» в семантике «земной шар»);

- 4) нащупывание рецептов совершенного общечеловеческого миропорядка пред-

усматривает нетривиальное концептуальное маневрирование, взysкyя прорывов в таких отсеках фундаментальной философской теории, как:

– аксиология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек, имеющий возможность грешить, перестаёт грешить (аутентичное августовское *posse peccare et non peccare*);

– символия, обременяемая прояснением: в каких случаях человек, утрачивает модус *ens realissimum*: становится вообразительным существом, силой фантазии сотворяет сущее;

– праксиология, обременяемая прояснением: в каких случаях от символов наших возгорается сердце наше, сподвигая на добычу хлебов праведных (Лк. 24: 32–35);

– антропология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек уникаль-

ный обнажает стать человека универсального, заявляет в деятельности причастие родовой форме;

– гносеология, обременяемая прояснением: в каких случаях человек практический становится человеком утопическим, подменяет действительное модельным – выходит из реалиса в кондициалис, из фактива в контрфактив, из актуатива в посессив, постигая и достигая чаемое.

Обобщая, от современной философской теории жизнь требует новой антропокоsmодии, предлагающей добротную версию ответственного человека, из обветшавшего утлого жилища стремящегося перебраться в благоустроенный звёздный дом, жить в немерцающем – божьем – свете.

Статья поступила в редакцию 28.07.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. На пиру богов. Киев: Летопись, 1918. 96 с.
2. Гвардини Р. Конец Нового времени. Попытка найти своё место / пер. Т. Ю. Бородай // Эон. Альманах старой и новой культуры. Вып. 9. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 235–398.
3. Ильин В. В., Охрименко А. В., Родин П. Н. Мировой Запад: конец *dolce vita* // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 3.
4. Проект: «Homo – *characteristica universalis*» vs. Проект «Homo – *characteristica particularis*». Наше мирное – немирное время: в жанре «несказка» / В. В. Ильин, В. В. Охрименко, П. Н. Родин, Т. В. Шафигуллина // Российский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 2. С. 63–71.
5. Ницше Ф. Воля к власти / отв. ред. С. М. Стерденко. М.: REFL-book, 1994. 352 с.
6. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. 2003. № 3. С. 30–41.
7. Токвиль А. де. Старый порядок и революция / пер. П. Г. Виноградова. М.: Типо-лит. В. Рихтер, 1911. 308 с.
8. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 40–54.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / пер. М. М. Беляева, К. В. Костина, Е. Л. Петренко, И. В. Розанова, Г. В. Северской. М.: Весь мир, 2003. 416 с.
10. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума / пер. А. Юдина. М.: Канон+, Реабилитация, 2011. 224 с.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. *Na piru bogov* [At the Feast of the Gods]. Kiev, Letopis Publ., 1918. 96 p.
2. Gvardini R. The End of the Modern World (Rus. ed.: Borodai T. Yu., transl. *Konec Novogo vremeni. Popytka najti svoje mesto*). In: *Eon. Al'manah staroj i novoj kul'tury. Vyp 9* [Eon. Almanac of Old and New Culture. Iss. 9]. Moscow, INION RAS Publ., 2010, pp. 235–398.
3. Il'in V. V., Ohrimenko A. V., Rodin P. N. [The Global West: the End of *Dolce Vita*]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Russian Journal of the Humanities], 2024, vol. 13, no. 3.
4. Il'in V. V., Ohrimenko V. V., Rodin P. N., Shafigullina T. V. [Project: “Homo – *Characteristica Universalis*” vs. Project “Homo – *Characteristica Particularis*”]. In: *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal* [Our Peaceful – Unpeaceful Time: in the “Non-Fairytale” Genre], 2024, vol. 13, no. 2, pp. 63–71.
5. Nietzsche F. *Wille zur Macht* (Rus. ed.: Sterdenko S. M., transl. *Volya k vlasti*). Moscow, REFL-book Publ., 1994. 352 p.).

6. Rorti R. [From Religion through Philosophy to Literature: the Path of Western Intellectuals]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2003, no. 3, pp. 30–41.
7. Tocqueville A. de. L'Ancien Régime et la Révolution (Rus. ed.: Vinogradov P. G., transl. *Staryj poryadok i revolyuciya*. Moscow, V. Rihter Publ., 1911. 308 p.).
8. Habermas Yu. Modernity: An Incomplete Project (Rus. ed.: *Modern – nezavershyonnyj proekt*. In: *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 1992, no. 4, pp. 40–54.
9. Habermas Yu. The Philosophical Discourse of Modernity (Rus. ed.: Belyaev M. M., Kostin K. V., Petrenko E. L., Rozanov I. V., Severskaya G. V. *Filosofskij diskurs o moderne*. Moscow, Ves' mir Publ., 2003. 416 p/).
10. Horkheimer M. Eclipse of Reason (Rus. ed.: Yudin A., transl. *Zatmenie razuma. Kkritike instrumental'nogo razuma*. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitaciya Publ., 2011. 224 p.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ильин Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук Калужского филиала Московского государственного технического университета им. Н. Э. Баумана (национального исследовательского университета);
e-mail: vvilin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Viktor V. Ilyin – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Social Sciences Kaluga Branch Bauman Moscow State Technical University (National Research University);
e-mail: vvilin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ильин В. В. Там, где кончаются звёзды. За рубежом человечности // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114

FOR CITATION

Ilyin V. V. Where the Stars End. Beyond Humanity. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 106–114.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-106-114

УДК 130.3

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-115-122

СПЕЦИФИКА «БОЛЬШОЙ СТРАНЫ» (НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И А. С. ПАНАРИНА)

Курабцев В. Л.*Московский социально-педагогический институт**105082, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 75, стр. 3, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Проведение социально-философского исследования для выявления специфики и потенциальности «Большой страны», или Русской цивилизации. Эта потенциальность существенно определяется апологией традиционных ценностей, духом и патриотической мотивацией русского народа, историческими и культурными достижениями России.

Процедуры и методы. Использованы метод герменевтики и метод философской аналитики. Для реализации поставленной цели проанализирован в соответствии с заявленной проблемой ряд трудов известных русских мыслителей – Ф. М. Достоевского, А. С. Панарина, св. Иоанна Кронштадтского и других авторов.

Результаты. Достигнута новизна исследования, определяющаяся новым видением, через *нюансы* метафизики «Большой страны», основной специфики и магистрального пути Русской цивилизации. Заявлено также новое понимание России – не как «Острова» (Цымбурский) и не как поликонфессиональной Евразии (евразийцы), а как *Цивилизации-Материка на определяющей основе Религии (прежде всего, православия и ислама)*. В исследовании выявлены причины неприятия России со стороны Запада, страх и многовековая расистская установка. Утверждается неизбежность и долговременность столкновения Русской и Западной цивилизаций; причины и недостатки западной аксиологической и философско-идеологической позиций (Запад слишком нехристианский, слишком свободный, слишком заблудившийся). Показаны аспекты «слишком» как у России, так и у Запада, которые обнажают глубокие противоречия двух цивилизаций. Доказывается вероятность реализации именно Россией «полноты Логоса» и показаны конкретные аспекты этой полноты (на основе Традиции и «не-буржуазности»).

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследование продолжает православную и национально-патриотическую традицию понимания Русской цивилизации и народа. В современных условиях противостояния с коллективным Западом данная работа способствует осознанию национальной сущности и миссии народа и цивилизации, укреплению традиционных ценностей.

Ключевые слова: Запад «слишком», магистральный путь и спасение в понимании Русской и Западной цивилизаций, Россия «слишком», сравнительная аксиология России и Запада, частичность и полнота Логоса

THE SPECIFICS OF THE “BIG COUNTRY” (BASED ON F. DOSTOEVSKY’S AND A. PANARIN’S RESEARCH)

V. Kurabtsev*Moscow Socio-Pedagogical Institute**ul. Fridricha Engelsa 75 bld. 3, Moscow 105082, Russian Federation*

Abstract

Aim. To conducting a socio-philosophical study to identify the specifics and potentiality of the “Big Country”, or Russian civilization. This potentiality is significantly determined by the apologia of tra-

ditional values, the spirit and patriotic motivation of the Russian people, and Russia's historical and cultural achievements.

Methodology. The method of hermeneutics and the method of philosophical analysis are used. To achieve this goal, several works by famous Russian thinkers F. M. Dostoevsky, A. S. Panarin, St. John of Kronstadt and other authors have been analyzed in accordance with the stated problem.

Results. The novelty of the research has been achieved, determined by a new vision, through the nuances of the metaphysics of the "Big Country", the main specifics and the main path of Russian civilization. A new understanding of Russia is also stated – not as an "Island" (Tsybursky) and not as a multi-confessional Eurasia (Eurasians), but as a Mainland Civilization on the defining basis of Religion (primarily Orthodoxy and Islam). The study identifies the reasons for the rejection of Russia by the West, fear and a centuries-old racist attitude. The inevitability and long-term nature of the clash of Russian and Western civilizations is asserted; the reasons and disadvantages of the Western axiological and philosophical-ideological positions (the West is too unchristian, too free, too lost). The aspects of "too much" in both Russia and the West are shown, which expose the deep contradictions of the two civilizations. The probability of the realization of the "completeness of the Logos" by Russia is proved and specific aspects of this completeness are shown (based on Tradition and "non-bourgeoisness").

Research implications. The research continues the Orthodox and national patriotic tradition of understanding Russian civilization and people. In modern conditions of confrontation with the collective West, this work contributes to the awareness of the national essence and mission of the people and civilization, strengthening traditional values.

Keywords: "too much" West, the main path and salvation in the understanding of Russian and Western civilizations, "too much" Russia, comparative axiology of Russia and the West, partiality and fullness of Logos

Религия не одна только форма, она всё¹.
Достоевский Ф. М.

Введение

Из нескольких современных мировых цивилизаций всё-таки особенно качественно и пассионарно выделяются две – Русская и Западная, Россия и Запад (ЕС, США). О России выдающийся философ А. С. Панарин написал так: «Одна из наиболее амбициозных в духовном отношении держав, несущая неистощимый мессианский и профетический импульс» [7, с. 15]. Однако почти аналогично можно судить и о Западной цивилизации, особенно в последние четыреста лет (с XVII в.). Их противостояние чрезвычайно глубокое и цивилизационное. Их противоречия настолько сильны, что Россия для Запада почти всегда представляла как цивилизация со знаком «слишком», но и Запад для России тоже оказывался по-своему «слиш-

ком». Данное исследование направлено на понимание противоречий этих цивилизаций со знаком «слишком».

Россия «слишком»

Панарин точно определил суть пассионарности русского мессианизма (и православного, и марксистско-ленинского) – они создавали сильную энергетику и мотивацию, которые не смогла уничтожить и криминальная вестернизация России.

И скоро выяснилось, что противостояние СССР, а теперь России, коллективному Западу – не столько идеологическое, сколько цивилизационное (о чём размышляли Данилевский, Достоевский, Леонтьев и другие мыслители). С. А. Мальченков так написал об этом: Российская Империя и СССР – «составные элементы истории становления единой цивилизации ... под знаменем Русского мира» [4, с. 109]. И

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. Л.: Наука, 1982. С. 220.

геополитические, аксиологические, духовные и другие противоречия после распада СССР обозначились в такой существенной степени, что Россия для Запада предстала как цивилизация со знаком «слишком».

Китай, согласно А. С. Панарину, который тоже «слишком», – слишком самодостаточный, подверженный автаркии и изоляционизму, и поэтому парадоксально во многом в стороне. Россия же в силу традиционного якобы «тоталитарного» православия (или советской «религии») и мессианизма ощущается и признаётся Западом как более опасная и по-настоящему «слишком» держава [5].

Россия *слишком* большая, *слишком* богатая географически и, как представляется Западу и многим россиянам, не способна даже в отдалённом будущем освоить свои непомерные, вызывающие зависть территории. Она к тому же *слишком* «имперская» и геополитически *максималистская*. И эта «имперскость» исключает её «приручение» и возможное вхождение в Евросоюз, в НАТО, в стратегический союз с США ради нового «империалистического» передела мира.

Её «имперскость» (а отсюда – ощущение её чуждости и непредсказуемости) вызывает страх у соседей и сильных стран, за исключением тех, кто рассчитывает извлечь свою выгоду из усиления России и возможных побед. Её ценностная «имперскость» воспринимается как разрушительная для западных либерально-демократических ценностей, поскольку она верна фундаментальным основам духовности и нравственности; можно сказать, верна Богу. И это – не «отставание» и не «атавизм» феодального средневековья, а именно живое, жизненное сохранение великого духовно-нравственного наследия (при всей его современной фактической ослабленности).

Россия – это не столько Остров (см. В. Л. Цымбурского) и не столько размытая (о размытости скажем вскользь) Евразия (евразийцев). Утверждение Ю. В. Колесниченко о том, что «евразийство есть ... главное качество нашей цивилизации» [1, с. 145], представляется поспеш-

ным и недоказанным. Скорее Россия – это *Цивилизация-Материк на основе Религии (прежде всего, православия)*.

Запад «слишком»

Но больше всего Материк исторически нуждается, тем не менее, в ныне ослабевшей, но многовековой материальной и духовной культуре Запада, в его полезной культурной диффузии и коммуникации. Достоевский по-своему выразил эту мысль следующим образом: «А между тем нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа нам второе отечество, – я первый страстно исповедую это и всегда исповедовал. Европа нам *почти* также *всем* дорога, как Россия; в ней все Афетово племя, а наша идея – объединение всех наций этого племени, и даже дальше, гораздо дальше, до Сима и Хама»¹. Здесь есть, конечно, смысл почти очевидного европейского расово-этнического единства и собирания, но также и любовь к одарённой, прекрасной, развитой и постоянно прогрессирующей Европе. Так сказать, Европе «сишком».

Запад смотрит на своё неизбежное соседство и партнёрство с «варварским» Материком как на то, что должно быть ограничено, управляемо или даже уничтожено. «Да Россия виновата уже тем, что она Россия, а русские тем, что они русские, то есть славяне: ненавистно славянское племя Европе, *les esclaves*, дескать, рабы»². Так мыслил и Н. Я. Данилевский, и многие русские мыслители; и у них, и у нас слишком слаба надежда, что когда-нибудь это изменится к лучшему. Расистская традиция, часто латентная, присуща Европе уже много веков. Порой она сглаживалась (например, во времена ГДР, восточно-европейского соцлагеря), но оставалась достаточно живой, чтобы воскреснуть. Не всех и не всегда можно перевоспитать (об этом

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Сочинения и наброски автобиографического и публицистического характера. Дневник писателя. 1877, год 2-й, январь. М.: СЛОВО/SLOVO, 1999. С. 741.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л.: Наука, 1981. С. 62–63.

писал ещё Платон, говоря о некоторых мальчиках, чей характер подобен «крутому рогу»).

Как полагал Ф. М. Достоевский, «Европа, не совсем понимая наши национальные идеалы, то есть меряя их на свой аршин и приписывая нам лишь жажду захвата, насилия, покорения земель»¹, отстаивает свои интересы.

Однако «имперскость» Материка, его слишком огромная территория и вооружённые силы не позволяют надеяться даже в отдалённые времена на его покорение и аннигиляцию.

Духовная цивилизация

Одна из причин этого заключается также в том, что «имперскость» Духовной цивилизации подпитана известной всему миру *мощью и духом русского народа с его сильнейшей патриотической мотивацией*. Как полагал Достоевский, «Россия сильна народом своим и духом его, а не то, что лишь образованием, например, своим, богатствами, просвещением и проч., как в некоторых государствах Европы, ставших за дряхлостью и потерей живой национальной идеи, совсем искусственными и как бы даже ненатуральными»².

Таким образом, «опасная» цивилизация пугает «цивилизованный мир» своей *устойчивой Традицией, некоей небуржуазностью ценностей, «варварством» (с точки зрения Запада), недисциплинованностью, нежеланием переделать себя под западные стандарты и недостаточной рациональностью*. «Нет, народ наш не матерьялист, – пишет Достоевский, – и не развращён ещё духом настолько, чтоб думать об одних только насущных выгодах и о положительном интересе. Он рад духовно, если предстанет великая цель, и примет её как хлеб духовный»³. Хлебом духовным

становится в XXI в. оформление многополярности мира, торможение нравственно сомнительной меонической активности «цивилизованного» Запада и поддержка униженных и обиженных сильными мира сего.

Запад же как бы навсегда выбрал этот рациональный и научно-технологический путь и этот земной мир. Неслучайно святой и праведный отец Иоанн Кронштадтский указывал, что слишком сильное «прилепление» к миру есть нехристианский дух. Эта как бы демоническая сторона Запада активно действует и на наше население – через массовую культуру, потакание массовому гедонизму, упрощение высоких смыслов человеческой, социальной и культурной жизни.

О нашем возможном «варварстве» Федор Михайлович говорил так: «Все же отрицатель – гунн, варвар и татарин – отрицал не во имя чего-нибудь высшего, а во имя того, что сам был до того низок, что даже и в два века не мог разглядеть европейскую высоту»⁴. Конечно, среди русских (россиян) есть подобные отрицатели. Но они в маргинальном меньшинстве. А в основном народ не только на высоте европейской культуры, но бывает и выше. Бывает учителем Европы – как Чайковский или Чехов, как Королёв или Калашников, Рахманинов или Врубель.

Западная цивилизация

Размах Запада столь мощен, что победа над ним (по сути, победа Бога) *очень не проста, трагична и непредсказуема*, причём до скончания времён. Это испытание, противостояние послано Богом, и мы не вправе от него отказываться (т. е. предать Бога и самих себя).

Итак, Запад *слишком нехристианский, слишком свободный, слишком заблудившийся*. И это не позволит ему одолеть Большую духовную страну, одолеть сильную многими светоносными качествами цивилизацию.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь–декабрь. Л.: Наука, 1982. С. 63.

² Там же. С. 62.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л.: Наука, 1981. С. 69–70.

⁴ Там же. С. 39.

Если же Россия снова существенно повернётся в либерально-демократическую сторону, то рухнет, как Иерусалим в 70 г. н. э. от римской армии будущего императора Тита. За возможным видимым благополучием её граждан будут скрываться духовный меонизм и утрата базисных культурно-исторических скреп. За сытость придётся расплатиться *физической, языковой и культурной погибелью*. И. А. Ильин подчеркивал *прямую* связь религиозности со светлым культурным творчеством. С. А. Малинин и Б. Л. Губман это передали так: у Ильина «религиозный акт как основа культурных возможностей человека вне зависимости от его конфессиональной принадлежности и социальных обстоятельств» [2, с. 111].

Россия «как маленькая уютная европейская страна», как послушная часть Западного мира – это великий Обман со стороны Запада и полная, скорая аннигиляция всего русского и созданного русскими и россиянами.

Частичность и полнота Логоса

Но Бог проиграть не может. Пришло время не малоудачной не-буржуазной, и при этом с элементами демонизма, самоидентификации (СССР), а время *полноты Логоса*. Логос – это изначальное Божье наименование вещей, Премудрость Божьего плана мироустройства, Божья благая воля. Частично Он явлен на Западе – это рационально-логическое развитие, научно-технический прогресс, рациональное освоение Земли и космоса, рациональная и улучшающаяся организация жизни общества. А. С. Панарин об этом сказал так: «упорядочивающе-классифицирующий тип» одарённости [6, с. 168]. Он тоже Божий дар.

Но полнота Логоса не мыслима без сильной духовно-нравственной составляющей, без веры в Бога. У Панарина на этот счёт сказано: православная цивилизация опирается на фундаментальную идею «генезиса бытия как Божественного художества» [6, с. 168]. Только настоящая и будущая

Россия способна отстоять христианскую, а также исламскую, буддистскую и другую традицию, избежать слишком окончательной самоотдачи в пользу приземлённого и духовно ограниченного капитализма, чрезмерного эгоизма и чрезмерной рационализации (самой жизни).

В чём же заключается *полнота Логоса (христианского Логоса, но и исламского, религиозного)*? Эта полнота, конечно, недостижима, но, как мыслил Достоевский, «основная идея и всегда должна быть недостижима выше, чем возможность её исполнения, н<а>пр<имер> христианство»¹.

Во-первых, это *нравственность*. Достоевский говорит: «Напротив, не лучшая ли политика для великой нации именно эта политика чести, великодушия и справедливости...?»² Не менее это касается каждого россиянина и социальных слоёв.

Во-вторых, это устремлённость к Богу. Достоевский высказывает великую метафизическую мысль, говоря о «чистой» истине православия: «Чистая истина вне истин<ы> просв<ещения>»³. **Т. е. основная (религиозная, включая ислам) мысль России вне и чище просветительской истины Запада.** Из православия, а не из идей просвещения, говорит Достоевский, «выйдут все разрешения»⁴. Во всяком случае из идей Просвещения, как показывает культурно-исторический опыт народов, идеальный мир, да и просто подходящий мир, на Земле построить не получается.

В-третьих, это строительство «дворцов» не на земле, а на Небе. Человек, общество, ущемлённые морально-религиозно, неспособны даже так подумать. Они добиваются благ, свобод, «открытости», радикальной эмансипации и не видят, что это *недоброе обезличивание и «всесмещение»*, как пишет

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. Л.: Наука, 1982. С. 69.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л.: Наука, 1981. С. 65.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. Л.: Наука, 1982. С. 183.

⁴ Там же. С. 194.

А. С. Панарин. Они сдают «старые» устойчивые структуры ради своего природного эгоизма и своеволия. Утрачивают «жизненный духовный тонус в одномерном обществе» [7, с. 88].

В-четвёртых, это чистота души и духа. Например, такую, которую проповедовал Будда: «Я вернусь к людям излечить их от знания, не знающего любви» [цит. Будды по: 7, с. 91].

В-пятых, это истинная семья и истинный родовой процесс. Посттрадиционный человек адекватно не ценит эту истину жизни, своевольничает и блуждает. Часто его коренной ответ – только истинная самореализация одинокой личности (и это отчётливо явлено в великом «Бытии и времени» М. Хайдеггера). Панарин справедливо вопрошает: каким это образом слишком свободная и «подозрительно упрощённая картина мира воцарилась в умах?» [9, с. 29].

В-шестых, это очищение народа (народов), общества, культуры; просветление и облагораживание жизни. А Запад, между тем, другие «суперэтнические образования» ценностно дискредитирует «в качестве «империй»» [7, с. 7] и при этом навязывает свои негодные антихристианские и антирелигиозные нормы жизни. Его линия, согласно Панарину, – *социал-дарвинистская*, и он не остановится перед гибелью более слабых этносов, культур и экономик (не они цель западного прогресса). А между тем «большие прозрения культуры отнюдь не всегда питаются благополучием» [7, с. 27]. Элемент социал-дарвинизма приоткрыл нам успешный экономический киллер Джон Перкинс: «Работа «киллера от экономики» заключалась в проведении в жизнь политики, защищавшей интересы американской корпоратократии (союза правительства, банков и корпораций) под видом борьбы с экономической отсталостью» [9, с. 6].

В-седьмых, это «телесная» мощь Цивилизации – мощь современной экономики, политики, социальной жизни, государства, вооружённых сил; защита справедливости во всем мире. Как сказал

великий классик, «России нужно *надеяться на свой меч, а не на дружбу Европы*»¹.

В-восьмых, это светлая свобода полноценной жизни и любви, творчество и духовность человека, сообщества, общества, культуры; в идеале всего человечества. Преодоление «катастрофической “порчи человека”» [7, с. 5]. Для Запада это невозможная и ненужная задача: человек и так, по его мнению, великолепен. Как пишет Г. Мелвилл, «Мы, американцы ... особые, избранные люди, мы – Израиль нашего времени, мы несём ковчег свобод миру» и так далее [7, с. 243]. Напоминает некоторых европейских вождей XX в.

В-девятых, это Спасение по суду Божьему. О нём прекрасно знают и судят верующие, но иные могут совсем ничего не понимать и никак это не оценивать. Однако, согласно Панарину, великие альтернативы истории «*рождаются в лоне великой традиции*», которой Россия сполна обладает [7, с. 275].

И наконец, приведём как бы скромный, но весомый аргумент от Достоевского, который находил, что «язык – народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!»².

И тогда можно сделать вывод, что «нашего-то языка дух – бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлющ». А французский язык француза – «он проживёт свою жизнь и на французском языке, шутя, с коротенькими идейками и с парикмахерским развитием, а умрёт, совсем не заметив, что всю жизнь был дураком»³.

Вероятно, писатель не прав, воспринимая таким образом всесторонность и особое богатство французского языка. В котором свой сильный дух, своя страсть и жизнь, своё предназначение в мире. Но этот аргумент тоже красноречив и соприкасается с истиной.

¹ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 24. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь. Л.: Наука, 1982. С. 302.

² Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. Дневник писателя за 1876 год. Май – октябрь. Л.: Наука, 1981. С. 80–81.

³ Там же. С. 82–83.

Заключение

Очевидно, что национальный Логос России, сама Россия (а не Запад), в наибольшей степени соответствуют этому, и в наибольшей степени способна приблизиться к недостижимой Божьей Истине и Вершине. Духовно-нравственный крест России должен выстоять перед происками всё новых и новых обманщиков. Современному русскому (россиянину) можно и нужно вернуть «воодушевление жизни и воодушевление правды, витальную и нравственно-религиозную пассионарность» [7, с. 254–255].

Быть может, *главное предназначение* Русской цивилизации с её православным (шире – религиозным) архетипом – «заново утвердить приоритеты культуры и

морали», а также религии, защитить слабых в мировом сообществе и успешно противостоять настойчивому и упорному западному социал-дарвинизму [6, с. 63]. В. П. Майкова и Д. А. Ильченко правы: «При всём многообразии разногласий общими являются семейные ценности, государственная целостность, существование и процветание России, сохранение планеты Земля» [3, с. 99].

И вряд ли ошибался А. С. Панарин, рассуждая о том, что «открытие *качественно иного будущего*... выпадает на долю пасынков прогресса, не нашедших себе место в настоящем» [8, с. 7]. А вместе с «пасынками» во главе их окажется Россия.

Статья поступила в редакцию 14.05.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колесниченко Ю. В. Евразийские ценности российской новейшей истории и наглядные формы их иеротопии (Всероссийская акция «Бессмертный полк», Главный храм Вооружённых Сил Российской Федерации) // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 140–147. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147
2. Малинин С. А., Губман Б. Л. И. А. Ильин и Г. В. Ф. Гегель: народный дух и устои государства // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2021. № 4. С. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-107-116
3. Майкова В. П., Ильченко Д. А. Пути и способы формирования патриотизма как фактора государственной безопасности // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 93–101. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-93-101
4. Мальченков С. А. Цивилизационное единство постсоветского пространства: символические компоненты // Современные философские исследования. 2023. № 3. С. 102–111. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-102-111
5. Панарин А. С. Православная цивилизация. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
6. Панарин А. С. Россия в циклах мировой истории. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 1999. 288 с.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2000. 352 с.
8. Панарин А. С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
9. Перкинс Дж. Исповедь экономического убийцы / пер. М. Богомоловой. М.: Pretext, 2005. 319 с.

REFERENCES

1. Kolesnichenko Yu. V. [Eurasian values of Russian modern history and visual forms of their hierotopy (All-Russian action "Immortal Regiment", Main Temple of the Armed Forces of the Russian Federation)]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern philosophical studies], 2024, no. 1, pp. 140–147. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-1-140-147
2. Malinin S. A., Gubman B. L. [I. A. Ilyin and G. V. F. Hegel: the national spirit and the foundations of the state]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical sciences], 2021, no. 4, pp. 107–116. DOI: 10.18384/2310-7227-2021-4-107-116
3. Maikova V. P., Il'chenko D. A. [Ways and means of forming patriotism as a factor of state security]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern philosophical studies], 2023, no. 3, pp. 93–101. DOI: 10.18384/2949-5148-2023-3-93-101

4. Mal'chenkov S. A. [Civilizational unity of the post-Soviet space: symbolic components]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern philosophical studies], 2023, no. 3, pp. 102–111. DOI:10.18384/2949-5148-2023-3-102-111
5. Panarin A. S. *Pravoslavnaya civilizaciya* [Orthodox civilization]. Moscow, Institut russkoj civilizacii Publ., 2014. 1248 p.
6. Panarin A. S. *Rossiya v ciklah mirovoj istorii* [Russia in the Cycles of World History]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1999. 288 p.
7. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovanie* [Global Political Forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2000. 352 p.
8. Panarin A. S. *Pravda zheleznogo zanavesa* [The Truth of the Iron Curtain]. Moscow, Algoritm Publ., 2006. 336 p.
9. Perkins J. The New Confessions of an Economic Hit Man. How America really took over the world (Rus. ed.: Bogomolova M., transl. *Ispoved' ekonomicheskogo ubijcy*. Moscow, Pretext Publ., 2005. 319 p.).

ИНФОРМАЦИЯ О АВТОРЕ

Курабцев Василий Леонидович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин и менеджмента факультета государственного и муниципального управления Московского социально-педагогического института;
e-mail: kurabtsev@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasily L. Kurabtsev – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Social and Humanitarian Disciplines and Management, of Public and Municipal Administration, Moscow Socio-Pedagogical Institute;
e-mail: kurabtsev@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Курабцев В. Л. Специфика «большой страны» (на основе исследований Ф. М. Достоевского и А. С. Панарина) // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 115–122.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-115-122

FOR CITATION

Kurabtsev V L. The Specifics of the “Big Country” (Based on F. Dostoevsky’s and A. Panarin’s Research). In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 115–122.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-115-122

УДК 165.12

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-123-130

РАЦИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ В УСЛОВИЯХ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Ломакина Н. Б.*Московский институт электронной техники**124498, г. Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотрение вопросов построения рациональной коммуникации в управленческих процессах в условиях нестабильности и неопределённости.

Процедура и методы. В процессе исследования использовались теоретический метод научного познания, методы индукции и дедукции, а также анализа и синтеза.

Результаты. Отмечено расширение способности человека к постижению рационалистической подлинности знания при рациональной коммуникации в неклассической парадигме благодаря равноправию различных версий понимания рациональности и снижению категоричности относительно всевозможных критериев и норм в исследованиях и усвоении знаний. Освещены вопросы формирования смыслов при осуществлении коммуникации. На основании рассмотренных источников сделан вывод, что в рациональной коммуникации разумно при использовании устоявшихся социальных конвенций не бояться позволять себе критически их анализировать и искать новые нормы и смыслы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Этот вывод весьма актуален ввиду интенсивного роста информационных и коммуникационных технологий, интенсивности информационных потоков, вследствие чего субъектам коммуникации необходимо иметь ясные рациональные основания для осуществления коммуникативных процессов.

Ключевые слова: коммуникация, неопределённость, нестабильность, рациональность, управление

RATIONAL COMMUNICATION IN MANAGEMENT PROCESSES IN CONDITIONS OF INSTABILITY AND UNCERTAINTY

N. Lomakina*Moscow Institute of Electronic Technology**pl. Shokina 1, Zelenograd 124498, Russian Federation*

Abstract

Aim. The purpose of the article is to consider the issues of building rational communication in management processes in conditions of instability and uncertainty.

Methodology. During the research, the theoretical method of scientific cognition, methods of induction and deduction, as well as analysis and synthesis were used.

Results. The text of the article notes the expansion of a person's ability to comprehend the rationalistic authenticity of knowledge in rational communication in the non-classical paradigm due to the equality of different versions of the understanding of rationality and a decrease in categoricity regarding all possible criteria and norms in research and knowledge acquisition. The issues of the formation of meanings in the implementation of communication are highlighted. Based on the considered sources, the article concludes that in rational communication it is reasonable, when using established social conventions, not to be afraid to allow oneself to critically analyze them and look for new norms and meanings.

Research implications. This conclusion is very relevant due to the intensive growth of information and communication technologies, the intensity of information flows, as a result of which communication subjects need to have clear rational grounds for carrying out communication processes.

Keywords: communication, uncertainty, instability, rationality, management

Введение

Современный мир нестабилен – это факт. Нас постоянно настигают новые вызовы и потрясения, и чтобы справиться с ними человек должен овладеть неким новым инструментарием, позволяющим ему эффективно справляться с задачами в существующих условиях. Одним из «ключей» к построению грамотных управленческих процессов является рациональная коммуникация.

В современной научной и, в частности, философской среде растёт понимание коммуникации как всеобъемлющего условия бытия человека и социума, особенно актуальным это оказывается сейчас, в эпоху бурного роста информационных и коммуникационных технологий. Коммуникативное сообщество растёт за счёт глобализации информационной среды и развития структур сетевого общества, вследствие чего становится актуальной проблема рациональной коммуникации, демонстрирующая трансформации оснований коммуникации и критериев рациональности. Крайне важным моментом, оказывающим влияние на человека, социум, рациональность и процесс познания, выступает устанавливающийся сейчас новый тип рациональной коммуникации. При этом изучению данного явления препятствуют рост интенсивности коммуникации и скорости потоков информации, отрицательно влияя на формирование устойчивых когнитивных построений и логических оснований мышления индивида. Однако эта проблематика представляется перспективной, о чём свидетельствует увеличение вариативности интерпретаций коммуникативной рациональности в современной философии и, в частности, эпистемологии.

Применяемая терминология

Для начала определимся с терминами. Под коммуникацией понимают комплексный процесс взаимодействия с целью достижения участниками понимания значения и содержания информационного обмена, где определяющим сущность коммуникативного взаимодействия предметом выступают передаваемые сообщения – их структура, форма, каналы связи и способы воздействия¹. Формирование процесса коммуникации происходит на основании целей её участников, которые могут как отличаться, так и совпадать, и сам процесс коммуникации обусловлен тем, что без взаимодействия между акторами достичь цели не выйдет.

Под рациональной коммуникацией мы будем понимать коммуникативный процесс с учётом таких его ограничений, связанных с пониманием рациональности, которые могут быть двух типов – согласно первому, условия коммуникации считают рациональными, если они соответствуют критериям, признаваемыми разумными абсолютно всеми участниками коммуникации; согласно второму – рациональной будет признана та коммуникация, в результате которой получится достичь той цели, которая будет одинаково ценной для всех её участников, и соответствующие этой цели критерии рациональности контекстуальный и изменяются при переходе от одной коммуникации к другой [8].

Философы начали осмыслять формат разумного общения ещё в античности, подразумевая в первую очередь диалог, беседу как форму поиска истины. Формат рациональной коммуникации в рамках классической рациональности был задан общей

¹ Зоркова В. А. Эффективные коммуникации в организации: учебное пособие. Волгоград: Волгоградский институт управления – филиала РАНХиГС, 2021. С. 8.

направленностью дискурса, использованием однозначных понятий, ориентированностью на объект. А под современной (неклассической) рациональной коммуникацией, по мнению Н. В. Даниелян, подразумевается коммуникативное взаимодействие, предметом которого выступает объект, вовлечённый в процесс выработки рационального знания с помощью наличествующих средств познания и условий, при этом в процессе коммуникации ему предоставляется возможность вырабатывать смыслы и их интерпретацию в самом разнообразном виде. Неклассическая парадигма сфокусирована на изучении дискурсного подхода, в ходе которого достигается рационально мотивированное согласие, а процесс рациональной коммуникации лоялен к существованию различных позиций в процессе познания [2]. Т. Г. Стоцкая отмечает, что рациональность постнеклассического типа обладает сильной стороной в виде способности быстро принимать решения на основе больших объёмов данных и слабой в виде подверженности носителей данного типа рациональности неким информационным манипуляциям [10]. Л. А. Микешина к основным чертам неклассической рациональной коммуникации относит смысловое наполнение знания – оно открыто, нестабильно, контекстуально обусловлено, и его получает целостный субъект познания, способствующий тому, чтобы «расширить область рационального в эпистемологии, увеличить сферу философии познания» [5].

Под нестабильностью в общем смысле мы будем понимать некую ситуацию, при которой сформулировать точный ответ, что именно произойдёт дальше с объектом исследования, не представляется возможным. Родоначальник термина «философия нестабильности» И. Пригожин в одноименной статье называет нестабильность сущностной характеристикой природы и смотрит на неё как на напоминание о некоем высшем знании: «Нам не следует забывать, что, хотя мы в принципе и можем знать начальные условия в бесконечном

числе точек, будущее, тем не менее, остаётся принципиально непредсказуемым» [9].

Неопределённостью мы будем считать недостаточность сведений, полное или частичное отсутствие информации, неведение. Причём она может быть как объективной, так и случайной [3].

А под управленческими процессами мы будем понимать целенаправленные решения и действия, которые управляющий субъект осуществляет в определённой последовательности и комбинации для достижения конкретного результата. Предметом и продуктом труда в этих процессах будет информация о стоящей перед управленцем проблеме и способах её решения. При этом исходная информация в результате её передачи и обработки преобразовывается в управленческое решение, на основе которого совершаются чёткие действия¹.

Таким образом, если управленческий процесс состоит из действий, основанных на передаче и обработке информации, то он напрямую завязан на коммуникацию как основной канал передачи любых данных. И рациональная коммуникация, встроенная в управленческий процесс, станет при том условии, что все коммуниканты будут либо признавать условия коммуникации разумными, либо все они должны иметь одну задачу, которая будет решена в результате коммуникации. Соблюсти эти условия вполне реально, однако для этого на коммуникативный процесс необходимо воздействовать. Управление коммуникациями – это комплекс непрерывных целенаправленных управленческих воздействий на внутренние и внешние процессы информационного обмена и неинформационных взаимодействий, обеспечивающих достижение обозначенного результата [11].

Управляя коммуникациями, можно быстрее добиться поставленных целей,

¹ Тихомирова В. Управленческие процессы: функции и цели, система и анализ // Коммерческий директор: сетевой журнал. URL: <https://www.kom-dir.ru/article/2507-upravlencheskie-protsessy> (дата обращения: 10.06.2024).

внести ясность и однозначность, снизить уровень неопределённости и нестабильности в коммуникативном, и, как следствие, управленческом процессе.

Рациональная коммуникация и её критерии

Рассмотрим, как взаимно влияют друг на друга нестабильность, неопределённость и рациональная коммуникация в управленческом процессе. Отметим, что факторы нестабильности и неопределённости оказывают сильное воздействие на весь управленческий процесс в целом. Коммуникация, пронизывающая абсолютно все сферы управления, являющаяся «соединительной тканью» между всеми её акторами, несомненно, тоже испытывает на себе влияние этих факторов. Если мы говорим именно о современной рациональной коммуникации, то для её осуществления необходимо, как мы уже отмечали, чтобы все участники коммуникации признавали её критерии разумными, или же чтобы в результате её осуществления была достигнута одинаково ценная для всех участников цель. Отметим, что ситуации неопределённости и нестабильности обостряют восприятие людей, актуализируют и в чём-то перестраивают личностные смыслы происходящего¹. Значит, участников коммуникации, находящихся в таком состоянии, вывести на один уровень понимания разумности критериев или общей цели сложнее, но это возможно сделать, настроив всех акторов на рациональный обмен смыслами, создав управляемый процесс взаимодействия между их сознаниями, направленный на достижение взаимопонимания.

При этом необходимо понимать, что установить единые критерии рациональности, действующие абсолютно на всех участников абсолютно любой коммуника-

ции, – задача вряд ли исполнимая. Однако можно установить, почему конкретные участники коммуникации находят разумными конкретно определённые процессы обмена смыслами, позволяющие им выстроить план дальнейших действий. Естественно, с оговоркой, что ответы на вопрос «почему» будут работать только в конкретном, ограниченном коммуникативном пространстве, распространить это на все коммуникации не получится, но нам по силам обнаружить такие критерии рациональной коммуникации, которые не пытались бы оспорить, поставить под сомнение или покритиковать на максимальном широком коммуникативном пространстве – как, например, это сделал М. Вебер в концепции «формальной рациональности» – коммуникативного пространства, в котором определены критерии успешного действия: успешное действие достигает или способствует достижению цели, нерациональное не достигает цели, иррациональное уводит от цели. В. Н. Порус также отмечает, что к понятию «формальной рациональности» близки по смыслу концепции, внутри которых рациональность сводится к достигаемой различными способами общности «методологических установлений», т. е. возникает ситуация, когда по неким причинам определённая группа критериев оценки суждений признается одинаково значимой для всех участников познавательных процессов, и такой системе критериев К. Хьюбер дал название «интерсубъективной» [8, с. 15].

Коммуникация и смыслопорождение

Отметим также, что благодаря тому, что в неклассической парадигме рациональная коммуникация подразумевает такие особенности, как паритет различных версий понимания рациональности, смысловое и идейное многообразие разработок, преодоление разногласий в отношениях между субъектом и объектом, снижение категоричности относительно всевозможных критериев и норм в изысканиях и усвоении знаний, то способности человека

¹ Леонтьев Д. А. Вызов неопределённости как центральная проблема психологии личности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. № 40. Т. 8. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40.html> (дата обращения: 10.06.2024).

как субъекта познания к постижению рационалистической подлинности знания расширяются. При этом человек обращается к коммуникативной интерпретации смыслов как к инструменту этого постижения. И несмотря на то, что О. В. Малюкова отмечает, что ввиду некой склонности к традиционности таких наук как логика и философия, связанная со смыслом проблематика оказывается не востребованной [4], в тех разделах философии, которые касаются коммуникации, проблематика смысла имеет большое значение. По мнению Ю. С. Моркиной, для каждого человека процесс коммуникации является смыслопорождающим [7]. И чтобы коммуникация была продуктивной и рациональной, эти смыслы должны приводить субъектов коммуникации к общей цели, а значит, смыслы должны пониматься и толковаться всеми участниками одинаково. Ю. С. Моркина рассматривает любого носителя смысла (например, вербальное сообщение) как сложную идеальную систему, и применяет к ним понятие операциональной замкнутости для преодоления разрыва между акторами в коммуникации.

При этом смысл понимается как в узком логическом понятии смысла слов и предложений, так и в качестве общего, более широкого понятия смысла, которое можно классифицировать на понятия социального, культурного, художественного, экзистенциального смысла и др, а также включающего в себя дефиницию индивидуального творчества. Смыслом предложения Г. Фреге, говоря о логическом смысле, называл мысль, а смыслом имени – способ задания значения (денотата), т. е. смыслом имени будет информация о денотате, которую содержит в себе имя, а смыслом предложения – сформулированная им мысль. При этом смысл и значение Г. Фреге считает объективными явлениями и противопоставляет их субъективному образу предмета, который субъект формирует сам [13].

Всякий смысл оказывается «замкнутым» в сознании человека, который его осмысляет, в его психофизической данности. Создавая некий носитель смысла, не-

кое сообщение, человек думает, что точно передаёт смыслы тем, кому они адресованы (другому человеку или группе). Однако из-за того, что в процессе усваивания и интерпретации смысла другими участниками коммуникации в их сознаниях возникают свои личностные смыслы, часто окрашенные их текущим эмоциональным или физическим состоянием, или прошлым опытом, возникает разрыв, и изначальный смысл воспринимается искажённо.

По мнению А. Шюца, человек изначально живёт в интерсубъективном мире культуры, и у него постоянно автоматически «всплывают» определённые смысловые комплексы, складывающиеся в течение жизни из всего им усвоенного (воспоминаний, традиций, привычек, собственных смысловых конструкций) и обладающие для него достоверностью. А попавшему в иную социальную среду «чужаку» (например, иностранцу), даже приложив большие усилия, не удаётся получить интерсубъективное восприятие, потому что он не знает культурных норм, типизированных методов действия [6]. Т. к. А. Шюц не привёл своего определения смысла, на которое он опирается, Ю. С. Моркина в качестве рабочего определения, необходимого для анализа организуемой смыслами и их же порождающей социальной сферы, обозначает как осмысленное то, что отсылает, кроме себя, к чему-то другому, как осмысленность – саму функцию отсылания, а как смысл – то другое, к чему отсылают. При этом осмысленным объектом будет выступать носитель смысла (материальный объект или вербальное сообщение).

Кроме того, не стоит умалять значение самих акторов, участвующих в процессе коммуникации, ведь именно они, другие люди, для нас в онтогенезе выступают основой осмысления мира вокруг, и ситуация коммуникации, как мы уже отмечали, выступает местом рождения новых смыслов. И на проблему интерсубъективности Ю. С. Моркина предлагает взглянуть как на проблему истоков осмысленности социума, используя для её решения функциональный подход и рассматривая ин-

терсубъективность в качестве функции социальных коммуникаций.

Каждый субъект, вступая с кем-либо в коммуникацию, уже имеет некий «бэкграунд», «биографическую ситуацию», индивидуальную память, которая отличает его от других действующих в этом социально-конституированном осмысленном мире субъектов. Общей же для этих субъектов будет внешняя ситуация, которую они будут разделять и с учётом чего они будут подстраивать свои мысли и действия. Так, А. Шюц констатирует, что существует общность повседневного мира, в котором мы живём, и распространённые в нём социально обусловленные смыслы [14]. Таким образом, эта общность, внешняя ситуация будут той точкой, которая сможет задать общий вектор для участников коммуникации. При этом Ю.С. Моркина обращает внимание, что необходимо философски обосновывать то, как индивидуальные сознания улавливают различия между собой в ходе коммуникативного процесса, причём учитывая не только «биографические ситуации», которые являются лишь содержанием структуры сознания, но и различия в способах мышления, восприятия и структуре сознаний индивидов, потому что зачастую именно момент улавливания различий может определить успех коммуникации в целом. А особенности индивидуальных сознаний вступающих в коммуникацию субъектов выступают проблемой эпистемологической теории интерсубъективности.

Описанные А. Шюцем смысловые комплексы служат неким «фоновым знанием», накладывающим отпечаток на все поступающие извне новые смыслы [14]. Однако некий основной посыл в сообщении остаётся, т. к. носитель смысла открыт многим интерпретациям, но не любым, и при грамотном формулировании может быть понят с большой долей достоверности. Т. к. носители смысла в качестве сложных идеальных систем обусловлены особенностями мышления своих «отправителей» и «получателей», операциональная замкну-

тость поддерживается социальными конвенциями, присутствующими в обществе.

Таким образом, социальные конвенции служат неким «цементом», связывающим смыслы для наиболее чёткого их понимания при коммуникации. Однако не стоит воспринимать их как несвержимые догмы, ведь для установления рациональной коммуникации в неклассической парадигме необходимо как соблюдать определённые критерии, так и иметь возможность их критиковать, переосмысливать, дорабатывать или заменять другими правилами, соответствующими реальным целям коммуникации в существующем культурно-историческом пространстве [1].

Современная культура мышления знаменуется переходом от разума, основывающегося на незыблемых идеологических конструкциях, к разуму коммуникативному, ищущему, базирующемуся на открытости и вариативности системы рационального познания. В современном мире рациональность сохраняет роль способа формирования критического мышления, помогающего перейти от догматических формально принятых в обществе идей к «разуму диалогичному, восприимчивому к опыту Другого» [12].

Эта открытость и способность возразить авторитетам, с одной стороны, может внести дополнительную нотку неопределённости в коммуникацию (ведь тогда старые опоры будут разрушены и коммуникантам не на что будет ссылаться), а с другой стороны, может помочь преодолеть неопределённость, т. к. старые догмы зачастую становятся неактуальными в современном обществе, и слепое следование им, боязнь их препарировать и подвергать критике, могут лишь увеличить хаос, а признание их устаревшими и поиск новых опор помогут участникам коммуникации сформулировать общие смыслы и прийти к заданной цели.

Заключение

На основании изложенного можно заключить, что в современной рациональной коммуникации для преодоления нестабильности и неопределённости в управленческих процессах разумно использовать, с одной стороны, устоявшиеся социальные конвенции, позволяющие приблизительно однородно формировать смыслы у всех участников коммуникации, а с другой стороны, критический подход к общепринятым нормам и правилам, дающий возможность преодолеть застревание

в старых парадигмах и построить продуктивную рациональную коммуникацию. Такие действия позволят субъектам коммуникации ощутить рациональную основу при осуществлении коммуникации в управленческих процессах в условиях нестабильности и неопределённости, свойственных современности, а также будут крайне полезными на фоне бурного роста всевозможных информационных и коммуникационных технологий, увеличения интенсивности информационных потоков.

Статья поступила в редакцию 23.02.2024.

ЛИТЕРАТУРА

- Белозеров А. Б. Исторический обзор трансформации философских представлений о рациональной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. 2015. № 2. С. 54–62.
- Даниелян Н. В. Рациональная коммуникация и коммуникативная рациональность – две стороны одной медали // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2015. № 1. Т. 2. С. 59–70.
- Диев В. С. Философия управления в мире неопределённости и риска // Сибирский философский журнал. 2022. Т. 20. № 1. С. 5–14.
- Малюкова О. В. Смысл и современные технологии смыслообразования // Общество: философия, история, культура. 2023. № 5. С. 23–31.
- Микешина Л. А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания. 2-е изд., доп. М.: Канон+, 2009. 560 с.
- Милых А. О. Концепция интерсубъективности А. Шюца в условиях сетевого общения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 3 (64). С. 142–147.
- Моркина Ю. С. Коммуникативный аспект смысла // Философия науки: ежегодник. Вып. 17: Эпистемологический анализ коммуникации. М.: Институт философии РАН, 2012. 306 с.
- Порус В. Н. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход / отв. ред. И. Т. Касавин, В. Н. Порус. М.: ИФРАН, 2009. С. 11–24.
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
- Стоцкая Т. Г. Вызовы современности: рациональность как ответ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 2. С. 20–26.
- Суровцева Е. С. Актуальные проблемы управления организационными коммуникациями // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации. 2008. № 1. С. 291–294.
- Суходуб Т. Д. Рациональность в философской традиции и современной культуре: проблема неукорененности // Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л. П. Киященко, В. С. Степин. СПб.: Мир, 2009. С. 519–538.
- Фреге Г. О смысле и значении / пер. Б. Бирюкова // Логика и логическая семантика: сборник трудов. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 230–247.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. В. Г. Николаева, С. В. Ромашко, Н. М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004. 1056 с.

REFERENCES

- Belozerov A. B. [Historical review of the transformation of philosophical ideas about rational communication]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of Moscow State Regional University], 2015, no. 2, pp. 54–62.
- Danielyan N. V. [Rational communication and communicative rationality – two sides of the same coin]. In: *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad

- State University named after A. S. Pushkin], 2015, no. 1, vol. 2, pp. 59–70.
3. Diev V. S. [Philosophy of management in the world of uncertainty and risk]. In: *Sibirskij filosofskij zhurnal* [Siberian Philosophical Journal], 2022, vol. 20, no. 1, pp. 5–14.
 4. Malyukova O. V. [Meaning and modern technologies of meaning-making]. In: *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture], 2023, no. 5, pp. 23–31.
 5. Mikesheva L. A. *Filosofiya poznaniya. Problemy epistemologii gumanitarnogo znaniya* [Philosophy of knowledge. Problems of epistemology of humanitarian knowledge]. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. 560 p.
 6. Milyh A. O. [Schutz's concept of intersubjectivity in the context of online communication]. In: *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian region: politics, economics, culture], 2020, no. 3 (64), pp. 142–147.
 7. Morkina Yu. S. [Communicative aspect of meaning]. In: *Filosofiya nauki: ezhegodnik. Vyp. 17: Epistemologicheskij analiz kommunikacii* [Philosophy of science: yearbook. Issue 17: Epistemological analysis of communication]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 306 p.
 8. Porus V. N. [Rational communication as a problem of epistemology]. In: *Kommunikativnaya racional'nost': epistemologicheskij podhod* [Communicative rationality: epistemological approach]. Moscow, IFRAN Publ., 2009, pp. 11–24.
 9. Prigozhin I. [Philosophy of Instability]. In: *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 1991, no. 6, pp. 46–52.
 10. Stockaya T. G. [Challenges of Modernity: Rationality as a Response]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences], 2020, no. 2, pp. 20–26.
 11. Surovceva E. S. [Actual Problems of Managing Organizational Communications]. In: *Vestnik Belgorodskogo universiteta potrebitel'skoj kooperacii* [Bulletin of the Belgorod University of Consumer Cooperatives], 2008, no. 1, pp. 291–294.
 12. Suhodub T. D. [Rationality in the Philosophical Tradition and Modern Culture: the Problem of Unrootedness]. In: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture]. St. Petersburg: Mir Publ., 2009, pp. 519–538.
 13. Frege G. About sense and meaning (Rus. ed.: Biryukov B., transl. *O smysle i znachenii*). In: *Logika i logicheskaya semantika: sbornik trudov* [Logic and logical semantics: collection of works]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2000, pp. 230–247.
 14. Schutz A. A world glowing with meaning (Rus. ed.: Nikolaev V. G., Romashko S. V., Smirnova N. M., transl. *Izbrannoe: Mir, svetyashchijsya smyslom*). Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 1056 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ломакина Наталья Борисовна – ассистент Института высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук Московского института электронной техники;
e-mail: krisyankin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia B. Lomakina – Assistant, Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, Moscow Institute of Electronic Technology;
e-mail: krisyankin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ломакина Н. Б. Рациональная коммуникация в управленческих процессах в условиях нестабильности и неопределённости // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 123–130.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-123-130

FOR CITATION

Lomakina N. B. Rational Communication in Management Processes in Conditions of Instability and Uncertainty. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 123–130.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-123-130

УДК 101.1: 316

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-131-137

ИДЕНТИЧНОСТЬ СУБЪЕКТА В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

Рябова М. Э.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, пр-т 2-й Сельскохозяйственный 4, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить специфику идентичности субъекта в социальной реальности современного общества, подверженного цифровизации, которая продуцирует новые формы взаимодействия индивидуального и коллективного субъектов.

Процедура и методы. Рассмотрены сложность, динамика, эмерджентные свойства идентичности субъекта с учётом преобразований, возникших на фоне цифровой эпохи. В исследовании применён метод социально-философского анализа преобразований социальной реальности, источником которых оказываются информационные технологии, порождающие вариативность идентичности, радикально меняющие ценностные ориентации субъекта и общества в целом. Кроме того, использовался метод интерпретации, позволивший обобщить диалектику устойчивости и изменчивости идентичности субъекта в современном обществе.

Результаты. Выявлено, что социальная реальность расширила пространство субъектных взаимодействий, радикально повлияв на выбор ориентиров индивидуальной идентичности. Установлена подверженность атомизации и текучести идентичности коллективного субъекта, что указывает на глубинные, сущностные разрывы с традиционными социокультурными архетипами. Сделаны выводы о надвигающейся бифуркации в масштабе общества, где малейшие флуктуации могут стать причиной радикальных перемен в обществе. Специфика цифровизации вынуждает меняться экспоненциально, неизбежно оказывая воздействие на идентификацию субъекта.

Теоретическая и/или практическая значимость заключается в попытке переосмыслить взгляд на сущность идентичности, подчеркнуть остроту проблемы сохранения и воспроизводства культурных ценностей, обозначить ответственность социальных институтов за новое качество смысловой картины мира на личностном уровне.

Ключевые слова: виртуальный образ, идентичность, субъект, цифровая реальность, эмерджентность

IDENTITY OF A SUBJECT IN THE SOCIO-CULTURAL REALITY OF DIGITAL SOCIETY

M. Ryabova*Moscow City University**prosp. Vtoroj Sel'skohozyajstvennyj 4, Moscow 129226, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the specifics of the subject's identity in the social reality of modern society, subject to digitalization, which produces new forms of interaction between individual and collective subjects.

Methodology. The complexity, dynamics, and emergent properties of the subject's identity are considered, taking into account the transformations that have arisen against the backdrop of the digital era. The study uses the method of socio-philosophical analysis of the transformations of social reality, the source of which is information technology, generating variability in identity, radically changing the value orienta-

tions of the subject and society as a whole. In addition, an interpretation method was used, which made it possible to generalize the dialectic of stability and variability of the subject's identity in modern society.

Results. It was revealed that social reality has expanded the space of subjective interactions, radically influencing the choice of guidelines for individual identity. The susceptibility to atomization and fluidity of the identity of the collective subject has been established, which indicates deep, essential breaks with traditional sociocultural archetypes. Conclusions are drawn about an impending bifurcation on a societal scale, where the slightest fluctuations can cause radical changes in society. The specifics of digitalization force it to change exponentially, inevitably affecting the identification of the subject.

Research implications is an attempt to rethink the view of the essence of identity, to emphasize the urgency of the problem of preserving and reproducing cultural values, to identify the responsibility of social institutions for a new quality of the semantic picture of the world at the personal level.

Keywords: identity, subject, digital reality, emergence, virtual image

Введение

Философские размышления о проблеме идентичности субъекта и его ценностных ориентирах всегда находились в центре общественного внимания [6; 8; 9; 10]. Широкое распространение высоких технологий во все сферы жизнедеятельности человека актуализирует болевые точки идентичности субъекта в возрастающей степени, ставя вопрос о новых характеристиках окружающего мира, динамика которого маркирована не только наличием всевозможных информационных ресурсов, но и интеграцией в повседневность человека искусственного интеллекта, генерирующего содержимое виртуальной реальности. В литературе уже отмечалось, что закономерные изменения социальных практик вызывают к жизни новые артефакты [5, с. 124]. Изменения, происходящие в социокультурном пространстве, их скорость несомненно оказывают огромное воздействие на человека, привязывая его всё больше к цифровому миру. Существенное расширение человеческих возможностей детерминирует новые форматы бытия общества в целом, приводя к тесному переплетению цифрового и реального «Я», что не может не трансформировать процессы идентификации. В таком контексте проблема идентичности субъекта приобретает новое звучание и требует философской рефлексии. Цель исследования осмыслить специфику тенденций идентификации субъекта сквозь призму вызовов цифровой современности.

Текущность идентичности

Парадокс социальных реалий и имманентной им проблематике идентичности субъекта состоит в том, что идентичность, вопреки представлениям классической традиции, подвижна, пластична и гибко вбирает в себя характеристики актуальной современности. Происходящие преобразования и их направленность рефлектируются обществом в отношении своих ценностных векторов. По утверждению Г. Л. Тульчинского, в качестве таких ориентиров «обычно рассматривается некая идеология, задающая смысловую картину конкретного социума» [6, с. 153]. Разделяя высказанную позицию Г. Л. Тульчинского, следует подчеркнуть, что идентичность субъекта отвечает тому, как он воплощает в себе приоритеты социума, с каким постоянством и с какой полнотой. Встраиваясь в логику функционирования эпохи, человек привносит в структуру индивидуального опыта содержание социальных норм, образцов поведения, сложившихся на тот или иной момент. В свою очередь, субъект также влияет на общество, формируя свою индивидуальность и контактируя с «Другим». Иначе говоря, взаимодействие субъекта и общества является двусторонним и взаимонаправленным процессом.

Трансформация социокультурных констант физической реальности обусловлена стремительным технологическим прогрессом. Как утверждают А. В. Гурьянова и А. В. Тимофеев: по мере его внедрения, «закономерно меняется облик вовлечённого в

данные процессы человека, формируются новые его образы, которые могут быть охарактеризованы как антропологические технообразы» [2, с. 121]. Новые технологии, такие, как виртуальная реальность, дополненная реальность, интернет, обретают черты, альтернативные привычной физической реальности, «развеществляя» бытие [4], делая социальное пространство и возможности человека текучими, мобильными. Преобразование окружающего мира позволило человеку видоизменять собственное «Я», раздвинув рамки творческой мысли, включая конструирование идентичности, порождая феномен цифровой идентичности. Новые формы реальности, виртуальное в современном мире приобретает статус подлинности, отсекая физическую реальность, превращаясь в «реальную виртуальность» [3, с. 343]. Одним из примеров трансформации социокультурных констант является преломление в новых социальных доминантах устоявшихся традиционных взглядов о времени, массовости, расстоянии, отсекая тот смысловой континуум, который совсем недавно связывался с окружающей реальностью. Если ранее ограниченность временных рамок, территориальная удалённость были преодолимы со значительными временными затратами, то сегодня все перемещения осуществимы хотя и виртуально, но мгновенно. Прогресс научного знания, претерпевшего пересмотр классических идей, требует учёта новых реалий, которые, к тому же, находятся в процессе становления или постоянной динамики. Сказанное открывает новые возможности для коммуникации и взаимодействия между субъектом и коллективным целым, оказывая косвенное влияние на процесс идентификации и самосознания индивида.

Интеграция всех сфер жизнедеятельности человека в пространство цифры и нейросетей побуждает к перманентному соотносению себя с искусственным миром, стимулируя новые способы и формы самоидентификации, в первую очередь, через цифровые образы. М. Кастельс указывал, что понимание логики механизмов

идентификации, коллективной или индивидуальной, приписанной или сконструированной, становится фундаментальным источником социальных значений в мире, пронизанном глобальными потоками богатств, власти и образов [3, с. 305]. Именно смысловое наполнение бытия определяет поступки, принятие решений конкретным индивидом.

С развитием социальных сетей и цифровых платформ понятие идентичности модифицируется в виртуальную идентичность, цифровой образ, что позволяет субъекту выражать себя без ограничений через различные онлайн-персонажи или новые статусы или роли, совсем не обязательно правдивые. Это приводит к появлению альтернативных форм самовыражения, а также задаёт новые вопросы о сущности идентичности. Она становится более гибкой, динамичной, с возможностью преобразовываться в разных контекстах, приобретая свойства текучести, причём как в физической, так и виртуальной реальностях. Это позволяет практически безгранично расширять границы своего «Я», экспериментировать с новыми идеями, которые вполне реалистичны и для физического мира. Однако текучесть идентичности затрагивает множество аспектов и проблем, стимулирующих запрос на их философское осмысление. Например, возникает вопрос о том, насколько аутентичной и подлинной может быть идентичность субъекта в виртуальной реальности. Сегодня многие стремятся к созданию собственной идентичности, независимой от культурных или географических рамок. Человек зачастую создаёт идеализированные версии себя или предпочитает прятаться за масками, что потенциально содержит угрозу рассогласования между виртуальной и реальной личностью. Создавая ложные идентичности, или анонимные активности, субъект также может стать объектом манипуляций и обмана. Находясь под влиянием вымышленной идентичности, субъект оказывается в иллюзорном мире, что может приводить к

искажению социокультурных и политических представлений.

Очевидно, что текучесть идентичности в физической и виртуальной реальности является сложным и многомерным процессом, что не позволяет однозначно сформулировать её дефиницию. Оба контекста предлагают уникальные возможности и вызовы для самовыражения и взаимодействия. Это происходит через пересмотр ценностей и убеждений, что осуществляется одновременно вовне и внутри человека посредством их единой реализации на основе единого экзистенциального допущения. Важно найти баланс между свободой выражения и поддержанием своей подлинной идентичности, а также осознавать потенциальные риски и проблемы, связанные с обманчивыми представлениями. Так, смешение физической и виртуальной реальностей формирует неразделимость онлайн и офлайн присутствия в повседневности человека. Перечень потенциальных возможностей можно продолжать и продолжать. Такая текучесть идентичности основана на сети бесконечных и вариативных взаимодействий, куда вовлечён субъект, который об этом может и не подозревать. Однако совершенно очевидно, что в дискурсе радикально осуществляющейся смены технологического уклада происходит значимый ментальный переход к новому качеству общественного сознания, вызывающий к серьёзному осмыслению крупномасштабных когнитивных сдвигов.

Эмерджентность идентичности

Диалектика стабильности и подвижности ментальных форм бытия субъекта и его коллективная природа (в терминологии К. Антфайлера) [8] на фоне турбулентных социальных преобразований усматривает познание имманентной субъекту идентичности, которая приобретает эмерджентные качества, новые уровни синергетического толка, подчиняющие и видоизменяющие прежние. «Эмерджентность говорит о незапланированности, неожиданности возникновения свойств, феноменов или объ-

ектов, которые ведут себя как «границные объекты», не имеющие, однако, отчётливо распознаваемой границы, а потому не поддающиеся категоризации и классификации», – утверждает В. В. Чеклецов [7, с. 71]. Дополняя приведённую цитату, следует обратить внимание, что свойство эмерджентности предполагает качественные изменения, которые не предсказуемы, что порождает стремление их избежать в целях удержания стабильности. Рефлексия субъекта субстанции бытия сопряжена с попытками преодолеть эмерджентные разрывы с учётом формирующегося уникального смысла мира, ориентированного на техногенность. В контексте объединения различных социальных нарративов выстраивается система приоритетов, приращивающая имманентное за счёт потенциального (трансцендентного), в которой кристаллизуется всеобщая онтология действительности.

Генератором, запускающим процесс идентификации, традиционно является образ «Другого», формируемый в массовом сознании как противоположный «Я». Возникновение нового социокультурного качества предполагает обретение смысла существования, вписанности в живую деятельную структуру общества. В этом контексте неизбежно происходит не только конвергенция, но и дивергенция смыслов. Эмерджентный эффект возникает благодаря взаимоотношениям между наиболее уязвимыми уровнями культурной идентичности. Играющие ключевую роль ценностные ориентиры ближнего окружения индивида поддерживают идентичность субъекта, фокусируясь на нелинейных, рекурсивных взаимодействиях, постоянно переплетаясь с противоречивыми триггерными точками, посредством которых образуется расколота идентичность. Например, когда общество транслирует одну смысловую картину мира, а субъект репрезентирует другую. Размежевание приоритетов, декларируемых политикой социума с обществами и индивидами, приверженцами других убеждений и представлений

о норме, оказывает мощное влияние на общественные настроения, включая просматривающийся кризис идентичности. Более того, последний сегодня воспринимается как культурная норма, а ведь именно идентичность субъекта задаёт вектор общественной динамики.

Вызовы растущей сложности и неопределённости включают в себя процесс превращения свойств субъекта в характеристики целого общества, опрометчивая социальную сущность. Тем самым, соотношение понятий части и целого погружается в контекст их рекурсивной взаимообусловленности. Постигая мир с какой-либо точки зрения, человек актуализирует новые формы интенсивного общезначимого столкновения антагонистических смысловых картин мира, одной из составляющей которого становится подмена смысложизненных ценностей. Взаимополагаемость элементов любого множества включает поступательное движение, каждый шаг которого обогащает элементы этого множества. Важно подчеркнуть, что ориентация субъекта на «Другого» формирует личностные предпочтения, их развитие трактуется в терминах «достижения» в смысловом поле разнообразия современности.

Самое интересное в динамике идентичности – это именно аспект постижения субъективности «Другого». Бесконечная смена контекстов, обновление смыслов, переход от одной социокультурной практики к другой заставляют вспомнить ленту Мёбиуса, представляющую самозамыкаемой системой бытия. В эпоху высоких технологий и вторжений нейросетей в повседневность, в область невидимого, невозможного, становится беспрецедентно возможно взаимодействие между реальным и иллюзорным миром, переход от физической реальности к воображаемой и обратно. Субъект погружается в проекцию бытия, формирующего иллюзорное убеждение в сознании индивида, что якобы в комфортном формате онлайн можно создать видимость цифрового образа субъекта, который можно трансформировать по его жела-

нию. Новый субъективизированный пласт бытия, обладая эмерджентными свойствами, подводит человека к перманентной готовности к самоизменению, наполнению новым содержанием. Однако если учитывать наблюдаемые сегодня размежевания в обществе, которых можно выделить как минимум по четырём ключевым основаниям (культура, ценности, территориальное пространство, социальный слой), то каждое из них сопряжено с линией идентичности, интегративно проявляющейся на личностном уровне, создавая уникальную неповторимость. Исходя из такого допущения можно предположить, что социальная реальность, в которой локализуется активность субъекта, способствует формированию мировоззренческих установок, закрепляющихся в его сознании. Смена параметров социокультурного пространства, вариативность идентитарных проекций, включая фактор эмерджентности, а также их подверженность политизации, создаёт предпосылку рандомного сочетания всевозможных коннотаций идентичности. В связи с этим становится возрастающей по важности задачей оценка идентичности в качестве управляемого ресурса общественного развития.

Заключение

Конфигурация окружающего мира обладает ярко выраженной асимметричностью, которая может оказаться источником либо созидательных начал, либо дезинтеграций. Доминирование любого из полюсов усиливает эскалацию конфликтности общества, т. к. подразумевает двойственное проявление. С одной стороны, субъект способен активно действовать, а с другой – через свои действия формировать собственный образ у других акторов, увеличивая поляризацию многообразных форм и гибридных проявлений идентичности. Грани понимания конструируемых идентичностей становится всё больше. Именно такую расколотую идентичность А. С. Ахиезер считал приводящей к латентному противостоянию в обществе [1]. Субъект ориентируется на

те идентификационные паттерны, которые он полагает референтными на данный момент. В перспективе подобные тенденции ведут к отчуждению индивидов, сулят разрушительные последствия, надвигающаяся бифуркация. Поэтому идентичность

субъекта на индивидуальном или коллективном уровнях определяет накал дискуссии вокруг приоритетов и ценностей современного общества.

Статья поступила в редакцию 15.04.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахиезер А. С. Труды. М.: Новый хронограф, 2006. 480 с.
2. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Технообразы человека. Часть I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network // Современные философские исследования. 2024. № 1. С. 120–128. DOI 10.18384/2949-5148-2024-1-120-128
3. Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура / пер., науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: Высшая школа экономики, 2000. 608 с.
4. Кутырев В. А. Бытие или ничто. СПб.: Алетейя, 2010. 496 с.
5. Рябова М. Э. Мем-культура и её воздействие на развитие современного общества // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2023. № 1. С. 123–132. DOI 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132
6. Тульчинский Г. Л. Смыслообразование и власть, или Политическая прагсемантика // Политическая наука. 2023. № 3. С. 151–169.
7. Чеклецов В. В. Динамические эмерджентные интерфейсы сложных социотехнических систем // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2015. № 1 (9). С. 70–84.
8. Antweiler Ch. Kollektive Identitat / L. Kuhnhardt, T. Mayer (eds.). Bonner Enzyklopadie der Globalitat. Wiesbaden: Springer VS, 2017. P. 443–453.
9. Blackburn M. The Persistence of the Civic Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe // National Identities. 2022. Vol. 24. No. 5. P. 461–480.
10. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality? // Political Studies. 2021. Vol. 71. No. 1. P. 145–174.

REFERENCES

1. Ahiezer A. S. *Trudy* [Works]. Moscow, Novyj hronograf Publ., 2006. 480 p.
2. Guryanova A. V., Timofeev A. V. [Technoimages of Man. Part I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network]. In: *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern Philosophical Research], 2024, no. 1, pp. 120–128. DOI 10.18384/2949-5148-2024-1-120-128
3. Castells M. Information Age: Economy, Society, Culture (Rus. ed.: Shkaratan O. I., transl. *Informacionnaya epoha: Ekonomika, obshchestvo, kul'tura*. Moscow, Vysshaya shkola ekonomiki Publ., 2000. 608 p.).
4. Kutyrev V. A. *Bytie ili nichto* [Being or Nothing]. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2010. 496 p.
5. Ryabova M. E. [Meme culture and its impact on the development of modern society]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophical Sciences], 2023, no. 1, pp. 123–132. DOI 10.18384/2310-7227-2023-1-123-132
6. Tul'chinsky G. L. [Meaning-making and power, or Political pragsemantics]. In: *Politicheskaya nauka* [Political science], 2023, no. 3, pp. 151–169.
7. Cheklecev V. V. [Dynamic emergent interfaces of complex sociotechnical systems]. In: *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva* [Philosophical problems of information technology and cyberspace], 2015, no. 1 (9), pp. 70–84.
8. Antweiler Ch. Kollektive Identitat. In: Kuhnhardt L., Mayer T., eds. *Bonner Enzyklopadie der Globalitat*. Wiesbaden: Springer VS, 2017, pp. 443–453.
9. Blackburn M. The Persistence of the Civic Ethnic Binary: Competing Visions of the Nation and Civilization in Western, Central and Eastern Europe. In: *National Identities*, 2022, vol. 24, no. 5, pp. 461–480.
10. Norris P. Cancel Culture: Myth or Reality?. In: *Political Studies*, 2021, vol. 71, no. 1, pp. 145–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рябова Марина Эдуардовна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета,
e-mail: ryabovame@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya E. Ryabova – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Professor Department of German Studies and Linguistic Didactics, Moscow City University.
e-mail: ryabovame@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Рябова М. Э. Идентичность субъекта в социокультурной реальности цифрового общества // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 131–137.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-131-137

FOR CITATION

Ryabova M. E. Identity of a Subject in the Socio-Cultural Reality of Digital Society. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 131–137.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-131-137

УДК 7.01

DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-138-149

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ АКСИОСФЕРЫ

Тимофеев А. В.*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва
443086, Самарская обл., г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть интерпретацию концепта «ценности», который считается междисциплинарным. В первую очередь анализируется гуманитарное антропомерное измерение ценностей.

Процедура и методы. Аксиосфера анализируется с точки зрения синергетики как сложная, открытая самоорганизующаяся система, которая обладает различными взаимосвязанными и взаимозависимыми уровнями организации, отличается эмерджентностью и способностью к самопостроению. Аксиосфера – диссипативная система, в которой временно устойчивые конфигурации смыслов и ценностей формируются в качестве среза в неравновесной, динамической среде. Синергетический подход предполагает изучение аксиосферы как сложной саморазвивающейся системы – многомерной, подверженной влиянию разнообразных факторов, обуславливающих динамику её развития, её эмерджентность и бифуркационность, связанной и взаимодействующей со многими другими системами и подсистемами.

Результаты. В отечественной традиции существует три основных подхода к феномену ценностей. Первый рассматривает их способность удовлетворять материальные и духовные потребности человека. Второй к ценностям относит высшие общественные идеалы. Третий осуществляет синтез первого и второго подхода. По существу, ценностями как объектами ценностного отношения могут считаться все многообразные проявления и продукты человеческой жизнедеятельности, социальных отношений и вовлечённых в спектр их производства и функционирования явлений природы. Все они могут получать оценку в контексте должного и недолжного, добра и зла, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного, истины и заблуждения и пр.

Теоретическая и/или практическая значимость. Человек всегда воспринимает ценности субъективно, по мере индивидуального становления его как личности он приобретает способность к критическому анализу и творческому пересмотру ранее воспринятых ценностей, в результате чего у него формируется определённая, глубоко индивидуальная, личностно особенная совокупность аксиологических категорий, ориентаций, а также идеалов, норм и пр. Аксиосфера – мир ценностей и ценностного отношения человека к миру. Аксиосфера детерминирована онтологическими, географическими и историческими факторами. Отсюда её этнокультурная специфика. Аксиосфера как таковая представляет собой синкретичную квинтэссенцию множества личностных, индивидуально ориентированных аксиосфер. Аксиосфера в силу своей идеальной природы – диалектическое единство субъективного и объективного, единичного и всеобщего, индивидуального и коллективного.

Ключевые слова: аксиология, аксиосфера, самоорганизация, самопостроение, синергетический подход, ценности

SYNERGETIC APPROACH IN THE STUDY OF THE AXIOSPHERE

A. Timofeev*Samara National Research University
Moskovskoe shosse 34, Samara 443086, Samara Region, Russian Federation*

Abstract

Aim. To examine the interpretation of the concept of “value”, which is considered interdisciplinary. First, the humanitarian anthropometric dimension of “values” is analyzed.

Methodology. The axiosphere is analyzed from the point of view of synergetics – as a complex, open self-organizing system that has various interconnected and interdependent levels of organization, is characterized by emergence and the ability to self-build. The axiosphere is a dissipative system in which temporarily stable configurations of meanings and values are formed as a slice in a nonequilibrium, dynamic environment. The synergetic approach involves the study of the axiosphere as a complex self-developing system – multidimensional, influenced by various factors that determine the dynamics of its development, its emergence and bifurcation, connected and interacting with many other systems and subsystems.

Results. In the Russian tradition there are three main approaches to the phenomenon of “value”. The first one considers the ability of values to satisfy the material and spiritual needs of a person. The second one refers to the highest social ideals as values. The third one synthesizes the first and second approaches. In essence, values as objects of a value relationship can be considered all the diverse manifestations and products of human activity, social relations and natural phenomena involved in the spectrum of their production and functioning. All of them can be evaluated in the context of due and improper, good and evil, just and unfair, beautiful and ugly, truth and error, etc.

Research implications. A person always perceives values subjectively, as an individual develops as a person, he acquires the ability to critically analyze and creatively revise previously perceived values, as a result of which he forms a certain, deeply individual, personally special set of axiological categories, orientations, as well as ideals, norms, etc. The axiosphere is a world of values and a person's value attitude to the world. The axiosphere is determined by ontological, geographical and historical factors. Hence its ethnocultural specificity. The axiosphere as such is a syncretic quintessence of many personal, individually oriented axiospheres. The axiosphere, by virtue of its ideal nature, is a dialectical unity of the subjective and the objective, the individual and the universal, the individual and the collective.

Keywords: axiology, axiosphere, self-organization, self-construction, synergetic approach, values

Введение

На уровне обыденного познания понятие «ценности» обычно наделяется исключительно экономическим смыслом и связывается с возможностью человека оценивать, ценить, давать оценку (Дж. Дьюи). В этом своём значении «ценность» часто соотносится с таким понятием, как «стоимость», и признаётся своеобразным инструментом сравнения, сопоставления. Ценности также трактуются как объективные свойства и отношения материального мира как природного, так и социального, и фиксируют момент значимости одного явления для другого (как субъекта). «Брак субъекта с объектом, – согласно Х. Ролстону, – порождает ценность» [15, р. 12].

Сегодня понятие «ценности» по праву считается междисциплинарным и применяется в целом ряде наук, в первую очередь гуманитарных. В них оно используется для

характеристики «...объектов и явлений, их свойств, а также абстрактных идей, воплощающих в себе нравственные идеалы и выступающих в качестве эталонов должного» [7]. Понимаемые таким образом ценности наделены не только когнитивным, но и регулятивно-целевым значением, т. к. выступают в качестве идеалов и норм в системе реально действующих социальных отношений.

Сразу же акцентируем, что в понимании «ценности» мы будем ориентироваться именно на её гуманитарное, а точнее, антропомерное измерение, в соответствии с которым «ценности» могут быть интерпретированы как принципы и убеждения, влияющие на поведение и образ жизни определённой группы людей или общества. Ведь какой бы отвлечённый и абстрактный характер ни носили те или иные ценности, о них можно судить лишь постольку, поскольку они проявляют себя

в сфере реальной человеческой жизнедеятельности, в многообразных связях, формирующихся у человека по отношению к обществу и природе, ко всем окружающим и к себе самому.

Основные подходы к феномену ценности

В отечественной философской традиции выделяются три основных подхода к феномену «ценности».

Первый из них – наиболее распространённый – апеллирует к способности ценностей удовлетворять материальные и духовные потребности человека, откуда проистекает трактовка ценности как значимости для человека тех или иных предметов и явлений действительности (А. В. Здравомыслов, С. Ф. Анисимов).

В рамках второго подхода к сфере ценностей относятся лишь высшие общественные идеалы (И. С. Нарский). В этом случае ценности становятся уже не средством, а целью, не сущим, а должным. Данный подход получил особое распространение в этике, в то время как со сферой человеческих потребностей утверждаемые в нём ценности-идеалы оказываются связанными лишь генетически. Однако, как и в первом случае, ценности здесь имеют субъект-объектную основу.

В третьем подходе осуществляется синтез исходных оснований первых двух. В нём ценность понимается как значимость и как идеал одновременно (В. П. Тугаринов, О. Г. Дробницкий) [7].

Сущность ценностей, равно как и специфика их проявления и функционирования в социуме, не могут определяться только и исключительно посредством отношений субъектно-объектной направленности. Важную роль здесь играют также межсубъектные отношения, в рамках которых ценности непосредственно реализуются. Отношениями же субъектно-объектной направленности определяется специфика не «ценности», а «оценки». Это позволяет произвести чёткую демаркацию понятия «оценки» как субъект-объектного

отношения и понятия «ценности», в котором находят отражение самые общие виды взаимоотношений межсубъектного характера, начиная с тех, в которых участвует конкретная личность и заканчивая всем обществом в целом.

По существу, ценностями как объектами ценностного отношения могут считаться все многообразные проявления и продукты человеческой жизнедеятельности, социальных отношений и вовлечённых в спектр их производства и функционирования явлений природы. Все они могут получать оценку в контексте должного и недолжного, добра и зла, справедливого и несправедливого, прекрасного и безобразного, истины и заблуждения и пр.

Система выработанных социумом в процессе своего исторического развития ценностей становится социокультурной матрицей социализации будущих поколений, определяющей ментальность и, как следствие, образ жизни и способы и формы жизнедеятельности и рефлексии над этими способами жизнедеятельности любого члена этого конкретного социума, становясь принадлежностью, внутренней структурой духовного мира индивида. Вначале эта система ценностей усваивается индивидом совершенно некритично, как некая данность, обладающая свойством истинности и непогрешимости. Ценности выступают в качестве оснований для принятия индивидами жизненно важных решений. Они носят объективный характер, но проявляют себя в рамках реально складывающихся социальных структур и отношений. Человек всегда воспринимает ценности субъективно, по мере индивидуального становления его как личности он приобретает способность к критическому анализу и творческому пересмотру ранее воспринятых ценностей, в результате чего у него формируется определённая глубоко индивидуальная, личностно особенная совокупность аксиологических категорий, ориентаций, а также идеалов, норм и пр. Однако все эти формирующиеся нормы и идеалы способны оказывать обратное воздействие на жизнь человека и функциони-

рование социальных общностей посредством работы его сознания и проявления на этой основе различных эмоционально-духовных психических состояний.

Феномен аксиосферы: сущность и содержание

Главная трудность в решении аксиологических проблем состоит в том, что ценности обладают чрезвычайно сложной, многоплановой природой, соответствующей самим способам их актуализации и последующего бытия. В этой связи актуализируется понятие «аксиосферы» (Г. П. Выжлецов, М. С. Каган, В. Н. Сагатовский, Л. Н. Столович), по аналогии с «ноосферой» (В. И. Вернадский, Э. Леруа, Н. Н. Моисеев, П. Тейяр де Шарден) и «семиосферой» (Ю. М. Лотман). «Аксиосфера» (от греч. *axio* – ценность; *сφαῖρα* – шар, замкнутая поверхность) характеризует сущностные границы пространства ценностей, его структурную неоднородность, внутреннее разнообразие, а также образует иерархию, компоненты которой находятся в синергетическом единстве и диалектической взаимосвязи. Она представляет собой мир ценностей в любом их понимании и отражает всю область ценностного отношения человека к миру.

Определяющими для понимания феномена «аксиосферы» выступают онтологические факторы, дающие причинно-следственное объяснение возникновению системы ценностей, её актуализации и реального воздействия на индивида и социум. Исторические и географические факторы также являются принципиально важными детерминантами этнокультурной специфики аксиосферы любого социума. Исходя из названных особенностей аксиосфера может быть истолкована как «духовное образование, которое включает ценностные ориентации, обеспечивающие самосохранение человека в пространстве и во времени»¹. Поэтому к ней могут быть

отнесены, например, результаты творческой деятельности человека, осваивающего объективные и создающего новые художественные, нравственные и материальные ценности, ценности научного творчества, религиозные ценности.

В содержательном плане аксиосфера включает в свой состав обширный субъективный мир ценностных представлений и разнообразных проявлений ценностного сознания, включая оценки, вкусы, идеалы, нормы, каноны, образы. «Аксиосфера – это общественная система взглядов, мировоззрений, идеологий и т. д., которая объединяет разнородные идеалы как этапы человеческого представления и понимания функционирования культуры и природного мира, чем и позволяет выражать ценностное отношение к предметам, вещам и явлениям. Именно аксиосфера является фундаментом культуры общества и социальной жизни в целом. Она составляет базовую основу общества, благодаря чему последнее сохраняет стабильность несмотря на присущие ему конфликты. Особенность аксиосферы – высокая стойкость, которая не позволяет изменить её случайно, или по чьему-то желанию»².

Как видим, понятие «аксиосфера» имеет многочисленные дефиниции, представленные в разных концепциях и исследовательских традициях. Среди них встречаются довольно-таки интересные авторские интерпретации, например: «аксиосфера представляет собой не просто конгломерат, сумму идей, образов и символов, означающих смыслы, цели, критерии оценочного отношения человека к миру вещей и явлений, но существует как виртуальная реальность, самоорганизующаяся система сопряжённых ценностей, обусловленных координационно-субординационными и причинно-следственными связями» [2, с. 9].

¹ Аксиосфера [Электронный ресурс]. URL: <https://wikipedia.org/wiki/аксиосфера> (дата обращения: 08.06. 2024).

² Аксиосфера культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://progs-shool.ru/obshhij-kurs-filosofii/521-aksiosfera-kultury.html> (дата обращения 07.06.2024).

Исследования аксиологической проблематики в отечественной философии

Одним из первых исследователей аксиологической проблематики в отечественной философской традиции был В. Н. Сагатовский, предложивший следующую формулировку: «аксиосфера – это совокупность ценностей, являющихся обобщёнными устойчивыми представлениями о предпочитаемых благах и приемлемых способах их получения, в которых сконцентрирован предшествующий опыт субъекта и на основе которых принимаются решения о его дальнейшем поведении. При таком понимании аксиосферы система ценностей выступает фундаментальным основанием образа жизни» [9, с. 48]. Конструируемая внутри аксиосферы иерархия ценностей во многом зависит от внутренней структуры каждого входящего в её состав элемента. Любой из них – объект-носитель, значимость, норма, идеал – является частью аксиосферы, но, вместе с тем, может выступать и как самостоятельная ценность.

Согласно Г. П. Выжлецову, ценность не может считаться только и исключительно желаемой или необходимой целью, превращающейся для стремящегося к ней человека в идеал и тем самым воздействующей на межличностные и социальные отношения в обратном нормативно-регулятивном порядке [4, с. 58]. Ценность выступает также посредником между самим бытием и включённым в его состав человеком. Восхождение человека по ступеням ценностной иерархии является высшим смыслом его пребывания в бытии. Так, в аксиогенезе ценность вызревает из своей биологической предшественницы, но при этом качественно отличается от неё (например, возникновение прекрасного из приятного). Подобным образом осуществлялось становление так называемого «праценностного сознания», выполняющего регулятивную функцию в системе отношений «мир – человек». Её специфику задаёт, во-первых, амбивалентность суще-

го, полного дуальных оппозиций, наподобие «тихое – шумное»; а с другой – не менее важная по своей структуроформирующей функции антитеза «Мы – субъект».

При определении структуры аксиосферы культуры М. С. Каган отталкивается от исходной триады субъекта, объекта и возникающего между ними ценностного отношения, складывающегося на основании оценки. Формирующаяся на основании такого ценностного взаимодействия субъекта и объекта «аксиосфера представляет собой не простую совокупность, соседство, рядоположенность тех или иных ценностей, а их целокупность – сложившуюся в истории культуры систему конкретных форм ценностного отношения человека к миру», – считает М. С. Каган [6, с. 52].

Как видим, учёный предлагает онтологически ориентированную трактовку строения морфологии аксиосферы культуры. Процесс её создания понимается как целенаправленное конструирование аксиологически осмысленного бытия в самых многообразных его формах и проявлениях, а также небытия, прошедшего через горнило рефлексивного сознания. Особую значимость здесь приобретает художественная реальность (сфера искусства) – единственное бытийное формообразование, порождающее особую разновидность ценности и корреспондентный ему тип аксиологического сознания. Как следствие, выступающие объектами аксиосферы культуры ценности (религиозной, политической и пр. направленности), относятся одновременно к двум сферам – реальной действительности (бытия) и художественного вымысла (небытия) [6, с. 52].

По существу, аксиосфера могла бы быть признана сугубо объективным образованием, включающим в свой состав только фундаментальные, имеющие статус абсолютных и возглавляющих иерархию ценностей. Тогда аксиосферу можно представить как своего рода особый мир платоновских «идей ценностей», включающих помимо «духовных» (психических) и материальных (физических) объекты. Однако в действительности аксиосфера

может носить не только обобщённый, но и индивидуализированный характер. Речь идёт о возможности её трансформации под влиянием непосредственных представлений конкретного человека об окружающем мире и собственном месте в нём. Следовательно, аксиосфера как таковая представляет собой синкретичную квинтэссенцию множества личностных, индивидуально ориентированных аксиосфер. Аксиосфера в силу своей идеальной природы – диалектическое единство субъективного и объективного, единичного и всеобщего, индивидуального и коллективного. С точки зрения синергетики аксиосфера – сложная, открытая самоорганизующаяся система, которая обладает различными взаимосвязанными и взаимозависимыми уровнями организации, отличается эмергентностью и способностью к самопостроению. Аксиосфера – диссипативная система, в которой временно устойчивые конфигурации смыслов и ценностей формируются в качестве среза в неравновесной, динамической среде.

Аксиосфера любой сферы деятельности человека также органически сочетается в себе объективное и субъективное. Объективный аспект заключается в том, что предыдущий опыт человечества или какой-то его отдельной части уже сформировал определённую систему ценностей, социокультурную матрицу, которая независимо от его желания и сознания прививается индивиду в процессе социализации в рамках непосредственного социального окружения. Субъективный же аспект связан с тем, что формирование индивидуальных аксиологических ориентаций и их индивидуальная реконфигурация и переинтерпретация всегда происходят в сознании отдельного человека и в конкретных жизненных обстоятельствах и сложно зависят от его уникального житейского опыта и специфики его когнитивных способностей. Следовательно, «...конкретное, эмпирическое “Я” в определённой ситуации, оценивая что-либо, не обязательно соотносит это с некоторым универсальным, идеальным воплощением той или

иной ценности, а чаще соотносит со своим собственным, более или менее совпадающим с общим пониманием ценностей» [14, с. 82].

Проблема типологизации ценностей

Аксиосфера неоднородна, гетерогенна, в значительной степени кластеризована, и все её составляющие находятся в динамическом соотношении благодаря разной валентности её составных частей, вступающих в противоречие и порождающих взаимодействие, ведущее к хаосу и энтропии, тогда как сетевые сообщества наоборот стремятся к равновесию и гармонии. Многообразие ценностей как структурных компонентов аксиосферы вызывает сложности с их типологизацией. Более того, проблема типологизации ценностей в аксиологии приводила к закономерным затруднениям. Ведь «каждая классификация предусматривает подчинение элементов системы, их иерархическую структуру. Но ценности размещены на разных уровнях восприятия и лишены своей однозначности – они начинают выполнять рабочие функции, психологизируются, превращаются в слиток человеческих потребностей» [3, с. 77].

В качестве основания аксиологической классификации предлагаются также конкретные состояния диспозиционной модальности, в результате чего ценности подразделяются на активные и «дремлющие», а также имеющие отношение к первостепенным потребностям человека и так называемые «периферийные». В аксиологии часто можно встретить весьма распространённое деление ценностей на относительные и абсолютные [8]. Тем не менее, в классической аксиологии попытки подобного рода демаркации ценностей предпринимались неоднократно, например, в трудах Г. Риккерта и М. Вебера.

Как уже указывалось выше, Г. Риккерт разработал своё учение о ценностях как основаниях теории истинного знания и нравственного действия И. Канта. Согласно Г. Риккерту, *познавать* фактически озна-

чает занимать определённую позицию по отношению к ценностям. Ценности и их иерархию Г. Риккерт трактовал как нечто абсолютное и надисторическое, ибо ценности укоренены в некоей надисторической реальности, а именно в трансцендентальном субъекте.

Это риккертовское понимание ценностей было подвергнуто критике со стороны М. Вебера, который «перенёс» ценности из надисторической области непосредственно в саму историю. Если Г. Риккерт разводит по разным плоскостям понятия «ценности» и «нормы» (ценность превращается в норму только в том случае, если на неё начинает ориентироваться в своей деятельности некий субъект), то М. Вебер разграничивает два акта – оценку и отношение к ценности. Оценка всегда остаётся в пределах только и исключительно субъективности, в то время как акт отнесения к ценности трансформирует наше индивидуальное впечатление в объективное. Поэтому науки об обществе и культуре, так же, как и естественные науки, должны быть, по М. Веберу, свободны от оценочных суждений.

У М. Вебера ценность трактуется как установка конкретной исторической эпохи, как свойственное ей направление интереса. Следовательно, ценности являются выражением общих социально-политических установок своего времени, в силу чего они носят не абсолютный, а относительный характер. В общих чертах с концепцией М. Вебера схожа позиция сторонников эволюционной гносеологии, считавших ценности составной частью самоорганизации определённой структуры или модели, задающей условия их формирования. В этом случае ценности также не имеют абсолютного характера, поскольку они «... не просто определяются какими-то прошлыми событиями, но формируются как составная часть самоорганизации некоей структуры или модели» [13, с. 20].

Несмотря на обозначенные выше различия, концепции Г. Риккерта и М. Вебера родственны тем, что указывают на наличие двух видов ценностей – абсолютных и от-

носительных, которые диалектически связаны между собой. Высшей из абсолютных, надисторических ценностей по праву считается человечность (гуманизм). Согласно характеристике С. Н. Булгакова, «это изначальное, метафизическое единство человечества, эта человечность есть положительная духовная сила, действующее в мире, его единящее начало» [1, с. 107]. К числу других абсолютных социальных ценностей обычно относят свободу, справедливость и верховенство права.

Достаточно часто встречается разделение социальных ценностей на официальные, т. е. признанные в тот или иной обществу и государстве (например, гуманизм, сострадание, солидарность), и неофициальные или бессознательные ценности, которые выступают непосредственными и, как правило, неосознанными мотивами человеческого поведения и деятельности. Это, к примеру, такие ценности гедонистической направленности, как потребление, собственность, развлечения, общественное положение и др. Согласно Э. Фромму, «расхождение между осознанными и неэффективными ценностями, с одной стороны, и неосознанными и действенными – с другой, опустошает личность» [12, с. 285]. Основываясь на вышеизложенном, Э. Фромм предлагает разделить все ценности на гуманистические (направленные на поддержание жизни, развитие природы, общества и человека) и некрофильные (вызывающие эгоизм, безжалостную внутрисоциальную борьбу и, как следствие, неизбежное крушение самого общества) [12, с. 286–289].

Основные подходы к пониманию ценностей. Структуризация аксиосферы

Выделим три основных подхода к пониманию природы ценностей, представленные в профильной научно-исследовательской литературе. Первый из них – релятивистский, в соответствии с которым все ценности объявляются относительными, а и их предпочтение провозгла-

шается делом вкуса каждого конкретного индивидуума. За пределами этой индивидуальной аксиологической среды ценности оказываются лишёнными какой бы то ни было значимости и смысла. Иначе говоря, источником ценностей всегда выступает конкретный человек. Этот релятивистский подход весьма близок по духу таким масштабным течениям современности, как экзистенциализм и постмодернизм, уходя своими историческими корнями в глубину веков к софистам, скептикам и киникам.

Согласно второму подходу, ценности укоренены в самой социальной действительности. Адепты данного представления полагают, что высшей целью для всех членов любого общества является его стабильность и выживание. В этой связи высшими ценностями, обязательными для каждого входящего в его состав индивида, выступают нормы, содействующие реализации данной цели [12, с. 286]. Такое представление о ценностях наиболее типично для современной социологии и теории коммуникаций.

И, наконец, третий подход к природе ценностей объясняет их биологически имманентными природе, укоренёнными в соответствующих чувствах животных, включая и человека. Такое представление свойственно, в основном, для естественных наук.

При этом потребности и ценности неразрывно связаны между собой. Их определённое сочетание позволяет наполнять конкретным содержанием ценностно-мотивационную сферу различных социальных групп и культур в разные исторические эпохи. В генетическом плане ценности представляют собой функции наиболее значимых потребностей человека и путей их удовлетворения. Адекватное соотношение потребностей и ценностей способствует закреплению определённой потребности, что позволяет ей в дальнейшем исполнять функцию эталона: в нём концентрируется предшествующий опыт субъекта, и с ним сопоставляются все вновь возникающие потребности.

Изменчивую и непостоянную природу человеческих ценностей, проявляющую себя в разные эпохи и в разных культурах, глубоко изучил американский учёный Р. Инглхарт. Ещё в 70-е гг. XX в. Р. Инглхарт начал разрабатывать теорию смены поколений (*“generational replacement”*), в рамках которой утверждал, что от поколения к поколению обязательно происходит смена ценностей [5]. Все важные исторические события никогда не проходят бесследно, их отпечаток всегда остаётся в системе человеческих ценностей. Р. Инглхарт считает, что сейчас мы стали свидетелями исторического перехода от материалистических ценностей к постматериалистическим.

Р. Инглхарт разрабатывает эволюционную теорию модернизации: специфика современного экономического развития, подкрепляющая её институты государственного благосостояния и сохраняющая между ведущими мировыми державами длительный мир (с 1945 г.) трансформирует человеческую мотивацию так, что в ней происходят важные подвижки в экономическом поведении и распространении демократии, роли религии и гендерных ролях, нормах сексуального поведения и пр. По мнению Р. Инглхарта, экономическое развитие, а также все политические и культурные сдвиги взаимосвязаны и напрямую зависят от преобразований человеческого восприятия, норм и ценностей. Мировоззрение социума изменяется с опозданием: новые взгляды влияют и на политику, и на экономику, но это происходит с появлением нового поколения. Ставшие более доступными образование и информация оказывают принципиальное влияние на изменение и трансформацию системы ценностей.

Вектор социального развития направлен от аграрного к индустриальному обществу, а затем к обществу знаний, где живут высокообразованные люди, привыкшие «думать самостоятельно» [5].

В эпоху индустриализации начался переход от традиционных ценностей к светским и рационализму как стилю мыш-

ления и поведения. Традиционные ценности утверждают важность религии, связей между поколениями родителей и детей, уважительного отношения к старшим по возрасту, семейным ценностям и пр. Если человек разделяет эти ценности, он не приемлет аборт, развод, самоубийство и эвтаназию. Общества, в которых преобладают ценности традиционного типа, отличаются высоким уровнем национальной гордости, а иногда даже своим национальным мировоззрением. В то же время таким обществам достаточно часто присуща стагнация и задержка культурного, интеллектуального, экономического и политического развития этноса.

Постиндустриальное общество (или общество знаний) заменило ценности социальной «модели выживания» на ценности «модели самовыражения», являющиеся, по сути своей, светско-рациональными. Если ценности модели «выживания» фокусировались, главным образом, вокруг экономической и физической безопасности и были связаны с этноцентристским самовосприятием и низким уровнем толерантности, то ценности самовыражения ориентированы абсолютно по-другому. Они фиксируют первостепенную значимость защиты окружающей среды, пропагандируют гендерное равенство, задают меру терпимости по отношению к представителям других национальностей и культур, индивидам с нетрадиционной сексуальной ориентацией и пр. Так внутри общества называют очаги противоречий (по аналогии со «столкновением цивилизаций» С. Хантингтона). Такие конфликты чреваты, как мы отчётливо видим на примерах новейшей истории Запада, тенденцией к дестабилизации общества и его экономики, кроме того, они приводят к «диктатуре меньшинств», что в свою очередь очень сильно сбивает нравственные ценностные ориентиры общества и влекут за собой негативную девиацию аксиосферы общества.

Страны, которые исторически родственны, имеют схожую социально-экономическую ситуацию и окружающую среду, совпадают также и по своим ценностям (у

этих стран общие основы ментальности, некие общие социокультурные парадигмы, определяющие их цивилизационный тип). Например, существует ярко выраженная англоязычная культурная зона с типичными для неё ценностями, рассредоточенными на пространстве от Австралии до Западной Европы. Есть православная, исламская, африканская культурная зоны, есть зона католической Европы, отличной от Европы протестантской. Р. Инглхарт выделяет также латиноамериканскую культурную зону, включающую территорию от Испании до Португалии. Несмотря на столь ярко выраженное многообразие современного культурного (и ценностного) зонирования, учёный убеждён, что в итоге все страны придут к светско-рациональным ценностям и ценностям самовыражения, но каждая страна достигнет этого в определённое время.

В структурном плане аксиосфера довольно разнообразно трактуется её многочисленными интерпретаторами – отечественными и зарубежными, современными авторами и представителями XX столетия. В силу отсутствия единообразия мнений по искомому вопросу состояние современной аксиосферы, как, впрочем, и культуры в целом, часто характеризуется как «мозаичное» и потому не имеющее очевидных оснований для консолидации. Главной причиной подобного рода разобщённости можно считать ценностный плюрализм, который порой перерастает даже в нигилизм. В этой связи закономерно возникает вопрос: является ли аксиосфера неорганизованным и во многом хаотичным образованием или же она, в целом, структурирована и тяготеет более к системной организации?

Проблема единства и многообразия sesuatu в аксиосфере не утрачивает своей актуальности и должна быть разрешена, на наш взгляд, именно в пользу единства. Единство современного мира обусловлено многими разветвляющимися в нем реалиями: фактом глобализации, возникновением и расширением Интернета и единого информационного пространства,

формированием единого экономического пространства, осознанием в качестве единого и целостного образования экологической системы и пр. Современный человек также осознает себя не изолированным «социальным атомом», а участником всех этих разнонаправленных и, вместе с тем, нацеленных на единение процессов. В силу развертывающихся в современном мире интеграционных тенденций синергетический подход уже является актуальным для анализа большинства гуманитарных проблем, следовательно, он может (и должен) быть использован для анализа феномена аксиосферы.

Синергетический аспект в исследовании аксиосферы

Синергетический подход предполагает изучение аксиосферы как сложной саморазвивающейся системы – многомерной, подверженной влиянию разнообразных факторов, обуславливающих динамику её развития, её эмерджентность и бифуркационность, связанной и взаимодействующей со многими другими системами и подсистемами (например, с системой природы, что даёт начало направлениям экологической этики и глобального эволюционизма). Охват этической стороны вопроса важен в контексте синергетического моделирования, поскольку позволяет актуализировать ведущую идею социосинергетики о возможности выбора между потенциальными альтернативами и ответственности за этот выбор (в отличие от свойственного классике понимания свободы в качестве «осознанной необходимости»).

Синергетический подход предполагает анализ аксиосферы с учётом склонности самой порождающей её культуры к разного рода бифуркационным изменениям, что проявляется, например, в свойственном ей чередовании циклов развития и в их последовательном усложнении. В этой связи на первый план в синергетически ориентированном исследовании выходит задача обнаружения подобных «точек бифуркации» (моментов ветвления путей развития си-

стемы), а также выявления «аттракторов» и возможных будущих «полифуркаций». Актуализируется также принцип «устойчивой неравновесности», связанный с наличием достаточного уровня разнообразия структурных элементов системы как необходимого условия её устойчивости в целом.

Важную роль в рамках синергетического подхода играет принцип конструктивной роли хаоса, вытекающий из колоссального разброса элементов структурных подсистем. Последние в случае изменения изначально заданных условий вполне могут привести к нахождению каких-либо новых неординарных решений.

И, наконец, следует упомянуть ещё один важный принцип социосинергетики, который предполагает, что в процессе эволюции человечества роль и значение в его жизни искусственной среды обитания неуклонно возрастают. Это как раз и фиксируется в принципе «удаления от естества». Под воздействием данного принципа претерпевает неизбежные трансформации и аксиосфера (например, она оказывается не в состоянии самостоятельно вернуться к исходному равновесию и гармонии с природой).

В целом, «синергетический подход позволяет найти диалектическое сопряжение единства и многообразия, общей направленности и разных путей движения культуры человечества» [6, с. 323]. В ходе своего исторического развития мировая культура постоянно усложнялась с точки зрения типологии. Соответственно, претерпевала усложнение и аксиосфера как один из её неотъемлемых компонентов. В свою очередь, будучи системным образованием, аксиосфера отражает всю полноту связей между её отдельными элементами, т. е. между разными видами ценностей. Иными словами, аксиосфера – это целостность, имеющая собственную достаточно сложную структуру и представляющая в этой связи в качестве «полноценной синергетической системы» [10, с. 354].

Заключение

Завершая рассмотрение феномена аксиосферы, хотелось бы акцентировать внимание на входящей в её состав группе ценностей, которые считаются «всеобщими» и значимыми на протяжении всей истории человечества. Эти ценности позиционируются в аксиологии как «...общечеловеческие и характеризуют собой социальную доминанту ориентации во все времена развития общества» [7]. Они всегда признавались в аксиологии независимо от того, был ли подход к ним синергетический, трансценденталистский, натуралистический или диалектико-материалистический. По мнению современных исследователей, такими ценностями, находящими воплоще-

ние практически в каждой философской концепции, являются истина, красота, знание, добро [7]. К ним добавляются также семья, любовь, образование, свобода, доброта и некоторые другие [11, с. 94].

Все эти универсальные ценности традиционно выступали регуляторами жизни человека, были неразрывно связаны со свойственными ему мотивацией и потребностями. Однако, как уже указывалось выше, любые (и даже «общечеловеческие») ценности не лишены исторической предзаданности и обусловленности, что находит отражение в нюансах и специфике их интерпретации в рамках каждой конкретно-исторической эпохи.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 412 с.
2. Валицкая А. П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик. СПб: Астерион, 2023. С. 5–14.
3. Веденеева Г. И. Аксиосфера краеведения и её роль в нравственном воспитании младших школьников // Начальная школа плюс. До и После. 2021. № 3. С. 77–80.
4. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996. 148 с.
5. Инглхарт Р. Модернизация – ценности – счастье: Россия и мир [Электронный ресурс] // Контекст: международный лекторий. URL: <http://www.contextfound.org/events/y2012/m12/n79> (дата обращения: 11.06.2024).
6. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
7. Кирьякова А. В. Теория ценностей – методологический базис аксиологии образования [Электронный ресурс] // Аксиология и инноватика образования. 2020. № 1. С. 2–32. URL: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (дата обращения: 09.06.2024).
8. Козменко М. В. Синкретичность трансценденции аксиосферы культуры [Электронный ресурс] // Studia Humanitatis. 2013. № 1. URL: www.st-hum.ru (дата обращения: 11.06.2024).
9. Сагатовский В. Н. Деятельность как философская категория // Философские науки. 1978. № 2. С. 47–55.
10. Суворова И. М. Аксиосфера культуры как синергетическая система // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2. С. 352–355.
11. Фактор А. М., Камолов С. Г., Никандрова А. А. Человеческие ценности в цифровую эпоху [Электронный ресурс] // Моделирование, оптимизация и информационные технологии. 2019. № 2 (21). С. 86–103. URL: <http://moit.vivt.ru> (дата обращения: 08.06.2024).
12. Фромм Э. Психоанализ и этика / сост. П. С. Гуревич, С. Я. Левит. М.: Республика, 1993. 415 с.
13. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / пер. Е. Осиповой. М.: Новости; Catallaxy, 1992. 304 с.
14. Южанинова Е. Р. Аксиология Интернета и ее морфология // Вестник Оренбургского государственного университета. 2023. № 1 (150). С. 80–86.
15. Rolston H. *Philosophy Gone Wild*. New York: Prometheus Books, 1989. 269 p.

REFERENCES

1. Bulgakov S. N. *Filosofiya hozyajstva* [Philosophy of Economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 412 p.

2. Valickaya A. P. [Axiosphere: the content of the concept and its instrumental status]. In: *Aksiosfera sovremennosti: filosofsko-esteticheskij analiz i нравственное обоснование sociokul'turnyh praktik* [Axiosphere of modernity: philosophical and aesthetic analysis and moral justification of socio-cultural practices]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2023, pp. 5–14.
3. Vedeneeva G. I. [Axiosphere of local history and its role in the moral education of primary school students]. In: *Nachal'naya shkola plus. Do i Posle* [Primary school plus], 2021, no. 3, pp. 77–80.
4. Vyzhlecov G. P. *Aksiologiya kul'tury* [Axiology of culture]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1996. 148 p.
5. Inglehart R. F. Democracy versus Modernization: a dilemma for Russia and for the world (Rus. ed.: *Modernizatsiya – cennosti – schast'e: Rossiya i mir*. In: Kontekst: mezhdunarodnyj lektorij. Available at: <http://www.contextfound.org/events/y2012/m12/n79> (accessed: 11.06.2024)).
6. Kagan M. S. *Filosofskaya teoriya cennosti* [Philosophical Theory of Value]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1997. 205 p.
7. Kiryakova A. V. [Value Theory - a Methodological Basis for the Axiology of Education]. In: *Aksiologiya i innovatika obrazovaniya* [Axiology and Innovation in Education], 2020, no. 1, pp. 2–32. Available at: <http://www.orenport.ru/axiology/?doc=3> (accessed: 09.06.2024).
8. Kozmenko M. V. [Syncretic nature of transcendence of cultural axiosphere]. In: *Studia Humanitatis*, 2013, no. 1. Available at: www.st-hum.ru (data obrashcheniya: 11.06.2024).
9. Sagatovsky V. N. [Activity as a philosophical category]. In: *Filosofskie nauki* [Philosophical sciences], 1978, no. 2, pp. 47–55.
10. Suvorova I. M. [Axiosphere of culture as a synergetic system]. In: *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought], 2014, no. 2, pp. 352–355.
11. Faktor A. M., Kamolov S. G., Nikandrova A. A. [Human values in the digital age]. In: *Modelirovanie, optimizatsiya i informacionnye tekhnologii* [Modeling, optimization and information technology], 2019, no. 2 (21), pp. 86–103. Available at: <http://moit.vivt.ru> (accessed: 08.06.2024).
12. Fromm E. On Psychoanalysis and Ethics (Rus. ed.: Gurevich P. S., Levit S. Ya., comps. *Psihoanaliz i etika*. Moscow, Respublika Publ., 1993. 415 p.).
13. Hayek F. The Fatal Conceit: The Errors of Socialism (Rus. ed.: Osipova E., transl. *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki socializma*. Moscow, Novosti Publ., Catallaxy Publ., 1992. 304 p.).
14. Yuzhaninova E. R. [Axiology of the Internet and its morphology]. In: *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2023, no. 1 (150), pp. 80–86.
15. Rolston H. *Philosophy Gone Wild*. New York, Prometheus Books Publ., 1989. 269 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофеев Александр Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры информационных систем и технологий Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва;
e-mail: timofeev_av@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander V. Timofeev – Cand. Sci. (Pedagogics), Assoc. Prof., Department of Information Systems and Technologies, Samara National Research University;
e-mail: timofeev_av@list.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Тимофеев А. В. Синергетический подход в исследовании аксиосферы // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 138–149.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-138-149

FOR CITATION

Timofeev A. V. Synergetic Approach in the Study of the Axiosphere. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 138–149.
DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-138-149

РЕЦЕНЗИИ

**ПОНИМАТЬ НАУКУ, ЧТОБЫ В НЕЁ ВЕРИТЬ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ЛЕБЕДЕВ С. А. ВВЕДЕНИЕ В ФИЛОСОФИЮ НАУКИ: 15 ЛЕКЦИЙ.
М.: ПРОСПЕКТ, 2024. 352 С.**

Губанов Н. Н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, пр-т Ленинградский, д. 49/2, Российская Федерация*

**UNDERSTAND SCIENCE TO BELIEVE IN IT. BOOK REVIEW: LEBEDEV S. A.
INTRODUCTION TO THE PHILOSOPHY OF SCIENCE: 15 LECTURES. MOSCOW,
PROSPECT PUBL., 2024. 352 P.**

N. Gubanov

*Financial University under the Government of the Russian Federation
prosp. Leningradsky 49/2, Moscow 125167, Russian Federation*

Любая достаточно сложная по содержанию человеческая деятельность носит полимотивированный характер, однако, на наш взгляд, в структуре мотивов личности ключевую роль играет любовь к самой этой деятельности, искренняя заинтересованность и вовлечённость в процесс. Можно сказать, что без большой любви не бывает великих свершений. Особенно это относится к занятию наукой. А в чём проявляется любовь учёного к науке? Помимо целеустремлённого изучения объектов своей конкретной науки искренне любящий её человек не может хотя бы временами не задаваться общими волнующими вопросами типа: в чём заключается сущность науки и какова её структура? Каково её место в системе культуры? Как и почему она развивается? Какие методы и в каких случаях приносят плодотворные результаты? Что такое научная истина? Какое отношение имеет конструируемая учёными научная реальность к моделируемому ею бытию? Чем отличаются многообразные науки друг от друга, и что всё же заставляет нас называть их общим именем «наука»? и т. д.

Ввиду чрезвычайной сложности нынешнего состояния науки, её глубокой дифференцированности и насыщенной драматизмом богатой истории развития, разобраться самостоятельно в этих и подобных им вопросах представляется совершенно невозможным. Конечно, молодой учёный может стихийно нахвататься каких-то идей от коллег и из различных источников, какие-то решения найти сам интуитивным путём, и таким образом сложить для себя некую смысловую систему координат, в рамках которой он будет худо-бедно понимать себя, своё занятие, его предназначение, и из которой он будет черпать вдохновение для работы. В жизни довольно часто именно так и происходит. Однако это не является лучшим из возможных вариантов. Помочь ориентироваться в приведённых выше проблемах более надёжным способом может систематическое изучение философии науки – дисциплины, призванной на базе эмпирического материала

реальной науки получить основательные знания о сущности науки, её структуре, методах и закономерностях развития.

Итак, можно просто верить в науку, продолжая решать свои частные научные задачи и отгонять от себя навязчивые вопросы философского плана, а можно, внимательно изучая историю и философию науки, постараться понять науку как таковую, чтобы верить в неё уже на основе глубокого осознания её сущности. Отечественная система высшего образования предпочла второй путь. Для этого около 20 лет назад в программу подготовки аспирантов была введена новая дисциплина кандидатского минимума «История и философия науки», заменившая марксистско-ленинскую философию. Характерной чертой этой дисциплины служит то, что вектор формирования её содержания направлен не от той или иной философской системы к осмыслению науки, а наоборот – от реальной науки к её философской рефлексии. Это освободило философию науки от фундаментальной зависимости от той или иной философии. Одним из учёных, который стоял у самых истоков становления данной тенденции формирования содержания философии науки, является проф. С. А. Лебедев – автор многочисленных, ставших уже классическими, учебников по философии и методологии науки. Выход в свет его новой добротной книги «Введение в философию науки: 15 лекций» представляет из себя, по нашему мнению, знаковое событие отечественной научной жизни, а также важную веху развития указанной выше традиции написания философии науки «от реальной науки к её философии». Позволим себе такую немного вольную оценку обсуждаемой книги: данное пособие являет собой незаменимую обстоятельную методичку для преподавателей истории и философии науки, в которой автор делится с коллегами своим многолетним опытом подготовки и чтения лекций по данной дисциплине.

Рецензируемая монография включает в себя Предисловие и 15 лекций по основным темам дисциплины «История и философия науки». Отметим следующие силь-

ные стороны учебного пособия: 1) чёткое выделение основных разделов дисциплины, а также определение количества лекций на каждый из них; 2) чёткая формулировка вопросов каждой лекции, определение структуры (последовательности) изложения содержания каждого вопроса и его аргументированное решение; 3) объёмное резюме каждой лекции в виде выводов; 4) указание после каждой лекции списка литературы для более широкого ознакомления с содержанием темы лекции и позиции лектора в его публикациях. Т. к. в каждом разделе чётко выражена собственная позиция автора, у читателя остаётся возможность иметь иную позицию и искать другое решение, не совпадающее с предложенным в книге.

Предисловие начинается с изложения автором своего видения структуры дисциплины «Философия науки», в которой он выделяет девять разделов: 1) история философии науки (знакомство аспирантов с её основными концепциями); 2) предмет, структура и метод философии науки; 3) структура науки и научного знания; 4) онтология науки; 5) эпистемология науки; 6) методология науки; 7) проблема истины в науке; 8) аксиология науки; 9) праксиология науки. Далее С. А. Лебедев кратко обозначает свою собственную позицию по каждому из перечисленных разделов курса. Такой подход следует признать довольно удачным, поскольку уже из Предисловия читатель получает общее представление о базисных принципах, на которых построена концепция философии науки автора. С каждой новой темой это общее представление будет углубляться, конкретизироваться, дополняться и выстраиваться в стройное здание системы идей автора. Такой способ написания учебного пособия делает его единым органичным целым, мотивируя читателя с большим интересом шаг за шагом следовать за мыслью автора и чувствовать себя в каком-то смысле соучастником увлекательного процесса становления новой самобытной концепции в области философии науки. Ввиду ограниченного объёма данной рецензии, с одной

стороны, и фундаментального характера рецензируемой книги – с другой, остановимся только на некоторых лекциях, и только на некоторых идеях, заинтересовавших лично нас больше всего.

Первая лекция монографии посвящена истории философии науки, в которой С. А. Лебедев выделяет два различных этапа и направления: 1) классическая философия науки как эпистемология, т. е. как философская теория научного познания, рассматривающая науку в качестве деятельности по получению всеобщего, необходимого, доказательного истинного знания (V в. до н. э. – до наст. в.); 2) неклассическая философия науки как общая теория реальной науки, основанная на её конкретно-научном эмпирическом, историческом и логическом исследовании (первый позитивизм – до наст. в.). Оба направления признаются автором «одинаково правомерными, поскольку за каждым из них стоит вполне определенная исследовательская традиция. Однако ... при этом в каждой из указанных традиций и предмет, и проблематика философии науки, и методы её решения существенно различны»¹. Отметим, что это различие порой приводит к прямой несовместимости этих двух рассматриваемых толкований философии науки, видимо, поэтому классические эпистемологи навешивают на философов науки ярлык «позитивистов», а последние на первых – представителей «спекулятивной и умозрительной метафизики».

Неоспоримым достоинством первой лекции, на наш взгляд, служит то, что в ней философия науки ярко представлена как живая подвижная плюралистичная система концепций, каждая из которых имеет рациональное зерно и относительную истинность при своём применении. Все обсуждаемые концепции, а их в монографии рассмотрено 13, анализируются в историческом и социокультурном контексте своего возникновения, показаны их сильные и слабые стороны, выявленные последующим развитием реальной науки. И всё же

предпочтение С. А. Лебедев отдаёт диалектической концепции в её позитивно-диалектическом варианте. Основные принципы диалектического взгляда на науку: 1) утверждение относительного характера определённости, однозначности и истинности любых понятий, суждений и теорий науки; 2) положение о конструктивном, творческом характере научного познания; 3) утверждение о практическом характере всех истин реальной науки и о их соответствии практике как главному критерию истинности; 4) положение о субъект-объектном характере научного познания и любых его результатов; 5) осознание принципиальной социальной реальности субъектов научного познания; 6) положение о социальном характере и социально-культурной обусловленности самого процесса научного познания; 7) осознание консенсуального характера любых научных результатов. Именно эти принципы делают диалектическую концепцию философии науки наиболее обоснованной и универсальной. Она исходит из идеи единства и вместе с тем качественного разнообразия различных областей науки, видов научного знания и методов научного познания. Содержательный плюрализм науки может достигать состояния диалектического противоречия между различными уровнями, единицами и типами научного знания.

Приведённый выше взгляд на науку предписывает учитывать диалектический характер всех различий не только внутри науки, но и между ней и другими видами знания, в частности философией. Граница между наукой и философией является относительной как в историческом, так и в функциональном отношении. Но она всегда существует, ибо «имеет свои корни в адаптивной для человека необходимости структурирования богатого содержания сознания, разделения его на различные сферы и уровни (в частности, на сферы всеобщего и частного содержания сознания, предметного и ценностного знания и др.). По отношению к частным наукам философия выступает не только как наиболее общий, но и как мировоззренче-

¹ Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. С. 8.

ский вид знания, выполняя по отношению к науке интерпретационную, оценочную, общекультурную и адаптивную функции. Это обусловлено ... тем, что только в философии, только с помощью философских категорий сознание и культура вообще способны рационально моделировать и осознавать себя как целостные системы»¹. Из процитированного следует, что взаимодействие науки и философии служит необходимым условием успешного развития их обеих.

Оригинальная многомерная модель структуры науки излагается в Лекции 3 «Философские измерения науки». В философской литературе обычно выделяют три аспекта науки: особый вид знания; особый вид деятельности; особый социальный институт. По мнению С. А. Лебедева, данное трёхмерное описание науки не адекватно её современному состоянию, ибо не учитывает ряд следующих столь же существенных аспектов: наука как особая подсистема культуры; как инновационная система; как особая форма жизни.

Культурологическое измерение науки существенно влияет на понимание всех других её измерений, её историческое видение, интерпретацию общих законов её функционирования и развития. «Общий характер влияния культуры на науку состоит прежде всего в распространении на науку общих ценностей, составляющих ядро современной ей культуры»². Например, древнеегипетская наука имела такие особенности, как догматический, практический, сакральный характер. Эти особенности были отражением общих ценностей древнеегипетской цивилизации – нацеленности на преумножение своего богатства, религиозного характера её мировоззрения и жёсткой социальной иерархии. Поэтому древнеегипетская наука приобрела вид практического искусства, способов измерения площадей и объёмов различных тел, а не доказательной геометрической теории, какой она стала в Древней Греции, где

главными ценностями были логос, гармония, свобода, демократия, ставка на мышление как основной инструмент познания.

Одной из важнейших структурных характеристик современной науки служит инновационность – нацеленность на развитие экономического потенциала общества, создание новых потребительских стоимостей, новых наукоёмких товаров и услуг. Как показало плотное взаимодействие науки, промышленности и экономики уже начиная с конца XIX в., а тем более в XX в., это возможно только в том случае, если производимые в обществе товары и услуги основаны на научных знаниях. Другой определяющей характеристикой современной науки, нуждающейся в обособленном рассмотрении, является её человеческое измерение. Оно имеет своим основанием то, что научное познание отнюдь не служит неким пассивным отражением объективной реальности, которая извне навязывает сознанию учёных своё содержание. На большом материале истории науки убедительно показано, что научное познание представляет собой конструктивный, творческий процесс взаимодействия мышления учёных с познаваемой ими реальностью. «Предпочтение, оказываемое учёным одной из научных гипотез, всегда определяется не только эмпирическими фактами и логическими достоинствами теорий, но и многими другими факторами: практическими потребностями, полученным образованием, принадлежностью к той или иной научной школе, потребностью самоутверждения, стремлением к новизне и оригинальности и т. д. Неизбежной платой за любой совершаемый учёным выбор является когнитивная, социальная, моральная, а часто и экзистенциальная ответственность конкретного учёного не только перед научным сообществом, но и перед самим собой»³.

Проблема демаркации научного знания является одной из самых важных в философии науки. Она состоит в формулировке таких характеристик научного знания, со-

¹ Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. С. 48–49.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 95.

вокупность которых качественно отличала бы научное знание от всех других его видов. Изложению этой темы посвящена Лекция 4 «Научное знание: проблема демаркации». Интересной особенностью преподнесения материала лекции служит оригинальный исторический и дифференцированный подход, в рамках которого система признаков научного знания рассматривается не как нечто неизменное, раз и навсегда данное, совершенно тождественное для всех видов научного знания и областей наук, а как подвижная система признаков, которая, во-первых, отражает представления той или иной культурно-исторической эпохи о предназначении науки и её сущности, а во-вторых, конкретизируется применительно к разным видам научного знания (чувственному, эмпирическому, теоретическому) и к разным областям науки (математика, естествознание, социально-гуманитарные науки, технические науки).

Лекция начинается с фиксации свойств научного знания, которыми оно наделялось в момент своего рождения на Древнем Востоке, в странах Средиземноморья и Египте примерно в XXX в. до н. э.: 1) объектность, 2) эмпиричность, 3) более определённое и точное, чем обыденное знание, 4) полезное в практическом отношении. Далее подробно раскрываются следующие вопросы: проблема демаркации в античной и средневековой науке; проблема демаркации научного знания в классической науке; конкретизация классической научной рациональности: первое направление (применительно к разным видам научного знания); конкретизация классической научной рациональности: второе направление (применительно к разным областям науки); демаркация знания в неклассической науке. Завершается лекция следующим справедливым выводом «в современной постнеклассической науке благодаря усиливающимся в ней интеграционным процессам ... резкому увеличению числа междисциплинарных исследований, взаимосвязи науки и практики вновь возникает необходимость разработки такого

общего понимания научного знания, которое не зависело бы от его конкретного содержания»¹.

Сильной стороной отечественной философии науки всегда было внимательное изучение влияния философских принципов и положений на развитие научного знания. На наш взгляд, в данном направлении российская философия несколько опережает зарубежную. Одну из причин этого справедливо отметил ещё В. С. Стёпин: «Несмотря на то, что целый ряд исследователей в западной философии отмечали продуктивность философских идей в развитии научного знания, тем не менее сам механизм этого влияния в их исследованиях не получил достаточного обоснования. В этом отношении результаты, полученные в нашей философской литературе, выглядят предпочтительней. Во многом это связано с выявлением особого слоя, связывающего мировоззрение и философию, с одной стороны, и конкретно-научное знание, с другой. По отношению к системе онтологических представлений таким слоем выступает научная картина мира»². С. А. Лебедев продолжает эту славную отечественную традицию изучения такого важного компонента общенаучного знания, как научная картина мира. Этой теме посвящена основательная Лекция 7 «Онтология науки». В ней исчерпывающе разобраны следующие вопросы: научная картина мира и её методологические функции; научная онтология мегамира: основные концепции Вселенной; научная онтология макромира и её эволюция; научная онтология микромира.

Пытливому и вдумчивому читателю дадут много пищи для размышления следующие три лекции, в которых разворачивается атака широким фронтом на концепцию научного познания как отражения объективной реальности, а также на универсальность корреспондентской теории истины. В этих трёх лекциях последовательно и

¹ Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. С. 109.

² Стёпин В. С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 196.

убедительно отстаивается положение о конструктивном характере знания на всех уровнях научного познания. В Лекции 8 рассматриваются вопросы о конструктивной природе сознания вообще, о субъективной реальности как эталонной реальности для сознания и о научной реальности как конструкте сознания. В Лекции 9 приводятся свидетельства в пользу конструктивности чувственного и эмпирического познания в науке. В отдельных параграфах показана конструктивная природа таких элементов эмпирического уровня научного познания, как: протокольные предложения, эмпирические факты, эмпирические законы и эмпирические (феноменологические) теории. Эта лекция особенно интересна и полезна для прочтения с точки зрения изучения истории науки, т. к. выводы автора подтверждаются подробным разбором многочисленных примеров из истории различных наук. Лекция 10 раскрывает конструктивную природу научных теорий через освещение следующих вопросов: теоретического познания в науке, его природы и сущности; методов построения (введения) исходных объектов научной теории; методов построения производных объектов научной теории.

Материал обсуждаемых лекций носит в целом дискуссионный и по-хорошему провокационный характер, заставляя читателя с новой стороны посмотреть на многие фундаментальные философские проблемы, увидеть их новые аспекты и серьёзно задуматься над решением этих проблем уже в свете приведенных автором оригинальных аргументов. На наш взгляд, в общих чертах позицию С. А. Лебедева лучше всего кратко передаёт следующий фрагмент: «Познание не есть процесс отражения сознанием объективной реальности и “навязывания” ему собственного содержания. Познавательный процесс имеет противоположную направленность: он идёт не от объекта познания к субъекту познания, а наоборот: от субъекта познания и содержания его сознания к объекту познания. В своей сущности познание – это процесс сравнения созданной сознанием субъек-

тивной реальности с объективной реальностью и оценке свойств и отношений последней. Для успешного выполнения этой функции знание о субъективной реальности вовсе не обязано быть тождественным содержанию объективной реальности. Цель познания совсем другая: использовать субъективную реальность в качестве эталонного средства для структурирования объективной реальности и определения степени её сходства с эталоном»¹.

Разработка уровневой модели методологии науки – это, на наш взгляд, одно из самых значительных достижений С. А. Лебедева на поприще философии и методологии науки. Изложение этой модели в его работах последних лет стало своего рода «визитной карточкой» автора и его определённым «знаком качества». Не является исключением и данное пособие. Уровневая модель представлена в новой, дополненной и специально дидактически ориентированной версии в Лекции 11. Напомним основные положения обсуждаемого подхода. С. А. Лебедев выделяет в структуре научного знания любой науки четыре качественно различных уровня: чувственный; эмпирический; теоретический; метатеоретический. Элементами этих уровней (в том же порядке) являются: сенсорные модели познаваемых объектов («вещей в себе»); эмпирические абстрактные объекты как понятийно-дискурсивные модели сенсорного знания; идеальные объекты (исходные и производные) как имманентные продукты мышления; отдельные научные теории. Каждый уровень научного знания имеет собственную онтологию, а также особый кластер методов получения и обоснования своих структурных единиц знания. В лекции даётся исчерпывающее описание методов каждого кластера, и для подавляющего большинства методов (кроме самых простых) приводятся примеры их использования из истории различных наук. Эти примеры, подробно разобранные со знанием дела, владением специальной терминологией, с

¹ Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. С. 189.

формулами, где они нужны, можно будет в дальнейшем использовать в своей педагогической практике. Как показывает наш опыт, такой подход к проведению занятий оказывает неизгладимое впечатление на аудиторию, особенно состоящую из студентов негуманитарных специальностей, и мотивирует их более серьёзно относиться к философии.

В начале рецензии мы уже касались вопроса о мотивации занятием наукой. Основной и главной ценностью науки является Истина. Преданное служение Истине отличает подлинного учёного от любого временщика, конъюнктурщика, «эффективного менеджера» и прочей социальной шелухи, окружающей и отягощающей науку своим присутствием в разное время в силу различных политических и экономических причин. Некоторые радикальные представители постмодернизма объявили категорию истины симулякром и приговорили её к смерти. По нашему глубокому убеждению, смерть Истины будет означать и смерть науки, впрочем, как и смерть разума вообще. Многие учебники по философии науки обходят молчанием проблему истины в науке или же ограничиваются изложением существующих точек зрения. На наш взгляд, это проявление малодушия. Проблема истины сложна, вечна, неоднозначна, но ответственный философ науки просто обязан заявить свою личную позицию по этому вопросу. С. А. Лебедев делает это в Лекции 12, которая называется «Проблема истины в науке: концепции и критерии». Подробно разобраны 10 концепций истины, выявлены их плюсы и минусы, для каждой отмечена сфера, в которой она может быть приложима наилучшим образом. Сделан следующий вывод: «Для разных видов, уровней и единиц научного знания разработаны особые критерии их истинности. Но поскольку процесс научного познания понимается сегодня как принципиально социальный, главным субъектом которого является дисциплинарное научное сообщество, постольку консенсуальная концепция научной истины является наиболее предпочтительной

и наиболее универсальной, тем более что она не противоречит всем другим концепциям истины, а является их своеобразным обобщением»¹.

Последняя лекция монографии называется «Праксиология науки». Отмечается, что одной из главных задач праксиологии науки является исследование науки как основы инновационной системы современного общества. С. А. Лебедев справедливо указывает, что во многих концепциях философии науки, как российских, так и зарубежных, значение научно-инновационной деятельности для понимания структуры и закономерностей развития науки сильно недооценивалось. Результатом этого стал перекокс в сторону «гносеологизма», когда при обсуждении философских проблем науки её рассматривают лишь в чисто познавательном плане. Такой подход, конечно же, является неполным и неприемлемым, если мы хотим видеть в философии науки систему знаний о сущности, структуре и общих закономерностях функционирования и развития реальной науки. В лекции обстоятельно рассмотрены следующие вопросы: 1) современная наука как социально-инновационная система; 2) наука – основа инновационного развития общества; 3) современная наука и государство.

По первому вопросу отмечается, что современная мировая наука – профессионально организованная деятельность миллионов исследователей. Во всём мире насчитывается около 15 млн учёных, из них около 350 тыс. – в России. Имеется два принципиальных отличия современной науки от классической: 1) перенесение главного акцента научной деятельности с процесса получения и обоснования научного знания на его практическое применение; 2) ярко выраженный социальный и коллективный характер научной деятельности, главным субъектом науки стал не отдельный учёный, а научные коллективы и организации. Научно-познавательная деятельность регулируется не только идеалами и нормами научного исследования,

¹ Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. С. 291.

но и множеством правовых норм и этосом науки.

При рассмотрении науки как основы инновационного развития общества показано, что научная деятельность имеет своей главной задачей производство новых потребительных стоимостей, новых товаров и услуг самого разного вида. Современная наука жёстко встроена в инновационную экономику в качестве одного из её важнейших звеньев. Инновационная ориентация науки привела к изменению соотношения её различных видов: фундаментальные исследования, отождествляемые раньше со словом «наука», составляют 8–10% от всего объёма исследований, прикладные исследования – 30–35%, опытно-конструкторские разработки – около 50%, маркетинговое сопровождение – 8–10%. Подчинив себя интересам развития экономики, став одним из её ведущих звеньев, наука, с одной стороны, потеряла свою былую независимость от бизнеса и государства. Но вместе с тем она получила от них мощную финансовую и материальную поддержку, без чего развитие современных научных исследований во всех областях науки в принципе невозможно в силу их всё возрастающей дороговизны. Особенно это относится ко всем техническим и естественным наукам с их огромными затратами на материалы, оборудование, приборную базу, информационное обеспечение. Развитие всех основных сфер жизнедеятельности общества напрямую зависит от развития инновационных технологий, причём со временем эта зависимость экономики от науки становится всё сильнее и очевиднее. С. А. Лебедев делает вывод: конкурентоспособность национальных экономик и социальное развитие любой страны становятся в прямую зависимость от мощности её научного потенциала, темпов его роста и, главное, эффективности его мобилизации и использования.

Рассматривая вопрос «Наука и государство», С. А. Лебедев показывает, что государству по отношению к науке присущи следующие функции: 1) законодательная (разработка законодательства в области

правового регулирования научной деятельности); 2) участие государства в качестве крупнейшего заказчика, исполнителя и потребителя результатов научных исследований; 3) выполнение государством функции главного координатора деятельности всех секторов национальной науки (государственной, академической, промышленной, неприбыльной, региональной и др.); 4) обеспечение государством безвозмездного и беспрепятственного трансфера результатов научных исследований, включая наукоёмкие технологии двойного назначения, из одного сектора национальной науки во все другие; 5) активное участие современных государств в международном научном разделении труда и в крупных совместных международных проектах; 6) политическая функция, которая заключается в выработке положительного отношения общества к проблемам развития науки и техники, а вне страны – в способности оказать политическое, дипломатическое, а иногда и военное давление в интересах национального бизнеса и его развития.

В книге выделяются также два важных направления деятельности современного государства в поддержку инновационного климата в стране: 1) выполнение прогностических работ и мониторинга состояния мировой научно-технической сферы со стремлением на возможно более ранних стадиях обнаружить наиболее перспективные «точки роста» этой сферы; 2) поддержка науки: государство активно вовлекает в инновационный процесс сотрудников государственных исследовательских организаций, поощряя продажу или даже бесплатную передачу лицензий, заключение соглашений о научно-технической кооперации с частными фирмами.

С. А. Лебедев отмечает, что современная российская наука существенно отстает по большинству показателей от состояния и уровня развития науки в наиболее развитых странах. Преодоление этого отставания возможно только при резком усилении роли государства в развитии научно-технического потенциала России.

С учётом международного опыта он предлагает ряд продуманных мер для этого. Не имея возможности из-за ограниченного объёма рецензии описать эти меры, отметим, что предлагаемые меры можно реализовывать только при доле расходов на науку в структуре российского ВВП не менее 2% в год, сейчас она составляет чуть больше 1%. С. А. Лебедев справедливо полагает, что развитие науки и инновационной деятельности должно быть главным полем битвы с коллективным Западом за суверенность России, здесь область демонстрации и проверки патриотизма, здесь место единения государства и частного бизнеса в интересах развития страны и благополучия всего народа.

Для ускоренного развития российской науки, по мнению С. А. Лебедева, необходимо решить 4 задачи социально-экономического характера: 1) существенное омоложение кадрового состава науки; 2) создание новой системы подготовки и

переподготовки научных кадров; 3) создание политических и экономических условий, при которых российский частный капитал был бы заинтересован в проведении и финансировании научных исследований; 4) создание российским государством не просто рыночной, а инновационной рыночной экономики.

В заключение можно отметить, что рецензируемый труд представляет собой глубокое систематическое рассмотрение основных проблем философии науки. Книга написана хорошим литературным языком, ясно, последовательно, логично. Она сочетает в себе достигнутый современной философией науки теоретический уровень развития с доступным для аспирантов, магистрантов и соискателей способом изложения. Она окажет большую и неопценимую помощь не только обучающимся, но и преподавателям дисциплины кандидатского минимума «История и философия науки».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Губанов Николай Николаевич – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Gubanov – Dr. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Prof., Department of Humanitarian Disciplines, Finance University under the Government of the Russian Federation;
e-mail: gubanovnn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Губанов Н. Н. Понимать науку, чтобы в неё верить. Рецензия на книгу: Лебедев С. А. Введение в философию науки: 15 лекций. М.: Проспект, 2024. 352 с. // *Современные философские исследования*. 2024. № 3. С. 150–158.

FOR CITATION

Gubanov N. N. Understand Science to Believe in it. Book Review: Lebedev S. A. Introduction to the Philosophy of Science: 15 Lectures. Moscow, Prospect Publ., 2024. 352 p. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2024, no. 3, pp. 150–158.

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2024. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор В. А. Кулакова
Переводчик Ю. А. Назарова
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.philosmgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 10, уч.-изд. л. 13.

Подписано в печать: 29.10.2024 г. Дата выхода в свет: 31.10.2024 г. Заказ № 2024/10-07.

Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А